

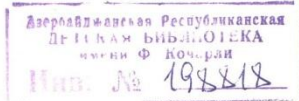

*F.Köçərli ad. Respublika Uşaq Kitabxanasının
Elektron Kitabları*

Захид Халил

**Детская
литература
АЗЕРБАЙДЖАНА**

ОЧЕРКИ

Москва
«Детская литература»
1987

*F.Köçərli ad. Respublika Uşaq Kitabxanasının
Elektron Kitabları*

83. 3Аз
Х 17

Авторизованный перевод
Игоря Мотяшова

Оформление Ю. Урманчева

X $\frac{4603010200-363}{M101(03)87}$ 016-87

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1987 г.

*F.Köçərli ad. Respublika Uşaq Kitabxanasının
Elektron Kitabları*

ВВЕДЕНИЕ

Когда в конце IV века до нашей эры Александр Македонский одержал победу над персами, освобожденная им часть Мидии образовала самостоятельное государство — Атропатену, названную так по имени ее вождя Атропата, что означало «Хранитель огня».

Недра Атропатены изобиловали нефтью и газом. Там, где они выходили на поверхность, пылали вечные факелы. Житсли этой земли поклонялись огню.

Впоследствии слово Атропатена претерпело изменения в языках окружающих народов. Армяне называли эту страну Атрпатакан. Иранцы — Адербадаган. Арабы — Адербайджан или Азербайджан. Последнее имя прочно закрепилось в истории.

Биография азербайджанского народа исчисляется тысячелетиями. Об Азербайджане, о его природе и городах, хозяйстве и культуре, о преданиях и обычаях его жителей рассказывали в своих произведениях историки и путешественники Древней Греции и Рима — Геродот и Страбон, Ариан, Птолемей и Плиний.

Какие только захватчики с запада, востока и юга не приходили на азербайджанскую землю: римляне и персы, Александр Македонский и сасаниды, войска арабского халифата и кочевники-сельджуки, монголы Чингисхана и Тамерлан! Вытапывались и вновь плодоносили поля и пастбища. Превращались в руины и краше прежнего отстраивались города. Тела погибших вытесняли реки из берегов, и вода в них окрашивалась кровью. Один властелин сменял другого. Но народ жил, и никакая жестокость завоевателей и тиранов не могла сломить его дух.

Предания сохранили имена героев, могучих народных богатырей, непобедимых борцов за справедливость, за свободу родной земли: Джаваншира, Бабека, Саттархана, Кёр-оглы, Гачага Наби, Гатыра Мамеда.

В огне нашествий и кровавых внутренних междоусобий погибли тысячи бесценных рукописей: научных трактатов, собраний стихотворений и поэм. Но безошибочная память народа сберегла, как святыню, родной язык и многое из того, что было создано на этом языке людьми, в которых воплотился народный гений.

Несмотря на то, что в силу исторических условий с VII по XIII век азербайджанские наука, искусство и литература создавались почти исключительно на персидском (фарси) и арабском языках, азербайджанский язык не только сохранял свое значение в народном быту, но и оказывал постоянное и непосредственное влияние на азербайджанских авторов, писавших на персидском и арабском языках.

Современная исследовательница Азада справедливо напоминает, что «персоязычную литературу народов Ближнего Востока средних веков нельзя... рассматривать как явление однородное. В рамках одного языка литература каждой страны имела свою специфику. Чрезвычайно важно и интересно проследить, как «общее» преломляется в художественной мысли данного народа, выявить не только сходство, но отличие, то неповторимое своеобразие, которым отмечена литература данного народа.

Ясно, например, что Рудаки, Фирдоуси, Саади по своему духу тесно связаны с таджикско-персидской средой, тогда как Хагани, Низами близки к Азербайджану, а Амир Хосров — к Индии. Это проявляется в выборе не только проблем, но и в подходе поэта к системе образов, изображении природы и быта, в особенностях стиля»¹.

Начиная с поэта XIII века Иззедина Гасан-оглы, писавшего свои стихотворения на родном языке, азербайджанский язык в литературе приобретает равные права с персидским. А с течением времени и вовсе вытесняет его. Присоединение Азербайджана к России, резко ослабив персидское влияние, дало мощный стимул развитию национальной культуры, несмотря на то, что царизм проводил в отношении народов Кавказа и других окраин колонизаторскую, русификаторскую политику. Уже в первое десятилетие после заключения Туркманчайского договора (1828) в городах Шуше, Шеки, Баку, Нахичевани, Шемахе, Гяндже были открыты русско-азербайджанские школы, в которых преподавался азербайджанский язык. Сам факт преподавания родного языка в массовой, светского характера, школе имел, бесспорно, историческое значение.

Для новых школ требовались учебники. Их создавали деятели культуры нового типа, свободно владевшие восточными, русским и важнейшими европейскими языками, соединявшие вершинные достижения восточной и европейской культур. Такие, как профессора Петербургского университета Мирза Казем-бек (1802—1870), избранный членом-корреспондентом Российской Академии наук, и Мирза Джафар Топчибашев (1790—1869), обучавший персидскому языку А. С. Грибоедова; поэты Аббас Кули-ага Бакиханов (1794—1847) и Мирза Шафи Вазех (1792—1852).

В созданные ими учебники азербайджанского языка и литературы они включали доступные детям отрывки из бессмертных созданий Низами, Физули, Хатаи и других классиков, народные сказки, баяты, дастаны, пословицы, колыбельные, скороговорки и считалки, переводы из русской и европейской литератур, а также собственные произведения, обращенные непосредственно к детям.

Детская литература Азербайджана очень молода. Ей меньше ста лет, хотя первое детское произведение — поэма «Спор плодов» — было создано Мухаммедом Физули еще в XVI веке. Лишь три столетия спустя, в связи с развитием в Азербайджане светского школьного образования, возникла настоятельная потребность в специальной литературе для детей и юношества.

Процесс рождения и формирования литературы, которая, будучи доступной и интересной ребенку по средствам художественного выражения,

¹ Азада Р. Поступь столетий. Баку, Гянджлик, 1977, с. 16.

ведет его по ступеням познания жизни, воспитывает в духе передовых идей времени, наблюдается на протяжении всей второй половины прошлого века. Десятки талантливых и высокообразованных людей приняли в нем участие. Один из них — Сеид Азим Ширвани (1835—1888), основавший у себя на родине в Шемахе школу, в которой проводил в жизнь принципы религиозного индифферентизма и терпимости, русско-азербайджанской дружбы, интернационализма и гуманизма. Его педагогическая программа ярко сформулирована в стихотворном послании «Сыну», содержащем, в частности, следующие наставления:

Будешь разумным — и не скажу я ничуть:
«Сын мой, будь русским» или «мусульманином будь».
Станешь суннитом или шиитом, сынок, —
Только бы стрелы сбить не могли тебя с ног.

Шейха ль, бабида ты изберешь себе путь, —
Будь кем захочешь, только фальшивым не будь...

Сын мой, старайся в жизни добиться всех благ,
Вечно учиться, чтобы твой ум не зачах.

Чтобы познал ты иноплеменный язык,
К русской науке чтобы особо приник.

Наша нужда в ней, мой мальчик, больше всего.
Русское слово! Можно ль не знать нам его?

(Пер. П. Панченко)

В дореволюционном Азербайджане было написано немало замечательных произведений, которые поныне входят в золотой фонд детского и юношеского чтения. «Дореволюционная прогрессивная азербайджанская детская литература, отличавшаяся высокохудожественной формой, глубоким социальным и идейно-нравственным содержанием, выступала гневным обличителем тех вопиющих социальных несправедливостей, которые явились причиной горестной судьбы обездоленных детей. Она отражала трагедию лишенных детства детей, выражала протест против порядков эксплуататорского строя, — говорит член Политбюро ЦК КПСС первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиев. — Великая Октябрьская социалистическая революция положила конец социальному неравенству и неравноправию, открыла путь к новой светлой жизни. Многовековая самобытная культура азербайджанского народа возродилась под знаменем Великого Октября и сегодня вносит весомый вклад в обогащение всей многонациональной советской литературы, искусства и науки»¹.

Лишь с победой революции и превращением Азербайджана в Советскую Социалистическую Республику создались объективные условия

¹ Алиев Г. А. Укреплять в юном читателе лучшие качества строителей коммунизма. — «Детская литература», 1982, № 4, с. 3—4.

для создания на азербайджанском языке подлинно большой литературы для маленьких. Уходящая корнями в глубины национальной истории, культуры, языка, связанная тысячами кровеносных нитей с творениями народного духа — фольклором и литературными памятниками прошедших эпох, азербайджанская советская детская литература является органической частью всесоюзной литературы для детей, литературы принципиально нового типа — литературы социалистического реализма.

Она первая встречает маленького человека у порога жизни, бережно и вместе с тем уверенно выводит его на путь самостоятельного творчества и борьбы, гражданского деяния и подвига, на дорогу счастья.

Она зажигает в душе растущего человека факел, огонь которого питается неисчислимыми запасами духовности, что отложилась в пластах народной истории, как нефть и газ откладывались в пластах земной коры.

Эта литература — хранитель огня.

ПЕСНЯ НАРОДНОЙ ДУШИ (Детская литература и фольклор)

С незапамятных времен народ знал: ребенок нуждается в пище не только телесной, и потребность в насыщении духа надо удовлетворять едва ли не с первого дня появления ребенка на свет. Только восприняв духовный опыт предшествующих поколений, человек становится вполне человеком.

С присущей ему смелой и богатой фантазией, находчивостью и мудростью мысли, жизнеутверждающим юмором, свободолобием и стремлением к идеалу творил азербайджанский народ художественно-образную энциклопедию своего бытия в десятках разнообразных словесных форм — от состоящих из одних междометий колыбельных для малюток до мощных, как симфония, дастанов, обнимающих разом многосложный мир человеческих деяний и чувств.

Веками воспитывал народ свое потомство на этой изустной литературе: вначале потому, что просто еще не было письменности и книг; в последующие времена — из-за того, что книги были редки, дороги и доступны лишь богатым и их детям.

Письменная литература, даже после того как она возникла и достигла высочайшего расцвета, в течение многих столетий не могла постичь истину, для нас самоочевидную: что нужна и специальная книга для детей, а не только для людей зрелых. Народу эта истина была известна всегда. Он баюкал младенцев колыбельными, веселил подрастающих ребят охшамами, учил языку скороговорками, исчислению — считалками, мудрости — загадками, пословицами и поговорками. Он передавал детям свои мечты и надежды, свое понимание дружбы, братства, любви, свою ненависть к тирании, трусости, лжи и предательству в сказках и дастанах, повествующих о его нелегкой, исполненной лишений и борьбы жизни.

Изначальное бытование специфически детских фольклорных жанров — едва ли не самое убедительное доказательство необходимости письменной детской литературы. Уже самим своим существованием фольклор для детей «подсказывал» художникам слова, что и как им надо писать. Фольклор, таким образом, стал одним из источников детской литературы, ее началом. С возникновением письменной литературы для детей роль фольклора изменилась, но потребность в нем не исчезла. И сегодня фольклор оказывает на литературу мощное оздоравливающее влияние, обогащает ее идеями и образами. В нем черпают вдохновение многие детские и юношеские писатели наших дней.

Первые произведения устного творчества народа, вступающие в кон-

такт с новорожденным, — колыбельные. В Азербайджане эти песенки называются *лайла*, потому что мать, как у русских «баю-бай», поет «лай-лай». Вначале песня не преследует иной цели, кроме как усыпить малыша. И слова ее предельно просты: «Лай, лай, лай; лай, лай, лай...»

Но вот ребенку несколько месяцев, он уже что-то понимает, и мать в колыбельной словно бы беседует с ним, доверительно рассказывая о тяжести материнского труда, о своей любви и преданности:

Лай-лай, говорила я, пока ты не уснул.
 Подожду, когда скроется луна.
 Душа моя настрадалась.
 Пока ты подрастал.
 Ребенок мой всегда сладкий,
 Даже если вкус меня обманывает.
 Сладкое дитя слаще меда,
 Но и горькое тоже как мед.

Материнская радость, мечты о здоровье и счастье ребенка — вот главное содержание колыбельных. Временами они напоминают молитвы или заклинания — будто мать ворожит своему дитяти благоденствие:

Лай-лай, пою я громко,
 И голос мой улетает в дымоход.
 Пусть бог тебя сбережет
 От оспы, от кори...

Колыбельные можно рассматривать как разновидность лирической народной песни. Вероятно, первоначальными их авторами были сами матери. Они рассказывали в песнях не только о своем ребенке и материнстве, но и о своем прошлом, призывали в гости далеко живущих родственников, выражали другие свои желания.

Поэтика многих колыбельных не столь проста, как может показаться на первый взгляд. Для них характерны восточная символика, иносказание, подтекст.

Лай-лай, пою я, чтобы ты уснул,
 Чтобы в цветок розы погрузился,
 Чтобы в золотой розе
 Сладкий сон нашел.

Это не только пожелание малышу крепкого и сладкого сна. Это еще и мечта о том, чтобы будущее ребенка было прекрасным и чистым, как цветущая роза.

Нашепывая на ушко, тихо напевая малышу слова, в которых выражается ее духовный мир, ее представления о добре и счастье, мать становится, по сути, первым учителем ребенка, закладывает основу его нравственного и эстетического воспитания. Конечно, малыш понимает далеко не все. Но разве мы, взрослые, можем сказать, что до конца понимаем

великие творения классиков мировой литературы? В данном случае важно то, что пробуждающееся сознание ребенка, его еще не обремененная знаниями память произвольно фиксируют звуки и интонации материнского, то есть самого значительного для него, голоса, наполняются передаваемым с помощью этого голоса чувством любви и преданности. Так, буквально с молоком матери, ребенок впитывает первичное, пусть пока и не осознанное, представление о прекрасном и добром.

Вслед за колыбельными к ребенку приходят короткие игровые песенки, которые в азербайджанском фольклоре именуются *охшама*. «Охшамаг» по-азербайджански означает «ласкать». Следовательно, по-русски «охшама» можно перевести как «ласкалки», что довольно точно соответствует русским «потешкам», вроде знаменитых «Ладушек». Как и потешки, охшама — это дневной разговор матери с бодрствующим ребенком. Если в колыбельной мать нередко грустит, жалуется на тяготы своей жизни, то охшама неизменно исполнены оптимизма, радости. Ведь они сопутствуют первым материнским играм с ребенком, когда того легонько подбрасывают и ловят, побуждают смеяться, приседать на крепнущих ножках, хлопать в ладошки.

Основанные на наивном содержании и юморе, охшама имеют свою национально-окрашенную поэтику. В отличие от русских потешек, которые нередко сопровождают развернутое игровое действие: например, в «Ладушках» хлопанье в ладоши (под приговор: «Ладушки, ладушки, где были? У бабушки. Что ели? Кашку. Что пили? Бражку»), широкие, будто крыльями, взмахи руками («Шу, шу! Полетели!»), касание ладошками головы («На головку сели») — и поэтическая конструкция которых весьма свободна и разнообразна, охшама всегда ограничены строгой формой традиционного восточного двустихия.

Наградой моему сынишке пусть будет алыча,
Когда мой маленький захлопает в ладошки!

Простейшая гармония этой охшама создается четким ритмом, параллельностью синтаксической конструкции, запоминающейся — глубокой — парной рифмой: элчалар — эл чалар.

Несмотря на сравнительную немногочисленность известных фольклорных образцов, охшама играют значительную роль в воспитании. Они способствуют развитию у ребенка двигательных реакций, оптимистического, жизнеутверждающего мироощущения, закладывают первооснову чувства юмора.

Когда ребенок научится бегать и в его жизнь входят самостоятельные подвижные игры, наступает пора приобщения к новой фольклорной форме стихов — *считалкам*.

В большинстве игр считалки используются для того, чтобы сосчитать играющих и определить водящего. Эта группа функциональных считалок в азербайджанском фольклоре именуется *дюзгю* (построение). В них обязательны порядковый счет, ритм и рифма, но логическая связь между рифмующимися словами отнюдь не является необходимой. С этой точки зрения, считалка-дюзгю может выглядеть набором случайных фраз и даже отдельных слов:

Раз, два,
наше.
Три, четыре,
дверь закрой.
Пять, шесть,
под камнем.
Семь, восемь,
Фирэнгиз.
Девять, десять,
красное платье.

Можно полагать, что главными создателями считалок являются сами дети. В таком случае, считалки — это доподлинно детская фольклорная форма, непосредственно отражающая детское сознание на одном из ранних его этапов. Помимо дюзгю, существует множество различных песенок, созданных по их типу, часто бессмысленных, но всегда строго ритмичных, служащих для того, чтобы сопровождать процесс подвижных игр.

К считалкам примыкают *скороговорки (янылтмадж)*, имеющие в азербайджанском фольклоре ту же функцию, что и в творчестве других народов. Скороговорка «путает» язык говорящего. Она как бы переначивает привычный склад речи, противопоставляет звучащую речь ее смысловой конструкции. Попытка привычно произнести фразу поначалу почти неизбежно ведет к разрушению ее смысла, к абракадабре. Естественное стремление говорящего ребенка сохранить скороговорке ее смысл помогает преодолеть трудность и непривычность произношения, оттачивает артикуляцию, в конечном итоге способствует овладению родным языком.

В то же время скороговорки — образцы подлинной поэзии: «Гырх куп гырхы да гулпу гырыг куп» (Сорок кувшинов и все сорок с отломанными ручками); «Боз атын боз торбасын бош ас башындан. Апар, ислат, гятир, яш ас башындан» (Серой лошади серую торбу повесь на шею пустой. Пойди намочи, принеси, повесь на шею мокрой). Как видим, скороговорки особенно богаты аллитерациями (на «г», «к», «х» — в первом случае, на «б», «ш», «з» или «с» — во втором). Скороговорки, таким образом, не просто вырабатывают четкое, безошибочное произношение отдельных звуков, но и обращают внимание ребенка на музыкальную сторону языка, учат слышать ритм слова, помогают постигать эстетическую сущность родной речи.

Один из наиболее любимых детьми малых фольклорных жанров — *загадка (тапмаджа)*. К. Д. Ушинский, определяя педагогическое значение этого древнейшего жанра, писал, что смотрит «на загадки как на полотно, картину, художественно отражающую предмет»¹. Стало быть, загадка и познавательна в прямом, расхожем смысле и воздействует на эстетическое чувство ребенка.

¹ Ушинский К. Д. Избранные педагогические произведения М., 1945, с. 394.

С одной стороны, загадка предлагает найти на нее ответ, то есть «пошевелить мозгами», привлечь на помощь себе уже накопленный опыт; она тренирует такие качества интеллекта, как ассоциативность мышления, сообразительность, смекалку, догадливость. С другой, по определению известного современного фольклориста В. П. Аникина, «одна из основных функций загадки состоит в том, что... она показывает поэтические стороны кажущегося нам прозаичным предмета или вещи»¹. И таким образом, развивает умение воспринимать мир эстетически, видеть и чувствовать его красоту, помогает вырабатывать высокий вкус, объемное (причем не только в физическом значении) ощущение вещей и явлений.

Есть в азербайджанских народных загадках и элемент юмора, усиливающий их занимательность. Ведь, в сущности, загадка рассчитана именно на отгадку, а не на то, чтобы поставить отгадывающего в тупик и посрамить его публично. Вот почему народ так заботился о том, чтобы всякая загадка была легка и изящна по форме, образна по языку, в меру забавна и комична и сама подталкивала вопрошаемого к разгадке, в определенной мере как бы подсказывала верный ответ.

Многие азербайджанские загадки для детей даже строятся диалогически: вопрос — ответ, превращаясь в веселую, непринужденную познавательно-воспитывающую игру по типу: загадка — отгадка.

В начале отрочества, годам к 10—11, ребенок уже начинает открывать для себя богатейшие сокровища «взрослого» фольклора. Если собственно детские фольклорные жанры приходили к растущему человеку от матери и бабушки, отца и деда, старших сестер и братьев или первых товарищей по совместным играм, то авторитетнейшими распространителями созданий народного творчества, адресованных к недифференцированной, разновозрастной аудитории, в Азербайджане с незапамятных времен были *ашуги*.

Это слово трансформировалось из более древних названий: *варсаг*, *озан*, *яншаг*. Ближайшее к нему по времени арабское слово *ашик*, что значит влюбленный, слилось с древнеазербайджанским *ишыг*, означающим «свет», «источающий свет, чистоту, святость». Ашуг — народный творец. Это он создал, сохранил, донес через века до наших дней народные песни, дастаны и сказки.

Искусство ашугов всегда было синкретичным. Ашуг — и поэт, и композитор, и певец, и танцор, и чтец, и балагур-рассказчик. И, само собой, импровизатор. В процессе исполнения едва ли не любого произведения народного творчества — от дастана до анекдота, состоящего всего из нескольких фраз, — ашуг создает новые версии и варианты событий, по-разному нюансирует характеры героев. Поэтому в творчестве каждого из ашугов одно и то же произведение непрерывно совершенствуется, обогащается, изменяется.

По степени творческого участия в создании фольклорных произведений ашуги делятся на уstad-ашугов или деде-ашугов (мастеров, учителей, ашугов над ашугами) и ашугов-исполнителей. Среди мастеров более других прославились и остались в благодарной народной памяти Деде Кор-

¹ А н и к и н В. П. Пословицы, поговорки и детский фольклор. М., 1968, с. 142.

кут, Деде Амрах, Деде Касум, Деде Гариб (VII—XII вв.), Деде Гурбани и Деде Едияр (XVI в.), Ашуг Аббас, Тураб Деде и Сары Ашуг (XVII в.), Деде Гасым и Саят-Нова (XVIII в.), Ашуг Алексер (конец XIX — начало XX вв.) и уже в наше, советское время Деде Шамшир и Ашуг Гусейн.

Чаще всего ашуги прибегают к стихотворной форме *гошма*. Это четверостишия, каждая строка которых состоит из 11 слогов. Разновидность гошмы с восьмисложной строкой называется *гераллы*. А если строфа связывается каламбурными рифмами, то такую гошму относят к разновидности *таджис*.

С давних времен в народной традиции были состязания ашугов на лучшее владение гошма, искусством импровизации, на знание фольклора, эрудицию, сообразительность, находчивость и остроумие. От ашуга безусловно требовалось иметь приятный голос, хорошо играть на сазе (струнный музыкальный инструмент), уметь вести беседу. В ходе состязаний ашуги нередко задавали друг другу загадки, придумывая их с ходу, как частушки, мобилизуя все свои знания из области астрономии и медицины, растительного или животного мира, истории и этнографии. Так выявлялись сильнейшие ашуги села или города, ханской провинции или целой страны. Победитель имел право отобрать у побежденного саз и получил звание устада. Без разрешения устада никто не мог стать ашугом.

Состязания ашугов служили великолепной школой для детей — неизменных слушателей и зрителей этих захватывающих представлений. И конечно, особенной любовью юной аудитории всегда пользовались рассказываемые ашугами *дастаны* и *сказки*.

Азербайджанские народные сказки, подобно сказкам иных народов, наполнены бродячими сюжетами. Читая сказки Ш. Перро «Кот в сапогах» или «Золушка», невольно думаешь: уж не знал ли французский писатель еще не записанных в ту пору, но чрезвычайно популярных в изустной передаче азербайджанских сказок «Лиса и мельник» и «Красавица Фатьма»? Широко распространенная в Азербайджане сказочная поэма «Шаньгюлюм, Шюнгюлюм, Мянгюлюм» имеет весьма точные подобию в фольклоре других народов.

«История возникновения азербайджанской народной сказки изучена далеко не полностью, — пишет Р. Азада. — Надо полагать, что какая-то часть сказок — в их первоначальном варианте — возникла в глубокой древности, и лишь постепенно, меняясь, шлифуясь, совершенствуясь, приобрела высокое художественное звучание»¹. По мнению исследовательницы, изначальные художественные представления древних азербайджанцев, дошедшие до наших дней, отражены более всего в сказках, где героями выступают древние тотемные животные: Змея, Корова, Петух, Волк и прочие.

Есть в азербайджанских сказках и другие национальные приметы. Обычно сказка начинается со слов: «Кто-то был, а кто-то не был; кроме аллаха, никого не было». Этот традиционный зачин дает слушателю понять, что события сказки относятся чуть ли не к первым дням рождения

¹ Азада Р. Поступь столетий. Баку, Гянджлик, 1977, с. 10.

мира. В то же время фраза исполнена веселого лукавства, юмора. В самом деле, если, кроме аллаха, никого не было, то откуда же взялись все многочисленные персонажи сказки?

Иногда зачин откровенно преследует цель настроить слушателей на веселый лад:

Кто-то был, а кто-то не был.
Выдумки было больше, чем правды.
Хартан ли он, Хуртан ли он,
Воротник его — корка абуза,
Пуговицы — редиски.

Герой многих начинающих подобным образом сказок — Кечал (Лысый). Это хитрец и шут. Его невозможно обмануть. Зато сам он то и дело обманывает, водит за нос, высмеивает ханов, беков, ханских жен. В какой-то степени Кечал — азербайджанский брат русского Иванушки-дурачка. Он — один из самых любимых сказочных персонажей азербайджанских ребят.

Широко распространены в азербайджанском фольклоре и сказки о Лисе: «Дедушка Лис и Аист», «Лис и Волк», «Лис и Змея», «Хитрость Лиса» и др. Как и в сказках других народов, Лис здесь — воплощение плутовства, коварства, хитрости. То он, словно молла, надев на голову тюрбан, отправляется паломником в Мекку, клянясь, что больше никогда не притронется к курам и цыплятам. То плетет корзины или шьет чарыки на продажу. Но все эти невинные, а иногда и полезные дела — для отвода глаз. На самом деле Лис замышляет всякий раз какой-либо новый подвох, чтобы обмануть доверчивых и урвать себе побольше добычи.

Изворотливой хитрости Лиса противопоставлены наивность и доверчивость других зверей. Однако в конце концов побеждают не обман и хитрость, а простодушие и честность. В этом смысле хитрость Кечала — полная противоположность хитрости Лиса. Лис жаден, эгоистичен, своекорыстен. Он всегда старается только для себя. Поэтому он боится сильных и злых и старается поживиться за счет добрых и справедливых. Кечал если и обманывает, то только обманщиков. Если и наживается, то только за счет тех, кто сам нажился несправедливым путем. И все его заботы о том, чтобы восторжествовала справедливость, чтобы легче стало тем, кто трудится.

В одной сказке жадный купец, желая отобрать найденный Кечалом клад, говорит ему: «Пусть каждый из нас расскажет небылицу. Чья ложь окажется большей, тот выиграет 100 туманов денег». Кечал соглашается. Купец говорит: «У моего деда были такие длинные вилы, что на земле не нашлось конюшни, где бы их можно было хранить. Только на седьмом небе была такая конюшня. И там дед хранил свои вилы». Кечал удивляется: «И всего-то? А мой дед сел на черепахе, поднялся на седьмое небо и там на спине одного муравья построил конюшню, в которой хранилась сотня таких вил, как у твоего деда. Между прочим, и твой дед держал свои вилы там».

Сюжеты многих азербайджанских сказок, мифов, преданий восходят к мифам, сказаниям и притчам, своеобразно изложенным Заратустрой

(Зардуштом) в священной книге народов Ирана и Азербайджана «Авесте», созданной в начале первого тысячелетия до нашей эры. Согласно «Авесте», мир делится на две части. В одной царствует Ахура Мазда, или Хормузд, — бог благожелательный. В другой — Анхра Манью, или Ахриман, — воплощение зла. Жизнь складывается из борьбы этих богов, двух противоположных начал. Такие волшебные сказки, как «Меликмамед», «Гарагаш», «Шамс и Гамар», «Шахзаде Муталиб», «Волшебное кольцо», отразили черты древнего мировоззрения. В борьбе со слугами Ахримана — злыми Дивами, жестокими Аждаха (драконами) на помощь добрым героям приходят силы, связанные с Хормуздом: волшебная птица Симург Пери, голуби, ковры-самолеты, волшебные кольца и т.п.

Сказочные мотивы встречаем мы и в дастанах¹ — самом распространенном жанре ашугского творчества. Однако в отличие от сказки, открыто признающей в том, что она есть вымысел, небывальщина, плод вольной фантазии, дастан претендует на историческую достоверность изложенных в нем событий. Ашуг и сам верит, что все, рассказываемое в дастане, имело место в действительности. Для убедительности в дастанах нередко используются конкретные географические, хронологические, этнографические, бытовые приметы и подробности. Так, ашуги из Гянджи, рассказывая дастан «Асли и Керем», непременно укажут, когда, из какого именно переулка отправился Керем на встречу с друзьями, как эта встреча проходила. В дастанах о Кёр-оглы и Гачаг Наби упоминаются многочисленные, существующие и поныне башни, мельницы, крепости, географические пункты, связанные с биографиями этих героев.

Дастан — наиболее крупный по объему фольклорный жанр. В основе это жанр прозаический, перемежаемый, как бы прослоенный стихами, при помощи которых создается эмоциональный настрой, определяющая тональность произведения.

Каждый дастан состоит из трех частей: *устаднаме* (книги мудрости), непосредственного описания событий и *дуваггалмы* (эпилога).

Устаднаме — это созданные ашугом гошма, заключающие в себе морально-этические наставления и философские размышления о мире, о времени, о человеческой жизни. В стилистике устаднаме преобладают афоризмы и максимы. Легко запоминающиеся, они не только подготавливали слушателей, в большинстве людей неграмотных, к восприятию серьезного содержания дастана, но и приобщали их к духовно-нравственному сознанию образованной части тогдашнего общества, к которой принадлежали и сами ашуги.

Основная часть дастана нередко бывает столь длинной, что рассказывается в течение двух-трех дней. Опытный ашуг прерывает повествование глубокой ночью в самом захватывающем месте, чтобы интерес слушателей к утру не ослабел и все они вернулись узнать продолжение.

Третья, заключительная, часть дастана — *дуваггалма* — обычно опи-

¹ В разное время вместо термина «дастан» употреблялись также слова «бой» (сказ), «хекаят» (рассказ), «хадиса» (проншествие), «ахвалат» (событие), «тарих» (история).

сывает свадебный пир любящих героев. Ашуг пользуется при этом поэтической формой *мухаммаса* — народным восточным яптиштишем.

Дастаны бывают двух видов: героические и любовные.

Героические отражают борьбу народа с иноземными захватчиками и другими врагами. В них прославляются любовь к родине и народу, отвага и благородство, готовность жертвовать собой ради высокой цели. Нередко носителями всех восхваляемых ашугами качеств являются люди из народа: сыновья и дочери простых крестьян, пастухов, ремесленников. Примером тому служат дастаны «Деде Коркут», «Кёр-оглы», «Гачаг Наби», «Саттархан», «Гатыр Мамед».

Самые старые из дошедших до нас дастанов собраны в рукописном памятнике XI в. «Китаби Деде Коркут». Из двух известных ныне списков памятника первый был обнаружен в начале прошлого века в библиотеке Дрездена, второй — в 1952 г. в библиотеке Ватикана итальянским ученым Этторе Росси. В 1815 г. немецкий востоковед Ф. Дитц привез дрезденский экземпляр в Берлин и опубликовал в своем переводе одно из двенадцати содержащихся в нем сказаний: дастан «Тегегёз». Ученый сравнивал его с «Одиссеей» Гомера и даже высказывал предположение о его влиянии на происхождение «Одиссеи», допуская тем самым, что ряд дастанов из «Китаби Деде Коркут» возник задолго до нашей эры.

В этих дастанах, действительно, видны следы древнейших мифов и легенд. Но создание большей части из них современные ученые относят все же к VI—VIII вв. нашей эры, когда на равнинах Азербайджана поселились пришедшие из Центральной и Средней Азии и Поволжья племена «новых огузов». Ассимилировавшись с местными древними огузами, они образовали современную азербайджанскую нацию, обогатив ее своим фольклором.

Главный герой и одновременно как бы автор дастанов — Деде Коркут. Деде — значит отец, светоч, умный, знающий, мудрый человек. И сейчас в некоторых районах Азербайджана словом «деде» обращаются к отцу, к старшему по возрасту. Каждый дастан «Китаби Деде Коркута» повествует о деяниях какого-либо одного героического персонажа — Баяндырхана, Бугача, Вамсы Бейрека, Дели Домрула, Гараджа Чабана, Бурла Хатун, Банучичек и других. Это истории их жизни, борьбы за родину, любви. В конце каждого дастана на торжество по случаю победы или свадьбы героя является сам Деде Коркут, поет в его честь песни, славит его подвиги.

Несмотря на то что в сказаниях Деде Коркута заметны и поздние мусульманские наслоения, в образе героя-рассказчика ясно просматриваются коренные древнеазербайджанские пласты эпоса. Деде Коркут не бесстрастный летописец событий. Он обращается к слушателю: «Знай, чтобы земля стала отчизной, стала отечеством, нужны два дела. Первое: в эту землю надо сеять, с этой земли собирать. И второе: надо ее защищать от врагов. Землю, которую ты не смог защитить, не стоит засевать, на ней не пожнешь урожая. А землю, которую ты не засеивал, не стоит защищать».

Жемчужиной азербайджанского народного и мирового эпоса является цикл из 22-х дастанов, посвященных Кёр-оглы. Создание этого эпоса относят к XVI—XVII векам, хотя многие из этих дастанов возникли

гораздо раньше. В Кёр-оглы отразились времена, когда народ Азербайджана особенно мучительно страдал от захватнических набегов турецких и иранских властителей. В годы правления принадлежавшего к азербайджанской династии шаха Аббаса (1587—1629) грабежи и притеснения со стороны феодалов достигли такой степени, что вызвали крестьянские восстания в Мараге, Ардебиле, Ширване и Тебризе. Народ с мечом в руках поднимался на защиту своей свободы и национальных богатств. И Кёр-оглы возник в народном сознании как обобщенный образ героя, возглавляющего противостояние грабителям.

В дастанах о Кёр-оглы нетрудно расслышать и эхо героических событий прошедших веков, постоянной борьбы народных масс против угнетавших их феодалов.

Настоящее имя Кёр-оглы — Ровшан, что означает «Свет». Его называют Кёр-оглы (сын слепого), потому что его отец был ослеплен Гасанханом. Таким образом, народ как бы хочет сказать, что ослепить массы нельзя, что сын слепого отдаст свою жизнь за то, чтобы принести остальным свет свободы.

Меч Кёр-оглы называется Мисри Гылындж (выкованный во имя справедливости). Кличка его коня — Гырат (Огонь). Уже в этой символике имен заключена идея произведения: светоносный герой ведет борьбу с темными, ослепляющими людей силами на огненном коне с мечом справедливости в руках.

Сила героя — в его неразрывной связи с народом. Один только раз не прислушался Кёр-оглы к мудрому совету делибашей (делибаш — буйная голова). И Кечал Хамза увел его Гырата. А без волшебного коня герой перестает быть непобедимым.

В разных сказаниях о Кёр-оглы раскрываются различные стороны его личности. Образ становится многогранным. Кёр-оглы не просто богатырь, он талантливый ашуг, восхищающий даже знатоков-ашугов прекрасным голосом и умением играть на сазе, заботливый товарищ, верный муж, человек с чуткой душой и чистым сердцем.

И сегодня дастаны о Кёр-оглы составляют важную часть детского и юношеского чтения в Азербайджане. Этот эпос стоит в одном ряду с «Илиадой» и «Одиссеей», «Словом о полку Игореве», «Джангаром», «Нартами», «Давидом Сасунским», «Манасом», «Амирани» и другими созданиями безвестного народного гения.

Наше представление об азербайджанском фольклоре будет неполным, если ничего не сказать о таких его эпических жанрах, как *легенда* и *анекдот*.

Легенда — один из способов толкования исторических событий и личностей. Легенда порой создается тогда, когда в силу тех или иных причин достоверно установленные факты не вполне отвечают сложившемуся народному представлению о каком-либо явлении или человеке. Либо этих фактов попросту недостаточно, и их приходится додумывать. Либо — бывает и так — конкретное историческое лицо или событие столь высоко поднимается в сознании народа, что оставляет факты далеко внизу, словно бы воспаряет над ними. Либо, наконец, народное представление не желает считаться с реальными фактами, чтобы не быть ими опровергнутым.

В Азербайджане бытует несколько легенд об Александре Македонском.

По одной из них у Александра на голове был рог, который он ото всех скрывал. Лишь один цирюльник знал об этой тайне. Не будучи в силах молчать, цирюльник поведal о роге государя колодцу. Со dna колодца вырос камыш. Из камыша пастух сделал свирель. И когда попробовал играть на ней, услышал: «А у царя Александра есть рог, есть рог». Тайна открылась миру, полетела из уст в уста, перестала быть секретом.

Этот фантастический вымысел выразил отношение азербайджанского народа к царю-завоевателю. В Азербайджане о людях коварных, интриганах говорят: «У него внутри рог». У Александра рог на голове — это еще страшнее. Завоеватель, идущий с огнем и мечом сквозь живое тело другого народа, подобен свирепому носорогу. В ширванской зоне Азербайджана, особенно в Шемахе, часты землетрясения. В прошлом народ связывал их с рогом Македонского. Есть предание, что во время завоевания Азербайджана с Александром сразилась красавица Ширвана, которая сбила с его головы шлем. И тогда все увидели рог посреди лысого черепа. Девушка схватилась за рог и, сильно рванув, сломала его. Поскольку сила Александра была в роге, он потерпел поражение и возвратился восвоюси. Отломленный кусок рога был засыпан землей. С тех пор временами он считается выбраться к своему хозяину, и тогда трясется земля.

Особенно нравятся детям легенды, дающие фантастические объяснения отнюдь не фантастическим вещам. Такова легенда об удаде. Жили два брата — Юсиф и Насиб. И у них была сестра. Однажды братья ушли на охоту, а сестре велели приготовить обед. Сестра долго ждала возвращения братьев. А когда ее терпение иссякло, она попросила аллаха обратиться ее в птицу. Во время метаморфозы гребень, которым были заколоты ее волосы, превратился в хохол. И вот теперь сестра летает повсюду, зовет братьев: «Ю-сиф, На-сиб!» А мы слышим: «Буп-буп!»

Много легенд сложено о бакинской Девичьей башне. Одна из них рассказывает о падишахе, влюбившемся в собственную дочь. Дочь будто бы согласилась выйти замуж за отца, как только будет построена высокая башня. Башню построили, и девушка бросилась с ее высоты в море.

Эта легенда не соответствует традициям азербайджанского народа. Во всем национальном фольклоре мы не встретим больше легенд или других произведений, где говорилось бы о любви отца к дочери. В то же время известно доподлинно, что Девичья башня имела оборонительное значение. Некоторые ученые объясняют ее название тем, что «гыз» (девушка) употреблено здесь в значении девственная, т. е. неприступная. Но напрашивается и другое объяснение. В древнем азербайджанском языке слова «гыз» (девушка) и «гырмызы» (красный) обозначали также понятие «огонь». Возможно, когда-то на вершине башни зажигали сигнальный костер, чтобы сообщить о появлении врага.

Подлинными жемчужинами азербайджанского фольклора — исполненные юмора и иронии, пересыпанные блестками тонкого, пронизательного ума и глубоко поучительные анекдоты Моллы Насреддина. Имя наивного, как ребенок, мудрого, как ученый-философ, и храброго, как герой, Моллы Насреддина, Ходжи Насреддина, просто Насреддина или даже только Моллы широко известно во всех странах Востока. Есть предположение, что такой человек действительно жил в XIII веке, и был это известный азербайджанский ученый и поэт Ходжа Насреддин Туси.

Привлекая детскую аудиторию юмором, мудрой назидательностью, вызывающим восхищение и любовь образом самого Моллы Насреддина, в котором воплотились лучшие черты народа, анекдоты смело обнажают общественные пороки феодального Востока, показывают истинное лицо шахов и ханов, духовенства, судей, купцов, ханских прислужников.

В анекдоте «Волос города» рассказывается о том, как Молла впервые приехал из деревни в город. С восторгом разглядывает он никогда прежде не виданные городские стены и башни. Один чиновник захотел над ним посмеяться и спросил:

— Что случилось, киши? Куда ты уставился, словно баран на новые ворота?

Молла ответил, что он из деревни, в городе первый раз; все ему очень нравится: дома, улицы, сады, лавки. Только он никак не поймет, зачем эти высокие тушки, которые упираются в небо. Чиновник, указывая на башни, объясняет, что это волосы города, вставшие дыбом.

Насреддин понимает, что над ним смеются. Он смотрит на башню, куда как раз в это время поднялся городской судья с несколькими спутниками. И он говорит чиновнику: «Город ваш хорош — слов нет. Но, как я вижу, волосы вашего города вы не содержите в чистоте». Чиновник удивляется: «Почему?» Молла показывает на свиту судьи: «Погляди, сколько вшей взобралось на один волос».

Сказать в лицо представителю власти, что он и его господа — не более чем вши на теле народа, то есть паразиты и кровопийцы, и при этом не заплатить головой, более того, вообще избежать какого бы то ни было наказания, доступно только Молле Насреддину — человеку смелого духа и изощренного ума. Искусно прикрывая жало своих насмешек плащом простодушия и юмора, Молла даже шахам и самому Тимурю объявляет напрямую, что они преступники. В эпоху безраздельного господства ислама Молла посягает не только на живые и несправедные духовные суды, но и на считавшиеся неприкосновенными религиозные законы и установления.

Судьи-гази нередко тащили Моллу в суд, чтобы призвать его «к порядку», наказать, опорочить перед людьми, подорвать в народе его авторитет. Однако в словесных поединках с судьями Насреддин неизменно выходит победителем. Бывает также, что гази, не зная, как решить дело, сами обращаются к Молле за помощью. В таких случаях Молла, не теряя достоинства и чувства юмора, находит неопровержимые доводы, чтобы вынести действительно справедливое решение.

В анекдотах мы видим Насреддина не только взрослым, но и ребенком. Такие анекдоты дети особенно любят. Один из них о том, как маленький Насреддин собирал в лесу хворост и к нему подъехал Тамерлан со своей свитой. Тимур спросил, кто в их деревне самый сильный. «Волы», — простодушно ответил мальчик. «Я не о том, — смутился Тимур. — Когда в деревню приезжает гость, то кто встречает его первым?» Насреддин говорит: «Собаки». И тут Тимур догадывается, что мальчишка над ним смеется. Он выхватывает саблю и замахивается над головой мальчика со словами: «Ух, как бы я по тебе проехался!» (Азербайджанское «чапмаг» означает одновременно и «рубить саблей» и «скакать на коне».) Но маленький

Насреддин и в этой опасной ситуации не теряет самообладания и юмора, бросая в лицо грозному завоевателю: «Скачи, чтобы не отстать от своих спутников». Ответ этот двусмыслен. Помимо прямого значения, в нем есть также иносказание: мол, руби, если ты такой же кровопийца, как и твои сатрапы.

Анекдоты Моллы Насреддина живут уже более семи веков. С появлением книгопечатания они выдержали бесчисленное число изданий. И по сей день новые выпуски сборника моментально расходятся по домашним и публичным библиотекам. Не впадая в преувеличение, можно сказать, что в сегодняшнем Азербайджане «Анекдоты Моллы Насреддина» — настольная книга каждого школьника.

ГОЛОСА ВЕКОВ

(Детская литература и литературная классика)

В середине VII века арабский халифат, закрепивший свою власть на Аравийском полуострове, начал усиленную экспансию в сопредельные страны. Народы Закавказья мужественно сопротивлялись захватчикам, но, будучи разрозненными, потерпели поражение. Завоевав Азербайджан, арабы не ограничились насаждением мусульманства. Они силой навязывали побежденному народу свои обычаи и культуру. Повсюду были открыты мусульманские духовные школы — медресе. Арабский язык был узаконен в качестве официального государственного языка. Даже собственно азербайджанская письменность, основывавшаяся издревле на мидийско-албанском алфавите, состоявшем из 52 букв, была насильственно переведена на арабские буквы, весьма неточно передававшие многие звуки азербайджанского языка.

Уже в VIII веке на арабоязычной почве в Азербайджане появляются крупные поэты Исмаил Ясса, Муса и Абуль Аббас. А XI век дал Азербайджану талантливого ученика великого Авиценны, ученого и философа Бахманьяра ибн Марзбана и легендарного поэта Гатрана Тебризи (1012—1080), который, по преданию, часть стихов создал на родном языке, хотя рукописи их до нашего времени не дошли.

В XI веке в результате ослабления власти халифата и усиления влияния Ирана арабский язык на территории Азербайджана начинает постепенно вытесняться персидским (фарси). На этом языке пишут Мухаммед Фебеки Ширвани (1108—1155), Иззеддин Ширвани, Мехсети Гянджеви и другие поэты XII века.

Мехсети Гянджеви — первая в Азербайджане женщина-поэт. Родившаяся и выросшая в небогатой семье в Гяндже, эта девушка, благодаря своему таланту, любознательности и силе духа, сумела разорвать цепи, которыми опутывал женщин мусульманского Востока шариат, и поднялась к высотам тогдашней духовной культуры. Ее поэтическим вдохновителем и учителем был великий персидский лирик Омар Хайям. Совершенные по гармонии звука и образа, глубокие по мысли рубай Мехсети настолько великолепны, что иногда даже знатоки приписывают их Хайяму.

Насыщенные естественно-научными знаниями ее эпохи, отражающие высшие достижения современной ей персоязычной и арабоязычной литературы, рубай Мехсети Гянджеви в то же время глубоко национальны, что выражается в используемых поэтессой сравнениях и метафорах, ассоциациях, аллегориях, иносказаниях.

...Когда остаются считанные мгновения до восхода солнца, горизонт на востоке подыхает, как печь. Именно таким рассветным заревом было появление в первой половине XII столетия на небосклоне азербайджанской

поэзии блестящей плеяды художников слова вроде Мехсети Гянджеви, Абу-ль-Ула Гянджеви (1096—1159), Фелеки Ширвани (1108—1155), Хагани Ширвани (1126—1199), чьи творения отличали не только талантливость, высокое художественное совершенство, но и национальный дух, широта взгляда, демократизм. Заря как бы предвещала скорый восход. И солнце не замедлило взойти. Этим солнцем была поэзия талантливейшего представителя азербайджанского и всего восточного Возрождения **Низами Гянджеви** (1141—1209).

В одном рубаи безымянный автор спрашивает свое сердце: «Кого можно назвать пророками мировой литературы?» Сердце выстукивает великие имена. Поэт спрашивает: «А Низами? Почему мы не слышим этого имени?» Сердце отвечает: «Мы называем пророков литературы, а Низами был одним из ее богов». В этих словах есть поэтический образ, но, по сути, нет преувеличения. Низами — гений. Созданное им восемь веков назад живо поныне. Его поэзия — явление не только национального, но и мирового порядка. Его произведения, вызвавшие при появлении и в ближайшие последующие столетия великое множество *назире* (поэтических ответов, подражаний), имели могучее влияние как на современников, так и на всю восточную и мировую поэзию в целом. Они — шаг в духовной жизни человечества.

Шейх Ильяс ибн Юсиф Низами родился в Гяндже (ныне Кировабад), одном из центральных городов государства эльденизидов. Основателем этого сильного и процветающего государства был азербайджанский атабек Шамсаддин Эльдениз. Впоследствии страной управляли его сыновья Мухаммад Джухан Пехлеван и Кызыл Арслан.

В те времена через Азербайджан проходили основные торговые пути, соединявшие малые и большие государства Востока. Оживленная торговля содействовала развитию сельского хозяйства, ремесел и искусств. Пестрые азербайджанские ковры, узорчатые шерстяные и льняные ткани, изделия из металла охотно покупались в других странах, неся далеко за пределы Кавказа славу производивших их городов — Эрдебиля, Нахичевани, Тебриза, Баку, Мараги, Барды, Бейлагана и, конечно, Гянджи.

В богатых сокровищами азербайджанских недрах добывались золото и медь, железо и ртуть, нефть и соль. В реках, озерах и в Каспийском море вылавливалось много рыбы. Добычливая охота в горных лесах и приречных зарослях способствовала увеличению мехового промысла.

Но в условиях феодальных общественных отношений богатства страны скапливались в руках ничтожной кучки землевладельцев и купцов, в то время как их создатели (и стало быть, единственные подлинные хозяева) — крестьяне и городские ремесленники не имели ничего, кроме своих умелых, натруженных рук.

Конечно, по своему общественному положению, Низами, как любой поэт средневековья, полностью зависел от милости власть имущих. Он писал по их просьбам, либо посвящал им свои творения. Но умный, блестяще образованный, широко мыслящий и честный художник, словно обнаженным сердцем, во всей остроте ощущал вопиющее неравенство богача-эксплуататора и пребывающего в вечной нужде труженника. И при всяком удобном случае Низами стремился преподать шахам и прочим властители-

ляя уроки доброты и мудрости, постоянно развивал идею справедливого правления.

Когда Низами было около 25 лет, правитель Дербента подарил ему рабыню-кипчачку по имени Афаг. Умная и красивая девушка стала женой поэта. Вскоре она умерла, подарив ему сына Мухаммада. Низами сам воспитывал сына, а образ любимой жены, память о ее добром, преданном сердце остались с ним навсегда, вдохновляя на создание произведений о великой любви, подсказывая женские характеры, равных которым еще не знала мировая поэзия.

Низами начал как поэт-лирик. Но хотя из его *газелей* (монорифмическое поэтическое произведение любовного или социально-философского содержания, состоящее, как правило, не более чем из 12 двустихий-бейтов) можно составить большое собрание стихотворений — *диван*, прославился Низами главным образом своими пятью поэмами, которые современные исследователи склонны относить по жанру к романам в стихах. Эти поэмы — «Сокровищница тайн» (1177), «Хосров и Ширин» (1180), «Лейли и Меджнун» (1188), «Семь красавиц» (1196) и «Искандер-наме» (1209) вошли в мировую литературу под общим названием «Хамсэ» («Пятерица»).

Хотя поэмы Низами не предназначались для детского чтения, они пронизаны столь необходимым детской и юношеской литературе пафосом защиты детства и жизни от всего, что им враждебно. Как формулирует сам поэт, он выступает «за младенца, жаждущего материнского молока», «за сирот со скрученной душой», за всех беззащитных, униженных, лишенных права на человеческое достоинство и счастье.

Идеал Низами чрезвычайно высок. Это — человек, наделенный всеми доблестями и достоинствами эпохи Возрождения¹: отрицанием религиозного аскетизма, фанатизма и мракобесия, гармонией тела и духа, энциклопедичностью познаний, гордостью и благородством, гуманистическим мировоззрением и демократическими симпатиями, необоримой любовью к жизни и титаническим трудолюбием. С позиций этого идеала Низами не только возвеличивает своих любимых героев, но и разоблачает зло, чинное жестокими, жадными и неумными властителями-падишахами, их визириями и слугами. В свете могучего и ясного идеала зло меркнет, теряет свою силу, кажется не таким уж безысходным и страшным. Оно побеждено у поэта смехом, несокрушимым народным оптимизмом. И у читателя возникает уверенность, что оно может быть также побеждено и в реальной жизни, что оно в принципе победимо.

О мощном душеочищающем влиянии такого способа обличения зла писал в свое время великий драматург, прозаик, философ и просветитель XIX в. Мирза Фатали Ахундов: «В чем причина столь заметного превосходства критики над проповедью, назиданием? Откуда рождается такая жажда чтения критических произведений? Причина этого превосходства в том, что критическое произведение пишется с помощью иронии, смеха и пародии. Именно отсюда это большое желание читать критику»².

¹ Имеется в виду восточное, в частности азербайджанское, Возрождение, опередившее европейское во времени почти на два столетия. — *Примеч. пер.*

² Ахундов М. Ф. (Произведения), т. 3. Баку, 1955, с. 147.

Уже первая поэма «Пятерицы» — «Сокровищница тайн» — открыла новую эпоху в литературе народов Востока. Поэма состоит из двух десятков речей, каждая из которых обладает самостоятельным сюжетом и композиционной завершенностью. Будучи нравоучительной по содержанию, «Сокровищница тайн» примечательна тем, что доносит до читателя моральные и философские идеи не в абстрактно-сухой форме проповеди, а в конкретном живом описании событий и характеров. Объединяющей основой поэмы является гуманизм, высокая оценка человека, идея равноправия и общественного служения.

Поэт показывает, что высшая деятельность человека на земле, его подлинное призвание — это созидание, творчество. «Истинная человечность состоит в служении обществу, — пишет Низами. — Величие человека — в служении человеческому роду. Небесный свод потому является венцом мироздания, что все тело свое превратил в пояс служения. Каждое существо, имеющее в руках уздечку храбрости, должно носить этот пояс. Смысл жизни свечи — властителя света — в том, чтобы стать поясом служения для бабочки».

Осуждая жадность, своекорыстное потребительство, неумеренность в стремлении к жизненным благам, Низами в качестве одного из средств обуздания дурных страстей выдвигает идею целенаправленного и сознательного воздействия на биологическую природу человека: специальные физические упражнения, медицинское голодание и т. п.

Чрезвычайно современной представляется мысль Низами о том, что в природе нет явления или живого существа, которое можно было бы назвать лишним. Поэт призывает любить и защищать все живое, напоминает, что жизнь едина и человек, будучи высшим творением мироздания, связан с другими животными, птицами и растениями узами родства.

Животные и птицы действуют в повествовании Низами на равных с человеком. Они не вмешиваются в действия людей и не судят их, но, будучи зеркалом, отражают в своих чувствах и поведении особенности человеческой жизни и человеческих характеров.

В речи «Нуширеван и беседа сов» шах Нуширеван подслушивает разговор двух птиц. Он спрашивает своего визира, понимающего совиный язык, о чем они говорили. Тот отвечает, что одна сова выдает свою дочь за сына другой совы. В качестве калыма она просит 40 разоренных деревень. Мать жениха радуется: пока у нас шахом Нуширеван, разоренных деревень достаточно много. Так, не прибегая к прямой критике, поэту удается показать, что шах — грабитель, разоритель своих подданных.

В речи «Повесть о Фиридуне и газели» шах, восхитившись красотой дикого животного, отказывается от охоты. Способность видеть прекрасное, интерес и любовь к жизни выступают здесь как залог бережного отношения к природе.

Низами вобрал в свое творчество достижения всей предшествующей литературы Востока: изысканность и концентрированную образность языка, виртуозную изощренность поэтической техники. Все это он довел до последних пределов совершенства. Вместе с тем в созданиях Низами нет ничего искусственного, холодного, выпяченного, что громко и тщеславно заявляло бы о своей непревзойденности. Верный признак гениальности

поэта — полная, ничем не скованная свобода во владении формой, в частности, всеми возможными видами переносного значения слов, сравнениями и метонимиями; врожденное и нигде не изменяющее чувство меры и сообразности. Эти качества неизменно отличают все вышедшее из-под пера Низами — от отдельного бейта до обширной, как роман, поэмы.

Емкость поэтического языка Низами такова, что нередко выраженное в одном бейте-двустииши переводчики вынуждены переводить четверостишием. И не случайно сам поэт уподобляет стих дыханию, а отдельное слово — драгоценной жемчужине, добываемой художником — ловцом жемчуга — в океане народного языка.

Хотя, как мы уже говорили, Низами и писал свои произведения на фарси, он никогда не чувствовал отрыва от национальной народной почвы. Несмотря на то что в его время традиционно полагалось заимствовать и варьировать сюжеты великих предшественников и часть своих сюжетов Низами взял из поэзии классика персидской литературы Фирдоуси (ок. 940—ок. 1020), основным источником сюжетов был для него азербайджанский фольклор. Заимствованные сюжеты Низами обрабатывал по-своему, внося в них собственное миропонимание, свою оценку настоящего и идеал будущего. И это были идеал и миропонимание азербайджанского национального поэта.

В начальных бейтах поэмы «Хосров и Ширин» Низами упоминает, что этот сюжет до него уже описывал в поэме «Шахнаме» Фирдоуси. Однако если у Фирдоуси на первом плане дворцовые события, интриги и войны, которые вел молодой шах Хосров, добываясь могущества и славы, а прекрасная Ширин оказалась способной на убийство своей соперницы Марьям, то Низами, поставивший своей творческой задачей воспеть любовь в ее высших человеческих проявлениях, совершенно по-другому расставляет акценты, вводит в повествование новые сюжетные линии и новых героев.

У Фирдоуси имя строителя-каменотеса Фархада даже не упоминается. А Низами, наделив Фархада преданной и самоотверженной любовью к Ширин, делает этого искусного, непревзойденного мастера и богатыря, подлинного сына народных масс одним из главных героев поэмы.

С давних времен «Хосров и Ширин» Низами стала поистине народной поэмой, пересказывалась изустно, и дети были ее заинтересованными слушателями и читателями. Многие поколения юных азербайджанцев воспитывались на этой поэме Низами. Она и сегодня, в специальных обработках для детей, широко входит в круг детского и юношеского чтения. Причины общедоступности поэмы в том, что ее поэтика близка к народной форме дастана: она событийна, динамична; даже философские и нравственные идеи выражены в ней опосредованно — через сюжет. Как и в дастанах, в поэме много необычного, легендарного, полусказочного. А какого ребенка не увлекает смелый и вольный полет фантазии, экзотика исключительного, необыкновенного!

Тема детства героя — традиционная для дастанов и неизменно привлекающая юных читателей — обстоятельно разработана в поэме Низами. В ней рассказывается, как шах Хормуз мечтает о рождении сына, и вот сын рождается, и его называют Хосров. Ребенок растет ласковым и до-

верчивым, за что получает второе имя — Парвиз. Он взрослеет стремительно: в 10 лет он развитием и способностями превосходит тридцатилетних. Он метко стреляет из лука и умело владеет мечом. Такой герой быстро завоевывает ребячьи симпатии.

Свое представление о справедливом правителе Низами выражает в образах Хормуза, Мехинбану, молодой царицы Ширин. Хормуз сам не нарушает законов и требует того же от своего сына. Когда Хосров со свитой пирует целую ночь во дворе одного крестьянина, причинив ему и его соседям немалые убытки, хан сурово наказывает сына, несмотря на всю свою любовь к нему. И поэт не упускает случая, чтобы поставить поступок древнего хана в пример своим властительным современникам.

Справедливость и любовь, по мысли Низами, неразделимы. Там, где есть любовь, торжествует справедливость. Где не нарушена справедливость, там царствует любовь. Именно под влиянием любви Хосров, привыкший проводить дни в веселии и праздности и не заботящийся о благе государства и подданных, обретает недостающие ему качества справедливого шаха, воплотившиеся в его отце.

Облагораживает Хосрова любовь к нему красавицы Ширин, мудрой правительницы, которая уменьшением податей и справедливыми законами добилась того, что страна ее процветает, а народ живет в достатке. Ширин — первый положительный образ женщины в поэзии Востока. Это цельная, сильная, независимая натура. Однажды в жизни полюбив Хосрова, она пронесит свою любовь через все испытания и препятствия и останется верной ей до конца своих дней. Она любит Хосрова преданно и самоотверженно и тогда, когда тот отвергает ее любовь, женится то на Марьям, то на Шакар, обрекает Ширин на муки ревности и больно ранит ее самолюбие.

Иногда Ширин сравнивают с дантевской Беатриче или шекспировской Джульеттой. В их судьбах и характерах, действительно, есть точки соприкосновения. Но все же Ширин национально самобытна, в ней ярко выражены черты восточного менталитета. Вот типичный пример. Опьяненный Хосров добивается встречи с Ширин. Он просит передать ей, что, как слуга, стоит у ее дверей и надеется на милостивый прием. Ширин не желает встречаться с пьяным и отвечает, что она любит шаха Хосрова, и потому велит слуге, стоящему у дверей, покинуть ее дворец.

Мы уже упоминали о том, какое значение имеет в поэме «Хосров и Ширин» образ Фархада. У Низами Фархад появляется ненадолго, но его явление в поэме подобно удару молнии из темных грозовых туч. Не случайно многие поэты Востока — от древних до современных (Алишер Навои в драме «Фархад и Ширин», Ариф Ардебилли в «Фархад-наме», Самед Вургун в поэме «Фархад и Ширин»), обращаясь к сюжету Низами, делали Фархада своим главным героем.

В поэме Низами Фархад играет роль своего рода зеркала, в котором особенно выпукло отражаются достоинства Ширин и недостатки Хосрова. Ширин, конечно, видит, что Фархад неизмеримо более достоин ее любви, чем Хосров, но она ничего не может поделать со своей любовью, она по-прежнему верна одному Хосрову. А тот идет на всякие хитрости, чтобы навсегда устранить соперника. И Фархад становится жертвой своей великой любви и своего великого простодушия, когда Хосров пускает в ход ложь

и коварство. Хосров велит сообщить Фархаду, будто Ширин умерла, и тот, не в силах перенести смерть любимой, убивает себя.

Так поэт морально развенчивает Хосрова, но в то же время прославляет и утверждает в образе Ширин величие преданной, самоотверженной любви.

Вошел в детское и юношеское чтение и другой шедевр Низами — поэма «Лейли и Меджнун». Уже в младших классах азербайджанские школьники знакомятся с частью поэмы, известной под названием «Дружба шаха». У этого отрывка самостоятельный, исполненный динамики сюжет.

В стране Мерв (современная Туркмения) правит жестокий шах. Всех, кто вызывает его гнев, он бросает на растерзание свирепым псам. Один юноша из приближенных шаха знакомится с псарем и часто приходит к нему кормить собак. И когда шах приказывает бросить этого юношу собакам, они узнают его и не трогают. Наутро шах сожалеет о своем поступке и просит посмотреть, жив ли еще его приближенный. Узнав, что юноша не пострадал, шах зовет его к себе, умоляет простить и спрашивает, отчего собаки его не разорвали. Юноша отвечает, что он иногда бросал этим собакам хлеб и, очевидно, они не забыли об этом и благодарны. А хану он служит верой и правдой десять лет, и вот цена его благодарности.

Поэма Низами «Семь красавиц», содержащая немало отвлеченных рассуждений философского и назидательного характера, сложная по своей инносказательной структуре, как единое целое трудна для детского понимания. Однако и в ней имеется ряд поучительных, сюжетно занимательных историй, которые охотно читаются даже учениками младших классов.

Такова история о Бахраме и Фитне.

Умирает шах, и придворные захватывают его престол, лишая власти законного наследника Бахрама. Сын умершего шаха пытается, однако, вернуть себе власть путем мирной договоренности, обещая, что, в отличие от жестокого отца, будет правителем мудрым и справедливым. «Мой отец был камнем, — говорит он. — Я же — драгоценный камень. А разве все драгоценные камни не происходят от простых камней?! Если мой отец был ночью, то я — утро, принесенное этой ночью. Нет смысла ссылаться только на недостатки моего отца. Вы ведь теперь свободны от него».

Власть Бахраму нужна для того, чтобы спасти страну от междоусобной войны, которая непременно вспыхнет между толпой новых претендентов на шахскую корону. Эта мысль подчеркнута эпизодом, в котором Бахрам, рискуя жизнью, достает корону отца, оказавшуюся между двумя голодными львами.

Фитне — рабыня Бахрама, не только прекрасна внешне, но и отличается тонким и независимым умом. Последнее не нравится Бахраму. Когда он пригвоздил стрелой заднюю ногу джейрана к уху животного и окружающие восславили его охотничье искусство, Фитне не выразила удивления, сказав, что все дело тут в тренировке. Разгневанный Бахрам приказывает убить дерзкую рабыню. Но палач, плененный красотой Фитне, не выполняет приказа.

Фитне отправляется в изгнание. Каждый день она в течение трех лет поднимает на шестьдесят ступеней лестницы и опускает вниз теленка, который постепенно превращается в большого быка. Однажды Фитне встречает Бахрама и показывает ему свою силу. Бахрам говорит, что это ре-

зультат тренировки, и Фитне напоминает ему о том, как он во время охоты кичился своей доблестью и не хотел признать, что его умение — это тоже тренировка. Бахрам узнает Фитне, просит у нее прощения и возвращает ее к себе во дворец. В столкновении с Фитне он оказывается побежденным.

Помимо сюжетных эпических историй, в творчестве Низами можно выбрать для детского чтения и немало общедоступных образцов медитативной и дидактической лирики, близких по содержанию к европейской басне, как, например, эти прекрасные строки о товариществе и коллективизме:

Пчела, которая радуется своему меду,
Создала его с помощью товарищей.
Шелкопряд, носящий шелковую шапочку,
Тоже делает свой труд благодаря товарищам.
Муравей, чтобы порадовать своих друзей,
Тащит ношу намного тяжелее себя.
Если люди будут выступать сообща,
Из камня потечет вода.
Разъединенность порождает раздоры,
Путь к победе — в союзе.

Можно предполагать, что во времена Низами и в течение ближайших следующих столетий в азербайджанской литературе не появлялось произведений, специально предназначенных для детей, прежде всего потому, что дидактизм, поучительность были родовой чертой восточной поэзии. Она, таким образом, обращалась сразу ко всем, кого надо было учить и воспитывать, — от мала до велика.

Это предположение подкрепляется тем, что восточные авторы всегда уделяли в своих философских трактатах большое внимание вопросам семьи, брака, воспитания и обучения детей, этики и морали. Так, один из ближайших последователей Низами, поэт и мыслитель **Рухнеддин Авхеди** из Мараги (1274—1338) в философско-этической поэме «Джам-и Джам» («Кубок Джамшида») высказывает убеждение, что «высокие нравственные свойства человек приобретает в результате воспитания. Если ребенок растет невеждой, бездельником или трусом — это следствие плохого воспитания. Духовно искалеченный ребенок подобен безвкусным, мелким плодам дикорастущих деревьев и кустарников»¹.

Способность видеть красоту и величие природы, наблюдать происходящие в ней перемены и радоваться жизни во всех ее проявлениях издавна входила в перечень обязательных добродетелей человека, которые восточная поэзия формировала и воспитывала сызмала. В поэме **Шаха Исмаила Хатаи** (1486—1524) «Дех-наме» («Десять писем»), созданной на прекрасном азербайджанском языке, можно найти множество строк о природе, достойных сравниться с лучшими образцами мировой лирики. И разве эти бейты не украсят любую школьную хрестоматию:

Раскрываются губы первых цветов,
Птицы свищут в цветах на сотни ладов.

¹ Аз а да Р. Поступь столетий. Баку, Гянджлик, 1977, с. 55.

Жеребцы молодые визжат в табунах,
 Ястреба жеребцами ржут в облаках.
 Овцы идут, как река в пыли.
 Кочевать на зйлаги семьи ушли.
 Все кругом стало алым, как кровь врага.
 Выбегают серны с гор на луга.
 Козы дикие друг за другом бегут,
 О козлятах мечтают, приплода ждут.
 ...Оленихи детей уложили спать
 И потом убежали тихонько гулять.

(Пер. В. Державина)

Так что написанное младшим современником Хатан, великим лириком **Мухаммедом Физули** (1490—1556), первое азербайджанское произведение для детей — поэма «Спор плодов» — возникло не на пустом месте. Да и во «взрослых» поэмах самого Физули, например в его «Лейли и Меджнуне», можно найти признаки, как бы предвещающие обращение поэта к юному читателю: и эпизоды с явственно выраженной дидактической направленностью, и ясный, простой и вместе с тем предельно выразительный язык.

Дата появления «Спора плодов» неизвестна. Вероятно, поэма написана во второй четверти XVI века. В ней воспроизводится спор фруктов и бахчевых растений, характерных для Азербайджана, на традиционную тему о том, кто вкуснее и значительнее остальных. Хвастаясь друг перед другом, плоды зорко подмечают недостатки соперников, подробно, не упуская ни одной детали, перечисляют собственные достоинства.

Благодаря такому способу изображения персонажей стихотворения, маленький читатель получал достаточно полное представление о внешнем виде, вкусе, полезных качествах алычи и груши, сливы и абрикоса, яблока и винограда, арбуза и дыни и других плодовых растений.

Вместе с тем даже ребенок мог ощутить иносказательность произведения. Изображенный Физули сад весьма напоминает шахский дворец, а хвастливые, неистово добивающиеся первенства друг перед другом фрукты — придворных. Дыня здесь — шах, арбуз — визирь. В конце концов дыня лопается от переполняющего ее сладкого сока. И читатель невольно думает о властелине, высасывающем соки из своих подданных, о шахе-кровопийце, готовом лопнуть от самодовольства и спеси.

В простой, общедоступной аллегории поэт осуждает тщеславие, бахвальство, суетность и унижающую человека бессмысленность борьбы за власть над себе подобными.

«Один цветок еще не весна», — говорят в Азербайджане. Несмотря на великолепное начало, положенное Физули, детской азербайджанской литературы не было еще три столетия. Хотя различные поэты и прозаики время от времени обращались к проблемам воспитания, высказывали отдельные педагогические идеи и писали произведения, полностью или частично входившие в чтение детей и юношества, это по-прежнему были капли, которые не сливались даже в ручей, не говоря уже о более мощном потоке. А ведь литература — это не отдельные книги. Это обществен-

ное явление, процесс, совершаемый непрерывно. Это полноводная река, текущая к океану.

По-настоящему фундамент азербайджанской детской литературы начинается закладываться только в XIX веке. Одним из его строителей стал **Аббас Кули-ага Бакиханов** (1794—1847). Историк, географ, астроном, профессиональный военный, он был также поэтом, прозаиком, педагогом. Он прекрасно знал русский язык, русскую и западноевропейскую литературу, был дружески принят в семье Пушкина.

Сочинения Бакиханова «Улучшение нравов» и «Китаби-Насихят» («Книга наставлений») содержат более ста рассуждений на темы семейного, в основном нравственного, воспитания. Бакиханов учит детей уважать старших, любить родителей и повиноваться им, не болтать попусту, не хвастать, быть доброжелательным к окружающим.

В духе восточной традиции Бакиханов выражал свои педагогические идеи с помощью притч, поучительных историй в стихах и прозе.

В стихотворении «Несбывшаяся надежда» он рассказывает о садовнике, который вырастил прекрасные яблоки и, надеясь на щедрое вознаграждение, понес их в дар шаху. Шах, в спешке выезжающий из дворца, распоряжается задержать садовника до его возвращения. Садовника бросают в темницу и забывают о нем. Вернувшийся спустя много дней шах узнает, наконец, зачем шел к нему садовник. Испытывая угрызения совести, он предлагает садовнику взять из шахской сокровищницы что тот пожелает. Садовник берет топор и Коран. Вернувшись домой, он топором срубает яблоню и клянется Кораном, что никогда больше не станет слушать шахам.

Аллегорические произведения традиционны для азербайджанской литературы. Однако до Бакиханова она практически не знала жанра басни. Бакиханов, переведший на азербайджанский язык басню И. А. Крылова «Осел и Соловей», по существу, слил восточную аллегорию, в которой животные олицетворяют взаимоотношения людей, с новейшими достижениями европейских баснописцев. Его перу принадлежат первые оригинальные азербайджанские басни — «Лиса и Овца», «Волк и Улитка», «Неуместная гордость» и др.

Дальнейшее развитие азербайджанская басня получила в творчестве современника Бакиханова **Касым-бека Закира** (1784—1857). Критик и литературовед **Фиридунбек Кочарли** (1863—1920) писал в 1911 году одному из создателей азербайджанской литературы для детей Абдулле Шангу: «...К. Закир написал в стихах несколько прекрасных и забавных произведений. Эти басни неплохи, и содержание их взято из нашего быта. Недостаток лишь в том, что в некоторых местах покойный Закир употребляет труднопонимаемые выражения, которые вполне можно было бы заменить тюркскими словами... Вместе с тем в написанных Закиром баснях есть много сказанных уместно поговорок, пословиц, чисто тюркских выражений, каждое из которых с точки зрения их художественной ценности — червонное золото»¹.

Следуя привнесенной Бакихановым крыловской традиции, Закир стремится к реалистическому воссозданию басенного сюжета. В басне «Чере-

¹ Журнал «Азербайджан», 1967, № 6, с. 168—169.

пах, Ворона, Мышь и Газель» умные и дружные звери в трудную минуту помогают друг другу, обманывая Охотника и спасая попавшую в сеть Газель. В басне «Верблюд и Осел» поэт высмеивает хвастовство, в басне «Лиса и Волк» — жадность, в басне «Змея, Верблюд и Черепаха» гневно осуждает предательство, а басней «Волк, Шакал и Лев» восстает против культа кулака, господства сильных над слабыми.

Интересна басня «Лиса и Лев». В ней звери объединяются против властного, жадного и жестокого Льва и побеждают его. Лиса в этой басне — воплощение общественной мудрости. Она, вопреки распространенной фольклорной традиции, изображается не просто хитрой, а умной, рассудительной, действующей не из корыстных побуждений, а с желанием восстановить справедливость, помочь слабым и обиженным, наказать злых.

Сюжеты басен Закир нередко берет из народных сказок. Закрывающая басню «мораль» — это народные пословицы и поговорки. Нередко, пользуясь народным образцом, поэт сам создает отточенный афоризм, завершающий басню. Для басен Закира характерен народный взгляд на жизнь. Стрелы убийственной сатиры он обращает против омрачающего жизнь зла. Юмор служит ему для того, чтобы поднимать духовные силы человека, укреплять веру в торжество добра.

Басни Закира сыграли существенную роль в становлении азербайджанской детской литературы. Они сразу были приняты детьми, изучались в школах. По ним дети овладевали богатствами родного языка, получали первые сведения о мире природы и человеческих отношений, о характере социальных противоречий. Эти басни и в наши дни не утратили эстетического и дидактического значения и входят в школьные книги для чтения.

Огромное влияние на развитие педагогической мысли в Азербайджане, а через нее и на формирование азербайджанской литературы для детей и юношества оказала общественно-просветительская и литературная деятельность **Мирзы Фатали Ахундова** (1812—1878). Революционный демократ по убеждениям, Ахундов смело и последовательно утверждал в азербайджанской литературе реализм. «Когда пора детства человечества проходит, — говорил он, — наставления и проповеди не годятся». Он считал, что настало время освободить литературу от абстрактной и иносказательной назидательности и говорить с народом конкретно, прямо и ясно, чтобы мысль писателя была понятна каждому.

Иногда Ахундова называют «азербайджанским Мольером». Но это лестное с виду определение не раскрывает в Ахундове главного. Он заложил основы театра и театральной драматургии не только в Азербайджане, а на всем Ближнем Востоке. Однако мало констатировать этот факт. Из всех родов и жанров литературы Ахундов выбрал театр не случайно. В стране, где подавляющая масса народа была неграмотной, именно театр оказывался самым демократическим способом обращения к поистине массовой, народной аудитории.

Отрицание устаревших литературных форм в творчестве Ахундова сливается с борьбой против окаменевших, изживших себя, ставших тормозом на пути прогресса мусульманских обычаев и традиций. «По какой причине восточные народы и особенно народы, принадлежащие к исламской вере, отстали от культурных народов?» — на этот неотвязно преследующий его вопрос писатель находит только один ответ: причина отстав-

ния — мусульманский фанатизм, религиозная нетерпимость, националистический изоляционизм.

С этими врагами Ахундов борется оружием смеха — своими комедиями. В одной из них — «Мусьё Жордан и Мастали-шах» — Шахрабану-ханум, богатая женщина, не желая, чтобы ее сын Шахбаз-бек уехал на учебу в неведомую ей, но страшную Францию, спрашивает известного своим чародейством Мастали-шаха взорвать Париж. Обманывая невежественную женщину Мастали-шах устраивает неподалеку от ее дома взрыв и объявляет, что Париж разрушен. Как раз в это время живущий поблизости француз Жордан узнает, что во Франции произошла революция, и тоже кричит: «Париж разрушен!»

Разоблачая прохвостов вроде дервиша Мастали-шаха драматург острее своей критики направляет, однако, не столько на личности, сколько на социальное явление, которое порождает и плутоватых дервишей, и тех глупцов, за чей счет они могут процветать. Добавим: опасных свояченицу, поскольку они, подобно Шахрабану-ханум, в ослеплении веры не сомневаются в своем праве «взорвать» не только Париж, а и весь немусульманский мир — лишь бы не допустить ни в чем послабления магометанских устоев.

В центре комедии «Приключения визиря хана Ленкоранского» — два сатирических образа: хан и его визирь. Визирь Мирза Хабиб — само олицетворение тупости, скудоумия, невежества. Но он угоден и мил хану, потому что говорит только приятные хану вещи, безудержно ему льстит и вдобавок обещает ему в жены свою красивую и молодую свояченицу.

Падкий на лесть и услаждающую ложь, хан не в состоянии отличить правды от неправды, мудрости от глупости, добра от зла. Становясь игрушкой в руках неумных, жадных, корыстолюбивых придворных, он приводит страну к полному разорению. Его распоряжения и советы бессмысленны и смехотворны, но, расходясь со здравым смыслом, они, увы, вполне соответствуют шариату — своду религиозных мусульманских законов. Так, когда крестьянин жалуется хану, что сосед ослепил по злобе его лошадь, хан решает: «А ты пойдй и выколи глаза его лошади».

Такие произведения, как «Приключения визиря хана Ленкоранского», наносят удар по мусульманскому фанатизму, одновременно вскрывали и полную несостоятельность феодально-чиновничьей и религиозной системы управления страной — той отжившей, насквозь прогнившей, антинародной и безразличной системы колониальной власти в Закавказье, которая вполне устраивала царское самодержавие, была его лучшей опорой в подавлении национального народного самосознания и ограблении трудящихся масс.

Свои революционно-демократические идеи Мирза Фатали Ахундов развивал и в прозе, которая открыла эпоху реализма в азербайджанской литературе. В круг детского чтения прочно вошла повесть Ахундова «Обманутые звезды». В ней писатель зло и гневно высмеивает отсталые феодальные порядки Ирана, рисуя мрачное правление шаха Аббаса — ленивого, мстительного, жестокого деспота. Аббас зверски пытал неугодных, оставил страну виселицами. Он запрещает ремонтировать мосты и дороги, чтобы враги не смогли подобраться к его столице. Его придворные

гордятся не добродетелями, а пороками, хвастают друг перед другом, как ловко они мучают, грабят, обманывают, разоряют народ.

Когда астрологи прорицают угрозу шахскому владычеству во время сближения на небе звезд Магриба и Аграба, Аббас, по совету придворных, надеется перехитрить судьбу, посадив вместо себя на трон на те три дня, пока звезды будут находиться в опасной близости, народного любимца Юсифа Сарраджа.

Хитрость шаха оборачивается против него. Трех дней хватило Сарраджу, чтобы уничтожить виселицы, отменить казни, начать ремонт мостов и дорог, сократить подати. Народ обретает надежду, государство крепнет.

Любой читатель легко делал из повести Ахундова простой и убедительный вывод: государством должен управлять не бездарный тиран, наследующий власть от тирана-отца, а тот, кто, независимо от своего происхождения, честно, умно, со знанием дела служит общегосударственным интересам, кто действительно выражает волю и чаяния трудового народа.

Творческая и общественная деятельность Ахундова благотворно сказалась во всех сферах духовной жизни дореволюционного Азербайджана. «Ахундов, — пишет академик Мамед Ариф Дадаш-заде, — был для азербайджанской литературы тем, чем Пушкин для русской, Гёте для немецкой, Вольтер для французской, Шекспир для английской»¹. Могучее влияние философов, политических, педагогических воззрений М. Ф. Ахундова, его эстетики реализма, его художественного языка испытали на себе все сколько-нибудь значительные азербайджанские писатели конца XIX — начала XX века, в том числе, конечно, и те, с именами которых связано создание азербайджанской детской литературы: Н. Б. Везиров, С. М. Ганизаде, С. А. Ширвани, Ф. Кочарли, А. Сабир, А. Шаиг, А. Сиххат, А. Хагвердиев. Не будучи исключительно детскими, эти писатели своими произведениями для детей и юношества доказали общественную необходимость выделения детской литературы в самостоятельную область словесного творчества.

Наджафбек Везиров (1854—1926), драматург-бытописатель, которого называли «мусульманским Островским», написал в 1875 году одноактную пьесу «Одна из форм домашнего воспитания». Это комедия, юные персонажи которой — Расул и Сафтаргулу — отличаются необыкновенной ленью, разболтанностью, непослушанием. По ходу пьесы выясняется, что нежелание ребят учиться вызвано сугубо корыстными побуждениями, которые вкладывает в их обучение отец. Расул и Сафтаргулу не хотят одолевать школьную науку только ради того, чтобы стать богатыми. Но иных, высоких, целей в учебе они не знают. Перед ними никто их не ставит.

«Одна из форм домашнего воспитания» — первая детская пьеса в азербайджанской драматургии.

Сеид Азим Ширвани (1835—1888) обогатил азербайджанскую литературу для детей стихотворениями, стихотворными сказками, рядом прозаических произведений. Будучи педагогом и ежедневно общаясь с детьми в течение многих лет, Сеид Азим великолепно знал психологию своих юных

¹ Мамед Ариф Дадаш-заде. Азербайджанская литература. М., 1979, с. 116.

героев и читателей. Неразрывную связь с устным народным творчеством обнаруживают такие произведения писателя, как басни «Поминки по собаке», «Хан и Дехканин», стихотворный «Дастан о мышке и кошке», который в какой-то мере пародирует традиционную форму героического дастана. Поэт, например, так описывает героя этого произведения — кошку: глаза у нее желтые, как янтарь; шкура белоснежная; шея, как у пеликана; когти острые, словно рыболовные крючки; усы похожи на штопор; хвост подобен змее, а каждый зуб — будто ядовитое жало. И дальнейшие действия кошки рисуются, как приключения и подвиги дастанного героя.

Басни Сеида Азима Ширвани значительно лаконичнее басен Закира. В них нет разветвленного сюжета. «Петух и Шакал», «О том, как шли по дороге Верблюд и Осел», «Гусь и Журавль» представляют мгновенную юмористическую зарисовку какой-то сценки, кончающуюся поучительным басенным выводом.

Мы уже говорили, что Сеид Азим Ширвани был певцом дружбы русско-го и азербайджанского народов. В своих баснях он утверждал, что только там может быть счастье, где есть дружба. В басне «Лев и два вола» он рассказывает, как волы мирно жили в лесу, не опасаясь врагов, потому что вдвоем могли противостоять даже самым страшным зверям. Но однажды льву удалось их поссорить, и поодиночке он задрал обоих.

Баснями «Осел и Осы», «Медведь и Мышь», «Мышка и Кошка», «Ответ Собаки Кошке», «Верблюд и его детеныш» поэт воспитывает в читателях прямоту, справедливость, верность друзьям, находчивость, честность, умение не теряться перед опасностью.

Подобно тому, как не предназначавшиеся для детей пушкинские сказки с первых дней своего появления сделались любимым чтением русских ребят, были «присвоены» азербайджанскими детьми и «взрослые» сатиры Сеида Азима Ширвани. Ведь они написаны замечательным народным языком, остроумны, смешны, сюжетно увлекательны. В них явственно ощутимо влияние народного анекдота.

Вот, например, сатира «Сумасшедший черт». Встречаются молла и пастух. Пастух говорит, что сумасшедший черт велел ему ударить моллу палкой по голове. На это молла возражает: «Человек не должен слушаться сумасшедшего черта». Пастух говорит: «Сумасшедший черт велел мне также подарить молле двух овец». И молла мгновенно перестраивается: «Человек иногда должен слушаться сумасшедшего черта».

В другой сатирической басне «Поминки по Собаке» молла гневно осуждает богача, который похоронил свою собаку на мусульманском кладбище. Но тут он узнает, будто собака, умирая, завещала ему пяток овец. И молла в предвкушении собачьего «наследства» заявляет, что такие мертвецы священны.

Хотя объектами изображения в сатирах Сеида Азима являются обычно священнослужители, судьи-кази и другие эксплуататоры, в их поведении и характерах как в зеркале отражается бедственное положение невежественного, забитого народа. Но бывает и так, что поэт прямо пишет об обманутых, темных соотечественниках, и его смех над ними — это горький смех сквозь слезы. Такова сатира «Взятка аллаху». Измученные засухой крестьяне собирают последние гроши, чтобы дать взятку аллаху. Они передают деньги охотившемуся в их краях чиновнику, который обещает

доставить взятку по назначению. На следующий день разразился ливень. Он был такой сильный, что окончательно погубил урожай. И крестьяне думают, что виноваты во всем сами, ибо дали аллаху слишком много денег, и он послал слишком много дождя.

Как отмечалось выше, появление специальной детской литературы в Азербайджане было обусловлено объективными и субъективными факторами. Объективными условиями отпочкования детской литературы от общей явились увеличение числа общеобразовательных школ, распространение грамотности, необходимость обеспечить эти школы учебниками и пособиями для чтения, развитие прогрессивных педагогических идей, постепенное накопление в литературе удачных детских произведений, созданных писателями реалистического направления.

Вместе с тем для возникновения особой литературы для детей и юношества в конце XIX — начале XX века созрели и субъективные предпосылки. Передовые азербайджанские писатели все более глубоко осознавали значение заботы о подрастающем поколении. Их мечты о служении народу, о труде на благо завтрашних поколений естественно трансформировались в произведениях, адресованных детям и юношеству.

Приход в детскую литературу знающих, талантливых людей особенно усилился после открытия в конце 70-х годов прошлого века при Горькой учительской семинарии азербайджанского отделения. Учительская семинария в небольшом грузинском городке Гори по своему значению в культурной жизни дореволюционного Закавказья играла роль университета для народов обширного кавказского региона, не только грузин, армян, азербайджанцев, но и многочисленных горских племен. Ведь она была в ту пору единственным на Кавказе учебным заведением подобного типа.

Преподаватели семинарии сами создавали учебники и книги для чтения на родном языке: «Язык родины», «Детский сад», «Турецкие песни», «Детский родник», «Родная речь», «Второй год» и десятки других. А большинство окончивших семинарию юных азербайджанцев впоследствии стали писателями, создавшими лучшие произведения национальной детской литературы. Еще в годы учебы они изучали детскую психологию, постигали теорию и опыт Руссо, Песталоцци, Ушинского и других светил тогдашней педагогической мысли.

Абдулла Шаиг писал впоследствии: «Для овладения педагогикой, для правильного направления и воспитания художественного вкуса детей наши учителя и писатели сами приобщались к мировой науке и литературе, особенно как к наиболее близкой — русской литературе».

В новых учебниках и хрестоматиях переводы занимали значительное место. Вот почему с конца прошлого века небывало активизируется переводческая деятельность. Поэт Аббас Сиххат, с легкой руки А. Шаига, даже удостоивается титула «второго Жуковского», благодаря многочисленным и весьма удачным переводам басен И. А. Крылова, стихотворений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Никитина. Сам Шаиг переводил басни Крылова и сказки Пушкина, стихи Лермонтова и Кольцова, прозу Тургенева, Толстого, Чехова, Горького, Куприна.

Из русских писателей особенно много переводился Л. Толстой. Для детей были изданы на азербайджанском языке «Кавказский пленник», отрывки из повести «Детство», многие рассказы, сказки, басни из его

«Азбуки» и «Новой Азбуки». В одном только журнале «Мектеб» («Школа») было опубликовано более сорока толстовских текстов для детей. Переводчики Л. Толстого писатель-педагог Г. Аббасзаде и его ученик Али Касымов были у великого писателя в Ясной Поляне, долго беседовали с ним и получили от него в дар на память о встрече роман «Война и мир».

Закономерно, что одновременно с вниманием к иноязычным литературам для детей растет в Азербайджане и интерес к национальному фольклору. «...Поняв полезность народных сказок в деле обучения и воспитания, — писал Султан Меджид Ганизаде (1863—1938), — я очень желаю, чтобы, по крайней мере, некоторые из них были обработаны литературно»¹.

В 1893 г. он выпустил созданную на базе фольклора сказку «Лис и Чагчаг-бек», в которой воплотил свои творческие принципы. Главнейший из них — обеспечивая произведению полную современность художественной формы и звучания, сохранить при этом и донести до читателя все идейно-нравственное богатство и поэтическую прелесть народной сказки, положенной в его основу.

В сказке Ганизаде говорится о том, как мельник Чагчаг-бек, благодаря услугам мудрого и преданного ему Лиса, женится на дочери падишаха, становится обладателем несметных богатств. Но Чагчаг-бек, он же Халил, неблагодарен и недобр. Сочтя Лиса умершим, он приказывает выбросить его в поле. Однако Лис оживает. И вновь помогает предавшему его человеку: мирит Халила с женой.

Писатель, таким образом, осуждая неблагодарность и измену, превыше всех добродетелей ставит постоянство и верность в дружбе. Он отрицает какую бы то ни было мстительность, даже если для этого имеются веские причины.

Пересказанные и обработанные для детей сказки и дастаны, переводы и оригинальные стихи, басни, рассказы, повести для детей составили содержание таких популярных в начале века книг для чтения в начальной школе, как «Басиратуль атфал» Р. Эфендиева, «Турецкая азбука» М. Махмудбекова, «Новая школа» А. Сиххата и М. Махмудбекова, «Детские очки» и «Гюльзар» А. Шаига.

Были и сборники, целиком составленные из фольклорных произведений. Так книга Фиридунбека Кочарли «Подарок детям» представляла адресованное дошкольникам собрание песенок, сказочек, считалок, скороговорок, загадок и других малых форм.

Напуганное революцией 1905 года, царское правительство сделало некоторые послабления народам национальных окраин. Прогрессивные круги азербайджанской интеллигенции не замедлили ими воспользоваться. Для детей стали выходить специальные журналы — «Мектеб» («Школа»), «Рехбер» («Ведущий»), «Дебистан» («Начальная школа»). Их появление дало новый толчок развитию детской и юношеской литературы.

«Для передовых людей того времени, — пишет прозаик и критик Эльчин, — любая деятельность, связанная с детской литературой, была под-

¹ Архив М. Г. Сидги. Республиканский рукописный фонд. Арх. 7. Ед. хр. Г-3 (276), лист 3.

линным гражданским актом. Создание многочисленных детских журналов, учебников литературы и родной речи основополагающей задачей своей имело и развитие детской литературы, превращение ее в самостоятельную, равноправную область литературного творчества.

Конечно, — продолжает Эльчин, — здесь была своя историческая закономерность. В эпоху, когда идеалы демократического просветительства стали главным нервом общественной жизни, думать о будущем, о грядущем народа и нации значило развивать у детей чуткое эстетическое восприятие действительности, как можно шире распространять грамоту — создавать у подрастающего поколения предпосылки для формирования прогрессивных общественно-политических взглядов»¹.

Эту благородную задачу взяли на себя Мирза Алекпер Сабир Таирзаде, Аббас Сиххат Мехтизаде, Абдулла Шаиг, Сулейман Сани Ахундов, Рашид Бек Эфендиев и некоторые другие писатели, их современники, которые смотрели на детскую литературу как на серьезное, исторической важности общественное служение, требующее полной отдачи сил, способностей, знаний, таланта.

¹Эльчин. Без трудностей нет побед. — «Детская литература», 1982, № 4, с. 14.

НА РУБЕЖЕ ЭПОХ

(Становление азербайджанской детской литературы)

Сеид Азим в глубокой задумчивости шел по узким средневековым улочкам Шемахи. Еще совсем недавно оживленный город, по-восточному шумный, многолюдный и разноголосый, теперь казался вымершим или пораженным неведомой болезнью. Упадок Шемахи начался сразу, как только все канцелярии и правительственные учреждения были переведены из нее в Баку. Вслед за чиновниками в Баку перебрались богатые купцы и ростовщики со своими магазинами, банками, конторами, наиболее честолюбивые священники и другие лица духовного сословия. Город Шемаха опустел и затих. Лишь престарелые муэдзины в часы намаза гортанными голосами нарушали его сонную провинциальную тишину.

Сеиду Азиму казалось, что эта тишина затягивает его, как болото, как зыбучие пески, в черную, лишенную воздуха и потому не пригодную для дыхания и жизни глубину. Надо было что-то делать. Надо было пробудить родной и до боли близкий город от колдовского оцепенения, от этого погребения заживо.

«Нужна школа нового типа! — эта мысль все чаще посещала Сеида Азима. — Трудно ожидать гражданских свершений от человека, получившего образование в моллахане, душная атмосфера которой подавляет в ученике все его добрые наклонности, способности и стремления. Что могут дать растущему человеку невежественные моллы, кроме как наградить его собственной ленью, косностью души, нравственными пороками?»

Прошло несколько месяцев, и известие об открытии новой школы разнеслось по домам шемахинцев. Моллы, седобородые старцы, совершившие паломничество в Мекку и потому считавшие себя самыми мудрыми и непогрешимыми, с возгласами «вавейла!» («о, горе!») убеждали сограждан, что каждый, кто отдаст своего ребенка в эту школу, собственноручно выписывает себе путевку в ад.

Хотя смельчаков, решившихся идти наперекор фанатической косности и прямым угрозам, нашлось немного, школа Сеида Азима открылась, и занятия в ней повелись очень серьезно. Уроженец Шемахи, Сеид Азим Ширвани получил духовное образование в Багдаде и Дамаске. Но очень скоро, осознав реакционность мусульманских доктрин, он сделался одним из их яростных противников. Он вернулся на родину, стал писателем, начал учить русский язык. Закономерным итогом его духовной эволюции явилась школа, где русский язык преподавался наряду с азербайджанским как один из главных обязательных предметов.

Среди первых учеников школы внимание Сеида Азима привлек невысокий мальчик с худым лицом и большими, почти немигающими глазами. Алекпер — так звали мальчика — перешел в новую школу из моллаханы. Он был сыном многодетного Мешади Зейналабдина — владельца малень-

кой лавочки. Трудолюбивый и смывленный, Алекпер не сводил с учителя восхищенного взгляда, на лету ловил каждое сказанное им слово. Сеид Азим дал удивительному ученику ласковое имя — Подсолнушек. Рассказывая урок, он мысленно обращался к Подсолнушку, задавал ему вопросы, интересовался его мнением, а в перерывах между занятиями нередко беседовал с ним на равных — как со взрослым.

Однажды, войдя в класс, Сеид Азим не увидел Алекпера. На следующий день Подсолнушек опять не пришел на занятия. И тогда учитель отправился в лавку Зейналабдина, чтобы выяснить, в чем дело. Еще не доходя до лавки, он увидел бегущего навстречу мальчугана. По лицу Подсолнушка катились слезы:

— Учитель, меня не пускают в школу!

Подоспевший Мешади грубо схватил сына за руку и закричал, чтобы тот шел торговать в лавку. А сам достал из кармана мятую тетрадь и протянул учителю:

— У других дети как дети. А мой, взгляни, чем занимается!

Сеид Азим взял тетрадь и углубился в чтение. Лавочник ждал, что сейчас учитель разорвет бранью, но, к его удивлению, Сеид Азим улыбался. Закончив читать, учитель позвал Алекпера и, наклонившись к нему, поцеловал в большие круглые глаза.

— Я так и знал, — сказал он, прижимая мальчика к груди.

Мешади тупо смотрел на седую, вызывающую уважение бороду учителя, на его высокую бухарскую папаху и ничего не понимал.

— Ты должен гордиться, что твой сын так талантлив, — с улыбкой заговорил Сеид Азим. — Послушай, что он пишет:

В месяце рамазане я начал пост,
Мой взгляд постоянно тянется к казану.
А молла бьет меня за то, что я пишу.

Оказалось, во время учебы в моллахане Алекпера избили только за то, что мальчик писал. Ведь в первом классе моллаханы дети не имеют права писать: они должны лишь слушать и повторять, что скажет молла-учитель. Стихотворение восьмилетнего Алекпера о том, как его побил молла во время поста-рамазана, было первой пробой пера будущего великого азербайджанского поэта **Мирзы Алекпера Сабир Таирзаде** (1862—1911).

Талант Сабир едва ли раскрылся бы с такой полнотой и силой, если бы в детстве его учителем не был Сеид Азим Ширвани, чьи грациозные и лиричные газели и беспощадно острые сатиры отразили благотворное влияние демократического просветительства М. Ф. Ахундова, лирики Физули и Вагифа, обличительной поэзии Закира.

Начавший писать в традициях своего учителя, Сабир после революции 1905 года, пробудившей народы Азии от тысячелетнего сна, все решительнее и смелее овладевает не только новым, рождавшимся самой жизнью общественным содержанием, но и соответствующими этому содержанию поэтическими формами. В детскую литературу Сабир пришел, уже будучи известным поэтом-сатириком.

Редактор выходившего в начале века детского журнала «Дебистан» А. Джафарзаде вспоминает, как Сабир зашел к ним в редакцию в 1906 году. Они долго говорили о воспитании молодежи, о роли национальной пе-

риодической печати. Джафарзаде посетовал, что известные писатели почему-то не пишут для детей, журнал нередко заполняется художественно слабыми произведениями посредственных авторов или педагогов. Эти слова серьезно заделали Сабир. Он тут же взял со стола лист бумаги и написал стихотворение «Школьная песенка». Джафарзаде в тот же день отправил стихи в типографию, и они были напечатаны в очередном номере журнала.

«Школьная песенка» — не лучшее поэтическое произведение Сабир для детей. И даже не самое первое его обращение к детской тематике. Однако именно эти стихи знаменуют начало поворота поэта к детской литературе. С этого дня и до конца жизни детская литература становится для Сабир делом первостепенной важности, одной из главных ипостасей его творчества.

В ряде стихотворений Сабир обращается сразу по двум адресам — к детям и к их молодым родителям. Доверяя их уму и чувству юмора, он выражает свои мысли способом, напоминающим математическое «доказательство от противного». Так, в стихотворении «Наступит день, когда аллах тебе дитя подарит» он советует тотчас при рождении показать ребенка колдуну, чтобы тот помог уберечь его от дурного глаза. Если ребенок заболел, ни в коем случае нельзя обращаться к врачу — только к знахарю. Когда дитя плачет, не следует выяснять истинную причину его горя; достаточно обругать мать ребенка. Отправлять сына или дочь в школу — сущее безумие. Надо обучить их двум-трем плохим привычкам — остальное они узнают сами. Что касается воспитания мальчиков, то из них должны вырасти настоящие мужчины. А для этого их нужно научить играть в гумар (азартную игру в карты). Если подросток сына арестуют за уголовные преступления, лучше продать все, что имеешь, лишь бы любой ценой вызволить свое ненаглядное дитяtko из беды.

Подобные иронические мысли Сабир развивает и в стихотворении «Не знаю, что нашел в учебе наш ребенок». Оно написано от лица обывателя-мусульманина, который страдает от того, что его сын тянется к знанию. От чтения чепухи, которую печатают газеты и журналы, мальчик похудел. У него помутился разум. Чтобы вернуть его на истинный путь, надо сочинить для него молитву. Как хотелось отцу, чтобы его сынок был похож на него! Стал бы сильным и разбоем добыл себе богатство. А этот выродок не захотел разбойничать и полез в науку, от учения даже пожелтел, в чем только душа держится.

В сатире «Не шевелись, дитя, не проснись от спячки» поэт говорит с теми, кто и после набатных дней Декабрьского восстания 1905 года спит как мертвый:

Ах, открыв глаза, кругом лишь беду увидишь ты,
У народа скорьбь одну и нужду увидишь ты,
Горя, зла, страданий, мук череду увидишь ты,
Под подушку головой! В эти дни ты не проснись!
Баю-бай, малыш, бай-бай,
Так ты все проспишь, бай-бай¹.

¹ Здесь и далее все переводы стихов М. А. Сабир, кроме подстрочных, принадлежат П. Панченко. — *Ред.*

Стихотворение Сабира «Обучение наукам» написано по мотивам известной газеты Физули. Когда-то Физули называл любовь «афати-джан», врагом тела. В ритме и размере газеты Физули Сабир пишет о науке, которая тоже «враг тела». Иронически советуя ни в коем случае не изучать наук, а все силы и внимание отдать любви, соловьям и цветкам, поэт выступает одновременно и против сторонников «искусства для искусства», апологетов «чистой», внесоциальной поэзии, против мусульманского обскурантизма.

Сходные мысли Сабир развивает также в стихотворении «Отцовские наставления». Отец рекомендует сыну не увлекаться попусту наукой. В городе и так тесно от ученых людей, и все они — сумасшедшие. От учения у человека портится здоровье и настроение, свет меркнет в очах. И в университете учиться ничуть не веселее, чем в школе. Что толку научиться, как попугай, повторяя мудреные слова «социализм» и «демократия»? Пройдешь, говорящие эти слова, делают людей несчастными. Пастухи начинают сравнивать себя с беками. Они настолько глупеют, что насмеются над шахом и визирями, сомневаются в святости святых. В заключение «наставлений» отец умоляет сына бросить школу и стать грабителем. Только награбив богатства, можно увидеть настоящую жизнь, быть уважаемым человеком.

Значение «педагогических» сатир Сабира для современников можно вполне оценить, лишь рассматривая их в связи с борьбой, которую вела в то время передовая общественность Азербайджана за реформу образования против засилья духовенства.

В авангарде этой борьбы был выходявший с апреля 1906 года сатирический иллюстрированный еженедельник «Молла Насреддин», основанный и редактируемый известным прозаиком Мирзой Джалилом Мамедкулизаде. До 1917 года журнал выходил в Тифлисе, с 1921 по 1922 год печатался в Тебризе (Южный Азербайджан), затем издание было перенесено в Баку, где «Молла Насреддин» просуществовал до 1931 года. И все эти годы — в общей сложности четверть века — Дж. Мамедкулизаде был его главным редактором.

Сатирическое стихотворение Сабира «Наступит день, когда аллах тебе дитя подарит» было опубликовано в 8-м (майском) номере «Моллы Насреддина» за 1906 год рядом с фельетоном Дж. Мамедкулизаде «Почему я сбежал с урока». В фельетоне, в частности, говорилось: «Про другие народы не знаю, но нет на земле такого мусульманина-азербайджанца, который не сбежал бы с урока. Прежде мы уже говорили, что тот, кто сбегает с уроков, будет ученым. И те же слова повторяем вновь: первая и последняя причина того, что мусульмане — ученые, в том, что они сбегают с уроков. Короче, кто с урока не сбегает — тот не мусульманин!»

На действительность подобных выступлений указывал тот факт, что сразу по публикации стихов «Наступит день...» и «Не знаю, что нашел в ученье наш ребенок» правая буржуазная азербайджанская газета «Хаят» («Жизнь») разразилась раздраженной филиппикой в стихах и прозе, сам заголовок которой «Гёп-гёп» («Трепотня») красноречиво говорил за себя. Сабир не оставил этот выпад без внимания и в ближайшем номере «Моллы Насреддина» опубликовал иронический стихотворный «Ответ на трепотню «Хаят». Так поэт срывал маску защитницы национальных интересов с га-

зеты, которая, замазывая классовые противоречия внутри нации, на деле ревностно служила азербайджанским промышленным магнатам.

Подобно многим тогдашним демократически настроенным азербайджанским интеллигентам, которые стремились отдать свои знания народу, Сабир ряд лет учительствовал в школе поселка Балаханы на окраине Баку. Однако появление в его творчестве произведений, связанных с судьбами детей, с проблемами школьного и семейного воспитания и образования, объясняется не только этим фактом. Главное, что Сабир был Учителем в широком смысле слова. Его «классом» был весь азербайджанский народ, более того — весь тогдашний Восток. Обращенная к темным, забытым, полуграмотным миллионам бедняков проповедь Сабира имела целью развенчать в их глазах реакционные исламские догмы, расшатать устои, обрекающие целые поколения на духовный застой и физическое прозябание.

В стихотворении «Ай да умник!» сатирический персонаж — человек старых взглядов — чуть не с пеной у рта обличает родителей, отправляющих своих чад в светские школы. Он гневно клеймит увлечение газетной писаниной. Особенно возмущает его грамотная молодежь. Эти парни постригли головы и выбрили лица. Их нельзя считать за людей, ведь даже кровь не течет в их жилах. Пусть они даже говорят правду — им нельзя верить.

В другом стихотворении Сабир уже от своего имени говорит о иной молодежи — о той, что слепа и глуха к требованиям времени, чья спячка подобна смерти. Ну и ну, как крепко спит этот парень, удивляется поэт. Даже одеяло на нем не шелохнется.

Полет эпохи разбудил родню, соседей всех,
А он и не проснулся днем, — должно быть, умер он.
Нет, нет, живые так не спят, нет, нет, ему не встать.
Увы, наверно, он мертвец, — должно быть, умер он.

Поэт с болью видел, что волны революции идут на убыль, что их сменяет железный вал столыпинщины. В 1908 году был закрыт прогрессивный детский журнал «Дебистан». А ведь он приходил к тысячам детей два раза в неделю. В качестве приложения к журналу выходил также «Листок для родителей» — ценное издание по домашнему воспитанию. Закрытие журнала Сабир сравнивал с налетевшим осенним ветром, который погубил цветник. Он писал, что каменные сердца фанатиков и мракобесов могут теперь ликовать: их мечты сбываются.

Значительная часть произведений Сабира относится к жанру *бахри-тавил*, отдаленно напоминающему русский раешник. Это ритмическая и рифмованная проза, как бы повторяющая мелодию, исполняемую на барабане — нагара. В бахри-тавиле «О судьба, как ты жестока!» юная героиня жалуется: «О судьба моя, ты злая, что за дни пришли, не знаю, то и дело я стенаю, не живу — в огне сгораю, без конца в слезах, без краю, сердце кровью обливаю, а сильней претерпеваю, чем от горестей и бед, от журналов и газет, где писаки — хуже нет! Узнаю гяуров след! У меня во цветете лет отнимают солнца свет, смело пишут всякий бред, ужасаясь весь ислам, призывая здесь и там, в каждом городе, селенье не забыть о просвещенье:

школы девочкам открыть, чтоб малютки во всю прыть мчались в классы по утрам, получали пользу там...» Как видим, и здесь поэт использует свой изблюбленный прием «доказательства от противного», тем более действенный на Востоке, что он представляет своего рода пародию на традиционную назидательную, «прямую» поэзию.

Подобным «антипоучением» является, по сути, и бахри-тавил «Дорогой потомок мой», герой которого, глава почтенного мусульманского семейства, убеждает своего отпрыска ни в коем случае не учиться ремеслу. Куда полезнее проводить дни в пирах и безделье. А деньги добывать, воруя чужой скот, угоняя табуны. Ибо нет более достойного занятия, чем грабить и мучить народ. А тюрьмы бояться не надо. Даже если попадешь туда, при случае сбежишь. А не сбежишь, то и там жить можно.

Если сатиры этого типа имели в русской поэзии такие аналоги, как известная пародийная «Колыбельная» Н. А. Некрасова, то стихотворение «Я боюсь» по форме является чисто азербайджанским. Лирический герой этого стихотворения, явно выражающий мысли автора, говорит, что не боится ни хищных зверей в пустыне, ни бурь, которые разрушают горы. Ему нипочем извержения вулканов, стаи разъяренных львов и вампиры на кладбищах. Однако он приходит в ужас, если встречает мусульманина. Ибо нет в природе существа более кровожадного и злонамеренного.

Не приходится удивляться, что стихи Сабира, словно бомбы, сотрясали мусульманский мир. Буржуазные писаки, апологеты и защитники отживших полуфеодальных порядков ненавидели поэта, открыто травили его в буржуазно-националистической печати, запугивали анонимными письмами, грозились убить. Более других «преуспел» в этом журналист Гашимбек Везиров, достойный преемник небезызвестного доносчика и пасквилянта Фаддея Булгарина.

Однако ни оскорбления, ни клеветнические нападки, ни угрозы не могли сломить дух поэта, заставить его отказаться от борьбы. Вновь и вновь поднимает он знамя разума и знания, пригвождая стрелами своей сатиры к позорному столбу фанатиков и невежд. Один из них саморазоблачается в стихотворении «Не пуцу в школу, отвяжитесь» в таких выражениях:

В школу? Ерунда! Отвяжитесь! Не пуцу
ни за что и никогда! Отвяжитесь! Не пуцу!
Хоть над книгами сидит мой сынок по целым дням,
хоть несчастный мальчуган так и рвется в школу сам,
но, по-моему, гяур тянет нас к таким делам!
Для религии — беда! Отвяжитесь! Не пуцу!
Ни за что и никогда! Отвяжитесь! Не пуцу!

Далее персонаж стихотворения говорит, что его не остановят слезы ребенка: ведь мальчик еще не понимает, в чем его настоящее счастье. Пусть учится у своего старшего брата-кочи.

Здесь надо пояснить, что «кочи» — это сорвиголова. До революции в Баку так называли профессиональных уголовников, наемных убийц. Отец, мечтающий, чтобы его сынок не стал «кочи», ссылается на некоего

очень просвещенного моллу, который на его вопрос о пользе учения авторитетно заявил, что нет ничего вреднее и хуже. Стихотворение завершается поистине зловещим афоризмом: пусть мой сын лучше отправится в могилу, нежели в школу.

Рисует Сабир и счастливого отца, который с гордостью рассказывает своей жене Хансенем, как увидел их сына Фейзи на улице вдрызг пьяным. Фейзи еще подросток, почти мальчик, а уже проявляет геройскую удаль. Так хватил кулаком встречного старика, что тот свалился, захлебываясь в крови. Что же будет, когда ему исполнится пятнадцать лет! Дорогой сыночек таким кочи станет, что всех заставит харкать кровью! Как же хорошо, радуется отец, что в свое время не отдали мальчика в школу. Школа только забивает голову болтовней. А кто без умолку болтает, не пощадит ни власть, ни религию. Теперь же его сынок — настоящий человек, достойный продолжатель рода...

В сатирическом стихотворении «Давай сбежим, сынок» отец, беседуя с сыном, всячески поносит школу, противостоящую моллахане:

Ах вот какая школа к нам пришла!
 Детей на новый учат лад они.
 Учитель в этой школе не молла.
 Шайтан, спасайся! Совратят они!
 Бежим, мой сын! Несут разврат они!

 Совсем не так у дедов шли дела.
 Уча, имел достойный вид молла.
 На нем папаха гордая была.
 Он был ученый! Что ж творят они!
 Бежим, мой сын! Несут разврат они!

Сатиры поэта обращены к подросткам и взрослым. С самыми маленькими читателями Сабир говорит без иронии, без иносказаний — напрямую. Его «Призыв в школу» — это именно призыв, страстный и открытый. Поэт сравнивает школу с раем, пишет, что путь к счастью лежит через учение. Особую эмоциональность придает стихотворению то, что написано оно от лица матери, которая нежно и преданно заботится о действительном благе своего ребенка.

Сад ты мой, моя весна!
 Хватит, хватит спать, сынок,
 В школу, умник мой, пора.
 Оставляй кровать, сынок.
 Ну-ка, свет моей души,
 В школу, в школу поспеши.
 Утро встало уж давно!
 В доме больше не темно.
 Солнышко глядит в окно,
 Светит мальчику оно.
 Ну-ка, свет моей души,
 В школу, в школу поспеши.

Сколько в этих проникновенных словах трепетной любви, теплой ласки, светлой надежды на доброе будущее! И как разительно диссонирует с ними мрачное брзжание воинствующего обывателя, который все ценности мира меряет одним аршином — собственной грошовой выгодой:

Сочувствовать школе? Ну что за народ!
Доход не растет, не растет, не растет.
Мне пользы от школы совсем не видать.
Проклясть мы такую должны благодать.
И всем это ясно, о чем рассуждать?
Не вижу я пользы от этих забот.
Доход не растет, не растет, не растет.

Сабир не настолько наивен, чтобы видеть причину устойчивости мусульманских обычаев только в невежестве. В определенном смысле ислам выгоден мужчинам, поскольку держит женщину в рабской зависимости от них, низводит ее в ранг бессловесного существа, которое является одновременно и прислугой, и предметом телесных утех. Шарият не только оправдывает, но и вменяет в обычай многоженство, не видит ничего противоестественного в том, что девочку-подростка выдают против ее воли мужу за седобородого старика.

Стихотворение «Ой, пришел!» рассказывает о девочке, которую енгя (женщина, сопровождающая новобрачную) приводит в дом жениха. При виде «нареченного» юная наложница кричит енге, что в комнату к ней вошел не то лесной кабан, не то призрак, только что покинувший могилу:

На голове его папаха, как самоварная труба,
Белые ключья бровей нависают над глазами,
И стар он, как мой дедушка.
Он так долго курил кальян,
Что изо рта его исходит запах смолы.

Свои стихи Сабир нередко печатал под различными псевдонимами. Часто это было ироничное «Хоп-хоп». Но под его стихами можно найти и подпись «Аглар-гюляян» («Смеющийся сквозь слезы»). Обычно мы слышим в произведениях Сабира смех сквозь слезы, когда он говорит о бесправном положении детей и женщин в мусульманском мире.

В стихотворениях Сабира «Погонщик волов и потоп», «Врач и больной», «Купец и его сын» ошутимо прямое воздействие фольклора. Последнее стихотворение рисует купца, который при каждой сделке стремится обмануть партнера или покупателя, чтобы извлечь дополнительную выгоду. Сын с детства помогает отцу в его торговых делах. Однажды, отправляясь по важному делу, купец доверил лавку сыну, а вернувшись, обнаружил, что тот присвоил выручку. Разъяренный купец бьет сына, а увидевший это старик говорит, что наказывать подростка несправедливо:

Не сводят с дурного и доброго глаз,
Всему обучаются дети у нас.
Будь честен — и в детях возвысится честь.
Будь чист, чтобы в них чистоту перенести.

Самое действенное воспитание, по убеждению Сабира, — это воспитание собственным положительным примером. В стихотворении «Муравей» речь идет о маленьком насекомом, который тащит груз много тяжелее себя. Люди, восхищаясь, говорят о его большой физической силе. Муравей же отвечает, что он отнюдь не силач, а несет большой груз потому, что трудолюбив и крепок духом. Ссылаясь на пример муравья, лирический герой стихотворения говорит, что человек может сдвинуть горы. Служить родине нужно прежде всего трудом. Даже смерть, принятая при исполнении своего дела, почетна:

Трудись, борись за родину свою,
Покуда кровь не вытечет из жил.
Уми, чтоб имя — это ли не честь! —
Родной народ в сказаньях оживил.

В стихотворении «Старый садовник» Сабир пересказывает знаменитый сюжет из «Азбуки» Л. Толстого — «Старик сажал яблони». Как и Толстому, ему кровно близка гуманистическая мысль о преемственности добра, о том, что каждое поколение, принимая наследие предшественников, само обязано трудиться для будущих времен, для завтрашнего человечества.

Юмор в произведениях Сабира — тема особого разговора. В сущности, нет у поэта строки, в которой сквозь гнев или боль, сквозь философское раздумье или гражданский пафос не сверкали бы, пусть малые, искорки смеха. Смех Сабира народен. Он помогает отыскать правду, преодолеть трагедию, в малом увидеть великое и понять, что от великого до смешного порой всего один шаг.

Есть у поэта стихотворение «Искендер и бедняк», в котором описана встреча Александра Македонского с нищим. Искендер, кичась своим могуществом, предлагает нищему попросить, чего тому угодно, — все будет исполнено. Бедняк показывает на мух, сидящих на его болячке, и говорит: «Прикажи им улететь и не возвращаться». Царь отвечает, что мухи — не его подданные, и они его не послушают. Это дает право нищему заметить:

Мой шах, когда так немощен ты сам,
Не говори: «Чего захочешь, дам».
Ведь мухи — что в глазах людей они?
Сословий всех людских слабей они.
И если ты, о шах, настолько слаб,
То что с тебя возьму я, жалкий раб?

Посрамление бедняком властелина полумира — это победа гордого и свободного человеческого духа над суетным тщеславием, издревле бесплодным, но всегда угрожающим человечеству неисчислимыми бедами. Конечно, пока это победа только моральная: ведь и в наши дни властолюбцы представляют грозную социальную опасность. Но смех народа, воплощенный в творениях литературы, делает свое великое дело, указывая нам истинные ценности и расставляя все по своим местам.

Смех — великая сила добра. И закономерно, что большая литература для маленьких начинается с улыбки и смеха. В небольшом стихотворении

«Врач и больной» пациент жалуется доктору на боль в животе. Он говорит, что не ел ничего, кроме горелого хлеба. Тогда врач молча начинает лечить ему глаза. Больной в недоумении. Однако по логике вещей прав лекарь: надо быть воистину слепым, чтобы есть негодный продукт. Быть может, с таким ходом мысли согласится не каждый взрослый. Но дети прекрасно понимают писателя и весело соглашаются с ним.

Не случайно во многих странах слова «народный» и «детский» и сегодня ставят рядом. Особенно если говорят о литературе и искусстве. Быть детским поэтом Сабиру помогала его органическая народность.

Он едва ли не первым щедрой, полноводной струей ввел в азербайджанскую поэзию пеструю разговорную речь крестьян, ремесленников, купцов, чиновников, мусульманских священнослужителей, стариков, женщин и, конечно, детей. Этого ему не могли простить иные из его современников — приверженцы витиеватых и рафинированных книжных словес. Им был не по душе поэт, писавший на языке простолюдинов. Язык поэзии Сабир стал подлинной революцией в азербайджанской литературе. Благодаря языку, народ увидел в стихах поэта свое отражение: узнал себя в горе, падении, несчастье, но и в величии, силе, красоте.

Ярче всего эти строки народной жизни выразились в собственном творчестве масс — в дастанах и песнях, сказках и пословицах. Связь произведений Сабир с фольклором настолько глубока и нерасторжима, что часто невозможно провести грань и отделить одно от другого. Дело не только в том, что из сокровищницы народной поэзии взял поэт сюжеты стихотворений «Молла Насреддин и вор», «Одеяло Моллы Насреддина», «Лживый пастух» и др., что стихотворения «Погонщик волов и потоп», «Купец и его сын», «Старый садовник», «Паук и шелковичный червь» образно раскрывают смысл народных пословиц и поговорок.

Главное в том, что поэт всеми струнами души сросся с духовным миром тружеников, с традициями и обычаями, в которых отложился многовековой опыт противостояния эксплуататорам, нравственных исканий и сотворения красоты.

От поэтов-современников Сабир требовал обращения к таким средствам художественной выразительности, которые отвечали бы реальной жизни, правде характеров, актуальной и социально-значительной теме. Он резко критиковал тех, кто сравнивал лицо любимой с луной, волосы со змеями, глаза — с глазами джейрана. Он рисует пародийный портрет красавицы, чье тело отликает серебром:

Как яблоко, подбородок твой! Колодец — ямка в нем.
Гранаты — щеки. Ха-ха-ха! Ну где найдем смешней!

Новаторство Сабир имело революционизирующее значение не только для азербайджанской, а для всей восточной поэзии. Его художественная школа оказалась обязательной и для поэтов сопредельных стран — Ирана, Турции, Афганистана, Индии и других.

Новая поэтическая форма позволила Сабиру стать подлинным поэтом трудящихся, певцом их борьбы. Не плакать, а побеждать учил Сабир. «Когда мужчина плачет, он теряет свое достоинство», — пишет он. Одно из лучших детских стихотворений поэта «Пахарь» начинается словами:

«Взошло солнце, и мир наполнился светом!». Это прелюдия самой природы к человеческой симфонии труда. Сейчас выйдет на пашню сеятель и начнется праздник полей.

Тяжкий ход лемеха в борозде, усилия тянущего плуг вола и соленый пот, застилающий глаза бредущего за плугом крестьянина, сливаются у Сабир в одну торжественную и ликующую мелодию. Радость пахаря в том, что сегодняшняя мука труда обернется спелым хлебным колосом, и не будет человека счастливее, когда зимой вся его семья соберется за столом с горкой горячих, пахучих лепешек.

Сходное настроение пронизывает стихотворение «Весенние дни». Герой его, мальчик, с нетерпением ждет прихода весны, когда растают снега и расцветут деревья. И поэт уже от себя добавляет, что если бы весна была только праздником пробуждения природы, только восхищала красотой цветения садов, она не была бы столь дорогой и долгожданной. Но весна особенно желанна людям еще и потому, что с нею связаны надежды на новый урожай. Весной колосится пшеница, обещая золотое наливное зерно.

Всем своим творчеством Сабир, как сказали бы мы теперь, участвовал в трудовом воспитании подрастающего поколения. В стихотворении «Подарок школьникам» он наставляет детей не терять времени даром, стремиться к знанию, овладевать каким-либо полезным для людей ремеслом. Поэт всегда подчеркивал, что физический и умственный труд равно необходимы и почетны и находятся в неразрывном родстве. Но вовсе не всякое занятие есть труд. Этим высоким словом можно назвать лишь такую деятельность, которая необходима людям.

Паук в стихотворении «Паук и шелковичный червь», закончив плетение паутины, насмехается над шелковичным червем как над бездельником: «Погляди-ка, как я быстро работаю!» Но шелкопряд резонно отвечает ему, что от паутины людям нет никакого толка, а медленно сплетаемая шелковая нить превращается затем в прекрасные ткани.

Несмотря на то, что стихи Сабир принадлежали к одним из первых образцов национальной детской поэзии, они и сегодня остаются в числе ее вершин. Нет в Азербайджане школьника, который не знал бы наизусть лирических и сатирических стихотворений поэта. Они входят в хрестоматию и книги для чтения. Издаются отдельными сборниками. Изучаются в начальной и средней школе.

Основоположителем реалистической прозы в детской литературе Азербайджана по праву считается **Мирза Джалил Мамедкулизаде** (1866—1932). Подобно тому, как воды Каспия вбирают в свои глубины быстрые струи впадающих в него рек, творчество Мирзы Джалила соединило в себе лучшие традиции национальной литературы, имеющей тысячелетнюю историю, впитало в себя революционно-демократический дух, тенденции к сатирическому и юмористическому изображению действительности предшествовавших ему художников критического реализма. Но как воды Каспийского моря не похожи по вкусу на те речные воды, что наполняют его, так и творения Мамедкулизаде отличаются от произведений предшественников. В истории азербайджанской литературы этот писатель открыл востину новую страницу, дав жизнь школе иронической прозы.

В 1887 году двадцатилетний Мирза Джалил окончил Горийскую семинарию и стал работать учителем. С 1904 года он активно сотрудничает

в газете «Шарги рус» («Восточная Россия»), выходящей в Тифлисе. А с апреля 1906 года Джалил Мамедкулизаде становится основателем, редактором и постоянным автором уже упоминавшегося журнала «Молла Насреддин». Именно в эти годы он заявил о себе как выдающийся мастер прозы — рассказчик, памфлетист, эссеист, драматург.

В рассказах для детей и юношества «Петух Пирверди», «Цирюльник», «Лёд», «Два яблока», «Почтовый ящик», «Мастер Зейнал» и других Мамедкулизаде удачно сочетает национальное содержание с приемами реалистического письма европейских прозаиков.

В старину во время петушиных боев был такой обычай. Проигравшего бой петуха свалили хозяину под мышку, и тот с позором покидал ристалище. С тех давних пор в Азербайджане бытует выражение «Дать ему петуха под мышку», относящееся к неудачникам, людям, потерпевшим поражение в каком-либо деле. В рассказе «Петух Пирверди» это выражение вполне подходит к отцу маленького героя Гасыму-киши, темному, невежественному крестьянину.

Суть рассказа в том, что мать Пирверди Халима просит мужа съездить в соседнюю деревню за ее сестрой, чтобы та помогла ей по хозяйству. Пирверди, узнав, что отец собирается в путь, наказывает, чтобы тетя заодно привезла и боевого петуха — мечту всех мальчишек, страстных любителей петушиных сражений. Однако, не доехав до дома свояченицы, Гасым-киши встречает моллу Джафара, который интересуется, куда его несет в такую жарницу. Гасым-киши жалуется на жену, рассказывает о ее просьбе. Молла говорит: «Зачем тебе сестра жены? Давай, лучше я тебя женю». И Гасым-киши покорно женится на женщине, лицо которой скрывает непроницаемая чадра, и, даже не взглянув на нее, не сказав ей ни слова, сажает на осла и привозит к себе домой.

Пирверди думает, что это приехала его тетя и что под чадрой она держит привезенного ему в подарок петуха. Он радостно поднимает чадру и, увидев незнакомое лицо, кричит в удивлении и страхе. На крик мальчика сбегаются соседи. Так реализуется метафора: молла Джафар дал Гасым-киши «петуха под мышку». Трагикомизм этой ситуации в том, что бедняк Гасым-киши и сам не знает, зачем ему еще одна жена, почему он так легко и покорно пошел на поводу у моллы.

Садык-киши из рассказа «Цирюльник», как и Гасым, тоже жертва слепой приверженности средневековым догмам мусульманства. Под стать ему и его жена. У их десятилетнего сына Мамедвели болят глаза. Мальчик жалуется матери и при этом рассказывает, что когда у его товарища Ахмеда болели глаза, тот случайно раскровянил себе нос соломинкой, и глаза перестали болеть. Выслушав сына, мать дает ему «мудрый» совет: «Пойди и ты раскровяни себе нос». Мамедвели старательно выполнил материнский наказ — вызвал из носа кровотечение, которое никак не останавливается. Испуганная женщина посылает Садыка-киши к цирюльнику, чтобы тот помог остановить кровь. Но Садык-киши, придя к цирюльнику, забыл, зачем он послан, и сел бриться. После неспешного бритья и разговоров он возвращается домой и только тут узнает, что кровотечение у сына, слава аллаху, прекратилось само.

Мамедкулизаде сравнивает Гасыма и Садыка со щепками, которые несет горный поток. Подобно реке, жизнь гонит этих людей, куда придется.

В рассказах высмеиваются пассивность и невежественная глупость, порождаемые и закрепляемые в народе мусульманской религией. Хотя дети и являются здесь персонажами эпизодическими, содержание рассказов, комизм положений, в которых оказываются герои, простой и ясный язык свидетельствуют о принадлежности произведений к детской литературе.

Прочно вошел в круг детского чтения и рассказ Мамедкулизаде «Почтовый ящик». Мариэтта Шагинян писала об этой в полном смысле слова классической вещи: «Вряд ли можно назвать во всей мировой литературе много новелл, которые могли бы стоять в одном ряду с этой — по ее глубиной художественной силе и социальной действенности»¹.

Герой рассказа — крестьянин Новрузали. Это сильный и добрый, по своему сметливый, но неграмотный человек, далекий от успехов цивилизации и совершенно не ориентирующийся в городской жизни. Он привозит в дар своему хану, живущему в городе, деревенские продукты. А хан просит его без промедления сбежать к почтовому ящику и опустить письмо. Новрузали готов ревностно исполнить поручение. «Ты не думай, что я настолько глуп, — заверяет он своего господина. — Даже начальник не сможет отобрать у меня эту бумагу».

Однако Новрузали на самом деле не знает, что такое письмо, почта, почтовый ящик. Опустив бумагу в прорезь ящика, он останавливается в растерянности: то ли ему возвращаться на двор хана, где у него остался неразвученный осел, то ли сидеть и сторожить письмо. В это время почтовый служащий приезжает забрать корреспонденцию из ящика, и Новрузали, принимая его за грабителя, бросается на защиту ханского письма.

Новрузали избивают и арестовывают. Лишь через много часов, разобравшись в чем дело и благодаря поручительству хана, ему возвращают свободу. Он приходит на ханский двор, видит голодного осла, которого никто и не подумал разгрузить, и умоляет хана позволить ему вернуться в деревню к детям. А хан снова и снова заставляет его повторять историю с письмом и арестом, выспрашивает подробности драки с почтовым служащим и оглушительно, от души хохочет. Ему весело.

Писатель ни словом не высказывает своего отношения к изображенному. В рассказе нет ни выводов, ни прямых обобщений, ни назиданий, столь характерных для восточной литературы вообще. Но свою позицию автор ясно и недвусмысленно раскрывает чисто реалистическими средствами: точностью, емкостью, выразительностью деталей и подробностей, за которыми выпукло встают характеры персонажей и глубинный, социальный смысл ситуации в целом. Классовое расслоение и антагонизм феодально-буржуазного дореволюционного азербайджанского общества показаны здесь во всей их остроте, непримиримости, хотя сам Новрузали и рабски предан, покорен хану. То, что является для хана забавной, уморительной комедией, для читателей предстает одновременно и как трагедия дореволюционного азербайджанского крестьянства.

В автобиографических заметках «Мои воспоминания» Мамедкулизаде писал: «Впервые в жизни открыв глаза, я увидел мир темным. И первое, что я услышал в этой темноте, было «Аллах акбар» (аллах велик)». Пара-

¹ Шагинян М. — В кн.: Проблемы азербайджанской прозы. Баку, Азербайджан, 1940, с. 236.

зитурующие на народном труде ханы, моллы, кази и их прислужники не жалели сил для того, чтобы темнота окружала труженика всю его жизнь и чтобы в ней не звучало иных слов, кроме «Аллах акбар». А такие писатели, как Мамедкулизаде, несли народу свет знания и истины, наносили беспощадные удары по «священным» догматам ислама, разрушая крепостные стены невежества и фанатизма в душах людей.

Показателен рассказ Мамедкулизаде «Мастер Зейнал». Его герой — человек с чистым сердцем. Он беден и бескорыстен, никому не завидует, будучи уверен, что живет правильно, по совести. Но мастер Зейнал искренне верит в аллаха, он предан исламу, и эта вера направляет всю его жизнь по ложному руслу, делает опасным для окружающих.

Зейнал живет в убеждении, что все люди делятся на чистых и нечистых. Чистые — это мусульмане. Даже если они едят плов грязными руками, носят засаленную вонючую одежду, не моются месяцами, — они все равно чистые. А все прочие люди — нечистые. Хотя бы они и ходили каждую неделю в баню, опрятно одевались, ели из самой чистой посуды, не прикасаясь руками к пище.

Зейнал знает, что все в воле аллаха, доля каждого заранее предопределена, и человеку нет необходимости пытаться самому направлять свою судьбу! Надо лишь верить искренне и глубоко, неустанно молиться, и аллах не оставит в беде, выведет из самого трудного положения.

В рассказе Мамедкулизаде мастер Зейнал подрягается ремонтировать дом армянина Акопа-киши. Он старательно делает свою работу, но не сомневается, что завершит ее вовремя, даже если и вовсе не притронется к ней. Конечно, если на то будет воля аллаха. Аллах же милостив к тому, кто свято блюдет свою «чистоту».

Случается, однако, что в разгар работы ученик приносит Зейналу воду в ведре хозяина дома — «нечистого» армянина. Зейнал узнает об этом уже тогда, когда на воде замешан раствор, который частично употреблен в дело. Мастер Зейнал в ужасе: все вокруг осквернено. Не окончив работы, он покидает дом Акопа-киши. В проигрыше остаются и хозяин дома, и сам Зейнал, ничего не получающий за свой труд. Мастеру кажется, что во всем виноват нерадивый подмастерье, подсунувший злополучное ведро. Читатель делает иной вывод: представления правоверного мусульманства разделяют людей, сеют между ними рознь и вражду, мешают нормально жить и трудиться, оборачиваются против человека.

Перешла из классической литературы в круг детского чтения и повесть Мамедкулизаде «Происшествия в Данабаше». «Данабаш» — по-азербайджански означает «тупица», «идиот», «пустая голова». Давая это имя селению, в котором разворачиваются события повести, писатель тем самым как бы говорит, что речь в его произведении пойдет об «идиотизме деревенской жизни» (К. Маркс).

В повести два центральных персонажа — Худаярбек и дядюшка Мамедгасан. Характеры их полярны. Худаярбек, кривой нос которого напоминает петушиный гребень, — агрессивный, злобный, хищный. Он постоянно носит плеть в голенище сапога, и при малейшей стычке с людьми пускает ее в ход, наводя страх на окружающих. Дядюшка Мамедгасан — человек робкий, тихий, покорный. Он не раз испытал на себе удары Худаярбековой плетки.

Худаярбек и Мамедгасан — верующие мусульмане. Но если Мамедгасан верит искренне, богобоязненно, честно, то для Худаярбека религия лишь путь к достижению корыстных целей. Он прикрывается ссылками на учение ислама и шариат, когда это выгодно лично ему, и моментально забывает о боге и морали, если стремление к выгоде приходит в противоречие с религиозными установлениями.

Отношения Худаярбека и дядюшки Мамедгасана похожи на встречу волка с овцой. Мамедгасан, экономя на хлебе насущном для детей, откладывает по копейке деньги, чтобы купить осла и совершить паломничество в Кербела, к святым местам мусульман. Но когда осел наконец куплен, Худаярбек забирает его, едет на нем в город, там выменивает осла за две головы сахара, а сахар отдает молле, чтобы тот оформил его брак с бедной вдовой Зейнаб.

Худаярбека ничуть не смущает, что «женильба» происходит без согласия вдовы и в ее отсутствие. Заручившись свидетельством моллы о браке, он на «законном» основании пытается водворить Зейнаб в свой дом. Поставив сыну Зейнаб Валигуле свою дочь в жены, заставляет того работать на себя, как слугу.

Как в других своих произведениях, Мамедкулизаде сохраняет здесь полную внешнюю объективность. Он не только не афиширует своих истинных симпатий и антипатий, а, напротив, даже как будто старается обелить Худаярбека перед читателями. «Если сказать по совести, — пишет автор, — то здесь никакой вины Худаярбека нет. Потому что он хочет жениться на Зейнаб, а женильба по шариату — приемлемое дело». И далее: «Несомненно, что тот, кто сейчас наблюдает со стороны, порицает Худаярбека; но нет, здесь совершенно категорически нет места для порицания. Если говорить по совести, то мы вовсе не должны считать Худаярбека виновным. Правда, весь этот шум-гам из-за него. Но у Худаярбека не было цели устроить переполох в чужом доме. У Худаярбека одна цель. Его цель — единственно жениться на Зейнаб».

Но вот странная вещь: чем больше автор-рассказчик заступает за своего героя, чем настойчивее подчеркивает его невиновность, тем явственнее вырисовывается вся отвратительность Худаярбека, его поистине носорожья, не знающая сомнений уверенность в абсолютном праве безраздельно использовать в своих интересах труд, имущество, судьбы и жизни других людей.

Это впечатление возникает и усиливается оттого, что якобы оправдывающие Худаярбека слова автора пронизаны тонкой и убийственной для героя иронией. Ведь они как бы передают мысли и чувства самого Худаярбека: в них нет места другим людям, их собственным чувствам и интересам; есть только сам Худаярбек, его личное желание сделать Зейнаб своей женой. Так вскрывается его эгоцентристская, эгонистическая сущность.

Если Худаярбек отлично знает, чего он хочет, трезво глядит на многие вещи и не без основания расценивает задуманное дядюшкой Мамедгасаном паломничество в Кербела как пустое, никчемное развлечение, то, в отличие от него, Мамедгасан пребывает как бы в непробудном, сумеречном сне, навсегда помутившем его сознание, остановившем движение мысли. Его поступки не более чем импульсивные реакции на действия других людей.

Увел Худаярбек у него осла, с которым связывались надежды на успешное паломничество к святым местам, и дядя Мамедгасан едет в город, жалуется начальнику, что его осел ушел и до сих пор не вернулся. Он так боится плетки Худаярбека, что ему и в голову не приходит назвать имя вора. Спустя годы он узнает среди проходящего по улице каравана своего осла и так же импульсивно, как поехал прежде в город с жалобой, бросается к найденному животному, отбивает его от каравана, загоняет в сарай.

В повести «Происшествия в Данабаше» среди действующих лиц есть и дети. С восьмилетним сыном дяди Мамедгасана Ахмедом мы знакомимся уже в начале произведения. Когда Худаярбек приходит забрать осла, мальчик, словно чувствуя беду, хватается за ослиный хвост и кричит: «Не пущу! Ей-богу, не пущу-у-у!» А Худаярбек, охаживая его плетью, бранится: «Сукин сын, куда осла тащишь? Ты что, ослеп? Ты что, меня здесь не видишь? Клянусь аллахом, шкуру с тебя спущу».

Бедственное положение Ахмеда усугубляется тем, что его бьют на глазах отца, бьют несправедливо, а отец не в силах заступиться за него даже на словах. Один только эпизод, но в нем автор заявляет о себе как о защитнике детства, непримиримом противнике любой жестокости и несправедливости, касающейся ребенка.

Эта позиция писателя последовательно проявляется и в том, как рисует он сына вдовы Зейнаб Валигулу и ее дочерей Физзу и Зибу. Безропотные, тихие, покорные, эти юные создания особенно тяжело страдают от обид, обмана, грубой силы Худаярбека и ему подобных. Худаярбек не знает жалости и к собственным детям — дочери Гюльсюм, сыновьям Хейдаргулу и Мурадгулу.

Не случайны у Мамедкулизаде эти похожие по окончаниям имена мальчиков: Валигулу, Хейдаргулу, Мурадгулу. «Гул» по-азербайджански — «раб». Не один Худаярбек — большинство взрослых, исповедовавших коран и шарият, видели в детях лишь маленьких рабов, безропотных исполнителей их воли и прихотей, послушную рабочую силу. И упорно не желали признавать за ними право на человеческое достоинство, на свободу внутреннего мира, на личность. Горькие детские слезы не заставляли сердца их содрогаться. Им казалось, что слезы эти ничего не стоят, что ребенок плачет так же легко, как и смеется, что дети не способны страдать.

Худаярбек посылает ночью маленького Хейдаргулу за Гасымали, а когда тот отказывается, ссылаясь на страх перед темнотой, отец жестоко избивает малыша. Сын Мамедгасана Ахмед, голодный и обессиленный, ищет в городе уведенного Худаярбеком осла и, отчаявшись, неутешно плачет о пропавшем четвероногом друге. Трагедия этих детей в том, что они одиноки в мире взрослых. И дело не только в том, что Худаярбек зол, бездушен, а Мамедгасан — робок и слаб. Трагедия детей в повести Мамедкулизаде изображена как трагедия общества, которое само лишает себя будущего, творя новое поколение по образу и подобию предыдущего, передавая в наследство детям дикие нравы и бесчеловечные обычаи отцов.

Страшно видеть, как развращающе-глетворно влияет Худаярбек на Валигулу, делая его невольным союзником в своих темных делах. Но пожалуй, еще страшнее тот духовный и нравственный застой, на который обрекает подрастающую смену общество. Один из рассказов Джалила Мамедкулизаде носит характерное название «Бородатый ребенок». Смысл

его в том, что современное писателю общество производит целые поколения «бородатых детей» — инфантильных невежд, до конца жизни сохраняющих первозданную наивность и неразвитый интеллект ребенка.

Герой рассказа Карбалаи Азим ведет свои расчеты с людьми, рисуя черточки на стене. А хозяин дома, полагая, что стены царапают дети, волнуется и ищет виновного, чтобы его непременно наказать. Однако, обнаружив, что царапины делает взрослый человек, хозяин не удивляется. Ведь он и сам, будучи неграмотным, когда продавал соседям молоко, масло или яйца, тоже подсчитывал выручку и долги при помощи черточек и палочек.

В ряду других идей автор «Бородатого ребенка» проводит мысль, что действительно воспитывают человека не принуждение с помощью силы и не благие нравоучения, а добрый или дурной пример старших, в первую очередь тех, кто ближе стоит к ребенку, кто призван его воспитывать: родителей, учителей. Для выражения своих педагогических взглядов Джалил Мамедкулизаде использовал самые неожиданные сюжеты.

Так, рассказ «Корова-вор» основан на анекдотическом, едва ли не фантастическом событии. Говорится о корове, которая по ночам пасется на хлопковых полях, а днем отсыпается в хозяйском хлеву. Она настолько хитра и осторожна, что люди никак не могут обнаружить виновника потравы хлопчатника. Необыкновенные воровские способности животного объясняются, однако, вполне прозаически. Бывший хозяин коровы промышлял ночным разбоем и всегда, когда шел за добычей, брал корову с собой. Концовкой рассказа автору служит известная азербайджанская поговорка: «Если лошадь привязать возле другой лошади, они сравняются не мастью, так характером».

Дальнейшее, по сравнению с Джалилом Мамедкулизаде, усиление элементов психологизма и социальной критики мы встречаем в прозе **Абдурагимбека Хагвердиева** (1870—1933). Герой его рассказа «Бомба» городской Карбалаи Зал мечтает оказать «особую услугу» властям в борьбе с революционерами. Увидев осла, навьюченного мешками с арбузами, он воображает, что раскрыл заговорщиков, переправляющих бомбы. Поднятая по тревоге полиция попадает в конфуз. В результате ревностному, но безграмотному и глупому служаке приходится расстаться со своей должностью.

Если Карбалаи Зал по-своему продолжает в творчестве Хагвердиева линию «бородатых детей», намеченную Мамедкулизаде, то охотник Гасым из цикла «Рассказы охотника Гасыма» — это открытие нового характера в азербайджанской детской литературе. В какой-то мере Гасым напоминает известные образы охотников русской литературы прошлого века — людей цельных и чистых, близких к природе, несправимых выдумщиков и фантазеров, настоящих поэтов в душе: тургеневского Калиныча, Некрасовского деда Мазая, толстовского казака Ерошку. Но это и характер истинно национальный.

Хотя Гасым из той породы людей, которые никогда не расстанутся с собственным детством, его «бородатым ребенком» никак не назовешь. Детская непосредственность и простодушие сочетаются в нем с мудростью, унаследованной от народа и обогащенной в долгом опыте жизни.

К рассказам Гасыма, составившим содержание цикла, весьма подхо-

дит пушкинская формула: «Сказка ложь, да в ней намек — добрым молодцам урок». Ведь Касым, хотя и призывает в свидетели своих баек охотничьего пса Гююша, который ему неизменно и согласно подгавкивает, едва ли рассчитывает, что слушатель и в самом деле поверит, будто все было именно так, а не иначе. Свидетельство Гююша — тоже элемент игры, исполненной веселого и лукавого юмора. Но за удивительной, подчас просто-таки мюнхгаузенской историей всякий раз слушатель улавливает серьезность внутреннего содержания, правду жизненной и нравственной сути, явленную в карнавальной оболочке вымысла.

Таков рассказ про маленького слепого воробья, которого спасает от голодной смерти... пчела. Она упорно носит ему просо по зернышку, и воробей, услышав жужжание летящей пчелы, всякий раз открывает клюв, куда пчелка и бросает зерно.

Язык Гасыма-охотника — это язык народной притчи. В нем нет однозначных фраз и даже описание места действия обычно приобретает смысл самостоятельного повествования:

«Деревня спала... Неожиданно на краю деревни прокукарекал петух. Тотчас я подумал, что завтра голова этого петуха наверняка падет от руки палача за то, что он запел не вовремя. И верно, там, где народ занят сном, голова того, кто поднимает шум-гам, должна быть отрезана», — читаем в рассказе «Шейх Шабан». Даже совсем маленький читатель дореволюционной эпохи понимал, что речь тут не об одном только петухе и даже главным образом не о петухе, а о вековой спячке народа, о палачах, бдительно следящих, чтобы народ никогда не проснулся, и о тех, кто имеет мужество возвысить свой голос среди мрака угнетения и реакции.

Значительным шагом вперед в решении первостепенной для детской литературы проблемы положительного героя стал рассказ Хагвердиева «Мирза Сафар». Герой его — «маленький человек», мелкий служащий стоящий на низшей ступени социальной лестницы феодально-капиталистического общества. Но его лишь в очень отдаленной степени можно уподобить герою гоголевской «Шинели», пушкинскому станционному смотрителю или униженным и оскорбленным персонажам Достоевского. Мирза Сафар, при всем своем бесправии и незначительности, не жертва, а победитель.

На протяжении рассказа — а это вся его жизнь — он нравственно противостоит всеильному начальнику своего учреждения Гасану-аге, и в этой борьбе, безусловно, одерживает верх. Ведь за многие годы работы в подчинении у Гасана-аги он ни в чем ни разу не покривил душой, не поступил с честью и совестью, не склонил головы, не унизил себя угодничеством, страхом перед начальством или лестью. Ни разу ни под каким нажимом не выполнил он требования и распоряжения Гасана-аги, если оно расходилось с совестью или законом. И всегда он презирал самодовольного, кичащегося мнимым величием «хозяина» и ни от кого этого не скрывал.

Неуязвимость и сила Мирзы Сафара в его собственной нравственной чистоте, в том, что неколебимая стойкость его моральной позиции подкреплена образцовым исполнением им служебных, гражданских и семейных обязанностей. Мирза Сафар предельно честен и бескорыстен, он не знает искушений, которые подталкивали бы его к компромиссам. Это подлинный Ахиллес духа, не имеющий, однако, той уязвимой пяты, которая,

как известно, стала причиной поражения древнегреческого героя.

Умирая, Мирза Сафар имел полное право обратиться к своим сыновьям с такими словами: «Дети мои, я много пожил на свете. Стараясь для вас, я достиг желаемого. Я ухожу из мира спокойный, без забот. Всю свою жизнь я был честен в работе. Ни к одному человеку я не подольщался. Мой вам наказ: даже если будете голодать, не кланяйтесь таким людям, как Гасан-ага. Если вы будете жить честно, по совести — удача вас всегда найдет».

Открытия, сделанные в азербайджанской прозе для детей Джалилом Мамедкулизаде и Абдурагимбеком Хагвердиевым, раскрыли простор для новых творческих исканий в области детской литературы. На этой подготовленной почве расцвел реалистический талант **Рашида Бека Эфендиева** (1863—1942), чьи небольшие по объему рассказы отмечены печатью подлинной детскости.

Рашид Бек Эфендиев очень хорошо знал своих маленьких героев и читателей, поскольку долгое время работал учителем. Правда, его ранние рассказы для детей «Столетний садовник», «Польза для птиц», «История, приключившаяся с детьми в лесу» и другие еще написаны под сильным влиянием лжетрадиционной восточной литературы. Художественный образ явно уступает в них назидательно-указующему перу автора. Их нехитрые сюжеты чем-то напоминают нравоучительные рассказы русского автора XIX века Б. Федорова: плохой или недостаточно воспитанный ребенок, услышав ту или иную историю, тут же исправляется.

Однако писатель быстро овладевает искусством создания психологического портрета; персонажи его рассказов обретают плоть и характер, идея как бы растворяется в художественном образе, выражается в отношениях и поступках героев, которые, в свою очередь, тесно связаны с обстоятельствами их жизни.

Для зрелого творчества Р. Б. Эфендиева характерен рассказ «Таир и Наби». Два юных персонажа показаны в становлении. Автор прослеживает, как из одного, в общем-то, «исходного материала» формируются полярно противоположные по своим человеческим качествам люди: хороший человек и плохой человек. Наби добр и отзывчив, он не выносит человеческих слез, чужая боль ощущается им, как собственная. Он помогает беднякам, потому что совесть его неспокойна, если рядом страдают другие люди. Наби честен, доверчив, горой стоит за справедливость. Напротив, Таир любит только себя. Своей выгоды он готов добиваться любыми средствами — с помощью лжи, хитрости. Он не знает жалости, милосердия, ему неведомы угрызения совести.

Это расхождение начинается с малого, с, казалось бы, пустяков. Так однажды Наби видит, что Таир с выражением боли на лице сидит у дороги. Наби сажает его на своего коня, чтобы отвезти домой. А Таиру только того и надо. Он ускакал на коне, покинув Наби одного в горах. А потом еще и посмеялся над простаком-товарищем: я, мол, специально притворился больным, чтобы заполучить коня.

Наби говорит, что он и так дал бы коня Таиру, хитрить было незачем. Больше всего его печалит не то, что Таир его обманул, а то, что своей ложью, мелкой хитростью Таир подрывает у окружающих доверие к людям и веру в добро. Именно это делает поступок Таира общественно опас-

ным. Ведь, обманывая других, Таир учит видеть хитрецов и обманщиков даже в тех, кто действительно нуждается в помощи.

Некоторые рассказы Эфендиева («Два волка и лиса», «Молла, сеид и дериш» и др.) созданы на основе или по образцу народных сказок и притч. В них прославляются ум, находчивость, товарищество и дружба, которые всегда одерживают победу над жадностью, корыстолюбием, грубой силой.

Прогресс или, точнее сказать, движение литературы определяют две составляющие: талант и время. Сколь ни значителен был вклад в азербайджанскую литературу для детей Дж. Мамедкулизаде, М. А. Сабира, А. Хагвердиева, Р. Б. Эфендиева, Н. Везирова, Ф. Кочарли и ряда других писателей конца XIX — начала XX века, приход в литературу между двумя русскими революциями 1905 и 1917 годов трех писателей — Аббаса Сиххата, Абдуллы Шаига и Сулеймана Сани Ахундова коренным образом изменил ситуацию в детской литературе Азербайджана, поднял ее на новую, современную ступень, когда она окончательно выкристаллизовалась как литература, обладающая не только своей специфической формой, но и собственным содержанием, адекватным ее задачам и назначению.

Аббас Сиххат Мехтизаде (1874—1918) родился в Шемахе. Получив там начальное образование, он уехал в Хорасан (Иран), где выучился на врача. Приглашенный к какому-то заболевшему хану, он, видимо, не особенно успешно врачевал его, за что был, по ханскому поведению, избит и изгнан за пределы Ирана. Вернувшись на родину, Аббас Сиххат преподавал азербайджанский язык, начинает пробовать свои силы в литературе.

Заметим, однако, что, подобно А. П. Чехову, которого он очень любил, Аббас Сиххат не изменил медицине до конца жизни. Уже будучи знаменитым поэтом, он бесплатно лечил всякого, кто обращался к нему за помощью или просто нуждался в ней и он об этом узнавал. Он и умер в «чеховском» возрасте — сорокачетырехлетним — во время эпидемии тифа, заразившись, как чеховский доктор Дымов, от больного.

Еще в Иране Сиххат выучил французский язык. Теперь, благодаря хорошему знанию русского и французского языков, он мог беспрепятственно пополнять свое филологическое образование, приобщаясь к творчеству русских и европейских классиков. Впоследствии он писал:

«При всем богатстве литератур европейцы тем не менее полностью перевели на свои языки знаменитых персидских и арабских поэтов. Почему же нам не перевести на свои языки произведения европейцев? Почему же нам не знать незнакомое? Эта мысль побудила меня взяться за перевод для того, чтобы ознакомить нашего читателя с произведениями писателей Запада, чтобы лучи солнца познания озарили наши чаения, погруженные во мрак».

Аббас Сиххат одним из первых начал переводить на азербайджанский язык Пушкина. До сих пор его переводы пушкинских стихотворений «Зима», «Зимняя дорога», «Казказ», «Обвал», «Утопленник», «Пророк» и поэмы «Цыгане» являются непревзойденными. В его замечательном переложении вошли в чтение азербайджанских подростков и юношей стихотворения Лермонтова «Хаджи Абрек», «Жалобы турка», «Три пальмы», «Черкесы», «Спор», «Родина», поэма «Мцыри». Из русских поэтов он перево-

дил также Некрасова, Никитина, М. Михайлова, Надсона. Перевел песню Сатина из драмы Горького «На дне», многие стихи близких ему по духу поэтов Франции В. Гюго и А. де Мюссе, австрийца Морица Гартмана, а из поэтов Германии — И.-В. Гете.

По мотивам рассказа А. П. Чехова «Хирургия» и комедии А. Н. Островского «Бедность не порок» А. Сиххат написал рассказ и драму на близком материале жизни азербайджанского мещанства и купечества.

Вступление Аббаса Сиххата в литературу совпало с революционными событиями 1905 года. Они-то и предопределили романтический пафос его книг, обращенных к детям и юношеству. Абдулла Шаиг писал, что прозрачная и ясная, как горный ручей, душа Сиххата «всегда была склонна к романтизму. Он потому самую прекрасную часть своего творчества посвятил детям, что верил в будущее, любил юное поколение»¹.

О творческой манере А. Сиххата может дать представление стихотворный рассказ «Повар и кошки». Вкратце его содержание таково. У падишаха есть повар. Он очень зол на кошек, которые воруют приготовленную им пищу. Войну повара с кошками замечают живущие по соседству обезьяны. И вожак обезьяньего стада убеждает сородичей переселиться куда-нибудь в другое место, подальше от греха. Обезьяны не согласны. Тогда вожак бросает стадо и уходит сам. А в это время повар, бросая в кошек горящими головешками, случайно поджигает ханскую конюшню. Часть коней пострадала, и шах приказал их вылечить. Но лечить ожоги надо обезьяньим жиром. Слуги хана устраивают облаву на обезьян, спасается лишь одна из них. Она-то и рассказывает о случившемся встречному путнику, а тот вспоминает к месту народную пословицу: «Кто не послушается мудрого совета, обречен плакать».

В определенном смысле стихотворение Сиххата раскрывает и иллюстрирует пословицу. Однако очевидно, что и без заключающего афоризма смысл рассказа вполне доступен юным читателям. Конечный вывод скорее дан традиции, чем художественная необходимость. Думается, что и Льву Толстому в подобных случаях (вспомним его рассказы из «Азбуки»), автору здесь важнее показать мудрость народной пословицы, чем сослаться на авторитет народной мудрости для доказательства собственной правоты.

Разговор поэта с детьми всегда конкретен, событийен, прост. И неизменно познавателен и поучителен в одно и то же время. Сухая дидактика, назойливая нравоучительность Сиххату так же ненавистны, как и детям. Когда он разговаривает с ребятами, он не отделяет себя от них. Вместе с ними с жадным любопытством и удивлением смотрит на окружающий мир. Вместе с ними играет, радуется, любит. Это слияние достигается, впрочем, не только талантом сопереживания, сочувствования, но и высочайшим мастерством, упорной работой над словом, над звукописью стихотворной строки, настойчивой учебой у народа-языкотворца и у мастеров старшего поколения.

Нельзя без улыбки, без тепло, ласкового чувства к живому читать такие, к примеру, строки:

¹ Журнал «За Родину» (на азерб. яз.), 1944, № 6, с. 57.

Мои цыплята тут как тут.
 Воды налью — бегом бегут,
 Пшеница насыплю — заснут.
 Пьют цыплята, клюют,
 И вроссыпную побегут.
 Еще без крыл мои птенцы,
 А уж какие молодцы!
 И драчуны, и храбрецы!
 Пьют цыплята, клюют
 И вроссыпную побегут...

Разговаривая с самыми маленькими детьми, поэт не боится показать своих героев терпящими неудачу, поражение, даже гибель. Жадная собака теряет кусок мяса («Собака и ее тень»), осел погибает из-за собственной глупости («Осел и лев»), теленок, не внявший совету друга, разорван волками («Два теленка»), старуха разоблачает служанок, убивших ее петуха («Старуха и ее слуги»). Однако, испытывая естественную жалость к неудачникам, жертвам собственной глупости или корысти, читатели Сиххата не впадают в уныние. Не грусть, не тоскливую безысходность вызывают стихотворные истории поэта, а чувство торжества справедливости. Стихи укрепляют уверенность ребенка в собственных силах: он знает, что, если он будет поступать правильно и разумно, с ним ничего подобного не случится.

Несомненно, на творчестве А. Сиххата благотворно сказался опыт русской детской литературы, которая еще в первой половине XIX века внимательно прислушивалась к советам В. Г. Белинского, писавшего: «Нет, моральные сентенции не только отвратительны и бесплодны сами по себе, но и портят даже прекрасные и полные жизни сочинения для детей, если вкрадываются в них! Вы рассказываете детям сказку или повесть: спрячьтесь за нее, чтоб вас было не видно, пусть все в ней говорит само за себя, непосредственным впечатлением. У вас есть нравственная мысль — прекрасно; не выговаривайте же ее детям, но дайте ее почувствовать, не делайте из нее вывода в конце вашего рассказа, но дайте им самим вывести: если рассказ им понравился или они читают его с жадностью и наслаждением — вы сделали свое дело»¹.

В начале XX века гениальные заветы русского критика оказались как нельзя более актуальными для детской литературы Востока, где назидательность, «голое» морализирование не только не отвергались, а, напротив, в течение веков считались обязательными, утверждались в практике многих поэтов как форма и жанр художественно-литературного творчества. Преодолевать эту дидактическую традицию оказалось тем более не просто, что она закаменела не только в поэзии, но и в сознании самих поэтов. Лишь таким могучим талантам, светлым умам, как М. А. Сабир, А. Шаиг, А. Сиххат, удалось под силу бороться с нею.

Прочитаем стихотворение Сиххата «Сад»:

¹ В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов о детской литературе. М., 1983, с. 97.

Зеленой, трава, зеленой.
 Пожелтей, айва, пожелтей.
 Расступись, пырей, расступись.
 Колосок, расти, поспевай.
 Голосок, лети, распевай.
 А ко мне придет скоро гость.
 Ах, какой ко мне придет гости!
 Не прохожий, не соседушка,
 А любимый старый дедушка.
 Пойдет дедушка со мной в огород,
 В огороде огуречик сорвет.
 Пойдет дедушка со мною в сад,
 Полюбуется на мой виноград.
 Он сорвет его, сорвет, пожует,
 А потом со мною так запоет:
 «Ах, какой я вкусный съел огурец,
 Ах, какой у меня внук молодец.
 Самый сладкий у него виноград,
 Самый лучший у него вырос сад.
 Внук от холода его укрывал,
 Он копал его, растил, поливал,
 А не только песни пел, распевал...»

Трудно поверить, что эти стихи написаны еще до Великого Октября, — так они современны и по строю чувств, и по своей поэтической форме. Они прекрасны в переводе, но еще мелодичнее, еще совершеннее по языку в подлиннике. Как будто поэт увидел из своего мрачного далека сегодняшний день Родины, полный света и радости, увидел своего потомка — маленького гражданина советского Азербайджана: так точно переданы в этих стихах сегодняшнее мироощущение, активный, деятельный, оптимистичный характер юного героя. Не приходится удивляться, что А. Сиххат пользуется у себя на родине славой народного поэта.

Поэт, прозаик, драматург, переводчик и педагог **Абдулла Шаиг** (1881—1959) иногда характеризуется, как «первый детский писатель Азербайджана»¹. Мы уже имели возможность убедиться, что исторически это утверждение не совсем точно. Детские писатели были в Азербайджане и до А. Шаига. Бесспорно, однако, другое: Абдулла Шаиг — крупнейший представитель дореволюционной азербайджанской детской литературы и основоположник новой, советской азербайджанской литературы для детей. Его творчество, активно заявившее о себе уже в самом начале века, без перерывов продолжалось до конца 50-х годов, вместив эпохальные для народной жизни события: революции 1905 и 1917 годов, первую мировую и Великую Отечественную войны, строительство основ социалистического общества и послевоенное восстановление.

Родился Абдулла Мустафа оглы Шаиг Талыбзаде в Тифлисе, где окончил шестилетнюю русскую школу. Школа дала ему отличное знание рус-

¹ М а м е д А р и ф Д а д а ш з а д е. Азербайджанская литература. М., 1979, с. 133.

ского языка, открыла двери в мир русской литературы. Не случайно первым творческим опытом Шаига был перевод басни И. А. Крылова «Квартет».

С 1893 по 1900 год будущий поэт живет с матерью в Хорасане, где изучает фарси, восточную поэзию и даже пишет стихи на персидском языке. Но и здесь он ни на день не расстается с привезенной из Тифлиса «Хрестоматией русской литературы»: перечитывая, заучивая наизусть помещенные в ней произведения, он пытается постигнуть секреты мастерства русских классиков и современных ему авторов, глубже понять душу великого братского народа. «Русская литература, — вспоминал Шаиг впоследствии, — в моем становлении как писателя сыграла огромную роль. В этот период меня особенно интересовали Крылов, Пушкин, Лермонтов, Кольцов, Тургенев, Толстой, Чехов, Горький, Куприн. Переводя, я многое извлек из них».

Вернувшись в возрасте девятнадцати лет в Баку, Абдулла Шаиг, по совету и с помощью друга семьи Н. Нариманова, изучает грамматику и историю родного языка и в апреле 1901 года в специальной комиссии Александрийской гимназии выдерживает экзамен на преподавателя азербайджанского языка в средних учебных заведениях.

С этого времени начинается его преподавательская деятельность. Учительский опыт и педагогические идеи А. Шаига находят свое воплощение в написанном им для учащихся начальных классов учебнике «Детские очки». В журналах и газетах «Дебистан», «Мектеб», «Ачыг сёз» («Открытое слово»), «Догру сёз» («Правдивое слово»), «Игбал» («Судьба»), «Ени игбал» («Новая судьба»), «Ниджат» («Освобождение»), «Гардаш кёмейи» («Братская помощь») и др. печатаются его стихотворения, рассказы, статьи.

В двадцатые и тридцатые годы А. Шаиг преподает в Азербайджанском государственном педагогическом институте, на рабочем факультете бакинского Университета учителей, на годичных педагогических курсах, в женском клубе им. Али Байрамова, ведет большую и разностороннюю научно-педагогическую и научно-методическую деятельность. В этот период им написаны учебники «Тюркская литература» и «Книга народного чтения».

В последние десятилетия жизни Шаиг преподавал в педагогическом училище в г. Шуше, был руководителем художественно-репертуарного отдела Театра юного зрителя.

Впоследствии Абдулла Шаиг не раз говорил, что главной его писательской школой было устное творчество азербайджанского народа.

«В первые годы моей литературной деятельности, — писал он в воспоминаниях, — одной из наиболее занимавших меня областей была детская литература. Впервые интерес к фольклору во мне пробудил еще в детские годы дядя Юсиф. Этого одинокого бедного старика, пришедшего из деревни Сарбан — центра Борчалинского уезда, мы любили, как отца, и очень уважали. В нашем доме он занимался только рынком. Каждый вечер дядя Юсиф рассказывал нам интересные сказки, задавал очень необычные загадки. Я слушал его рассказы с большой охотой. Но из-за того, что был очень маленьким, не смог выучить эти сказки как следует. Услышанные позже от моего дяди Магомеда и нашей служанки Мешади Пери сказки

еще более усилили мой интерес к фольклору. После переезда в Баку я начал более широкое изучение народной литературы, записал в одну большую тетрадь все сказки, загадки, баяты и пословицы, которые я знал. Во время летних каникул, когда приехавшие из различных уездов студенты возвращались к себе домой, я каждому из них давал тетрадь и просил записать и привезти народные сказки, пословицы и поговорки. И этим я не удовлетворился. И с целью собрать фольклор Южного Азербайджана я познакомился с несколькими амбалами (носильщиками), которые сидели под забором и грелись на солнышке. Несколько раз, попросив приготовить еды, я приводил их домой и записал все, что они рассказали, в тетрадь¹.

Народные образы, юмор, неприятие зла видим мы в ставших хрестоматийными стихотворных сказках Шанга «Лиса-паломница», «Тук-тук-ханум», «Крепкая опора», «Дедушка Тапдыг», в его драматических сценах «Чабан», «Прекрасная весна» и других произведениях. «Всякий раз, — говорит М. Рзакулизаде, — получая от этих произведений удовольствие, забавляясь ими, мы, сами того не замечая, проникались презрением ко лжи, лицемерию, алчности, глупости, жестокости, обретали такие благородные и всегда так необходимые и важные для человеческого общества высокие человеческие качества, как уважение и любовь к доброжелательности, взаимопомощи и добру».

Всего из восьми строк состоит стихотворение «Мальчик и заяц», но сколько в нем движения, энергии, жизнерадостности! Какую бурю чувств у малыша оно вызывает!

Заяц, заяц, а заяц,
Не беги, постой, заяц!
Не убегай от того, кто тебя любит,
Кто любит тебя, как собственную душу!

На этот горячий призыв, в котором нет иного желания, кроме желания дружбы и добра для другого живого существа, заяц отвечает отказом. И он по-своему, конечно, прав:

Не остановлюсь я, братец.
Ведь рядом с тобой пес Алабаш.
Я-то знаю, чего он хочет.
Не избежать мне его зубов.

С улыбкой, чуть-чуть лукавой, поэт разговаривает с самым юным читателем-слушателем о вещах серьезных и значительных: о том, что исполнение благого намерения не обязательно должно привести к доброму результату; что свои даже очень добрые порывы надо учиться оценивать с учетом всех сопутствующих обстоятельств. Иначе, желая добра, можно сделать зло.

По форме стихотворения Шанга «Мальчик и заяц», «И я тоже», «Спор горы и долины», «Спор земли и неба», «Козлик» и некоторые другие весьма близки к жанрам собственно детского фольклора считалкам, дразнилкам

¹ Абдулла Шанг. Мои воспоминания. Баку, 1961, с. 133—134.

и т. п. В них господствует стихия живого разговора, диалога, спора. В них стремительный, «моторный», игровой темп. В них душа ребенка выражает себя наиболее непосредственно и открыто.

Опирающиеся на фольклорные сюжеты стихотворные сказки Шаига отличаются завидной «детскостью», — в этом смысле они поразительно близки к сказкам К. Чуковского. Создавая знаменитую сказку «Тук-тук-ханум» («Госпожа Тараканиха»), Шаиг отталкивался от популярной в народе и весьма любимой детьми сказки «Пыспыса-ханум и Сичан-бек». Пыспыса по-азербайджански — таракан. В сказке говорится о приключениях пыспысы Дозангурды, которая решила выйти замуж и ищет себе жениха. Сюжет народной сказки развивается несколько вяло, хотя одно событие, как это и положено в сказке, следует за другим. Впечатление замедленности темпа возникает оттого, что в сказке, где вся суть — в действии, почти отсутствуют конкретные подробности и детали. Так, в ней рассказывается: «Однажды захотелось этой Пыспысе-ханум выйти замуж, она приделась-принарядилась и вышла на крыльцо своего дома».

А. Шаиг рисует эту сцену при помощи целой цепочки забавных подробностей:

С тоской таракашка
покончить решила,
Напудрилась мелом,
лицо отбелила.
И кожуцу лука
надела: шух-шух...
Скорлупку фундука
обула: тук-тук.
-Умылась росой —
ну, чем не духи?
Покрылась фатою
из шелухи.

(Пер. С. Мамедзаде)

Сцена (почти незаметная, «проходная» в фольклорной сказке) здесь оживает, играет всеми красками радуги. В ней и блеск капель росы, и шорох луковой шелухи, и стукоток ореховых скорлупок. В ней сплошное движение: напудривание, отбелка, одевание и обувание, умывание и прочая женская суета. Вся сцена пронизана юмором: мы так явственно представляем себе, с одной стороны, живого таракана, обутого в скорлупки и всячески разряженного, а с другой, юную красавицу, желающую стать еще красивее, чтобы всем понравиться. Два эти несовместимые образа сливаются в один, что, конечно, невероятно смешно.

В фольклорной сказке Дозангурду встречается последовательно с дровосеком, лодочником и, наконец, Сичан-беком. У Шаига вместо дровосека появляется пастух, а вместо лодочника — лис. Введение этих персонажей позволяет поэту усилить внутреннюю динамику и юмористическое звучание сказки.

В конце стихотворной сказки А. Шаига Дозангурду, тонущая в луже, зовет на помощь Сичан-бека. Тот протягивает ей руку, хочет вытащить, но капризная и строптивая Тук-тук-ханум становится жертвой своего характера:

— Дай мне лапки махоньки!
 — Все тебе хахоньки.
 — Дай мне лапки махоньки!
 — Все тебе хахоньки...
 — Хахоньки, хахоньки —
 По башке шараханьки! —
 Он камушком сверху
 в нее запустил,
 потом загрузил...
 и на пир припустил.

(Пер. С. Мамедзаде)

Хотя дальнейшая судьба Дозангурду неизвестна и оставляем мы ее в таком положении, когда ее жизни угрожает опасность, а Сичан-бек оказывается ненадежным другом, больше думающим о своих удовольствиях, чем о несчастной Тук-тук-ханум, конец сказки не производит грустного впечатления. Наоборот, как и вся сказка в целом, он озарен улыбкой. Герои вполне стоят друг друга: их легкомыслие, самоуверенность, эгоизм паразитичны. Они наказаны поделом и не вызывают сочувствия. И самым суровым наказанием им становится смех читателя. Смейся над Тук-тук-ханум и Сичан-беком, ребенок не желает быть похожим на них. В этом — воспитательное значение сказки Абдуллы Шаига.

Сказочные истории Шаига поучительны и для взрослых. Дети воспринимают прежде всего их нравственный смысл, взрослые видят, что писатель затрагивает и проблемы общественно-политической жизни.

В сказочной поэме «Лиса-паломница» героиня, всю жизнь воровавшая по деревням кур, берет в лапы четки, надевает на голову чалму, набрасывает на себя хламиду и во всеуслышание объявляет, что навсегда оставила преступный промысел и отправляется в паломничество к святым местам, чтобы замолить былые грехи. Обманутые лисой доверчивые куры и цыплята считают своим долгом проводить паломницу до границы пустыни. И в этом безлюдном месте лиса безнаказанно их душит.

Сказка не просто предостерегает от легковерия. Она прицельно бьет по религиозному ханжеству. В условиях тогдашнего Азербайджана она срывала маску ложной доброты и святости с паразитировавших на вере народа молл, ахундов и сеидов.

По мотивам народных сказок написана и поэма Шаига «Крепкая опора». В ней лиса с пилой приходит к дереву, на котором свил гнездо аист, и делает вид, что хочет это дерево спилить. Перепуганный аист отдает лисе пенца, чтобы спасти от гибели весь выводок. Лиса уходит, но назавтра появляется снова. Соседка-ворона все это видит и понимает, что хищница по такому способу передует по одному всех аистиных птенцов. И ворона

объясняет глупому аисту, что ему совершенно нет причин бояться лисы. В одиночку та никогда не сможет перепилить дерево, потому что за эту пилу надо держаться с двух сторон.

Можно подумать, что в названии сказки под словами «крепкая опора» подразумевается ворона. Но в сказке ничего не говорится о дружбе вороны с аистом. Давая аисту добрый совет, ворона не прилагает никаких к тому усилий, ничем не жертвует. Думается, смысл сказки в ином. «Крепкая опора» — это разум, драгоценная способность не только видеть и слышать, но связывать, сопоставлять увиденное и услышанное, запоминать прошлый опыт и применять его в новой ситуации. Ворона даже не открывает аисту ничего для него нового. Она просто обращает его внимание на то, что он видит, что ему известно. Она предлагает ему думать, прежде чем принимать решение.

Как и других азербайджанских писателей-просветителей, Абдуллу Шаига можно назвать певцом разума, знания, науки. В стихотворениях «Проснись, сынок», «В школе», «Детский сад», «Марш школьников» и др. он в новых исторических условиях — условиях советской действительности — продолжает традиции Сеида Азима Ширвани, М. А. Сабира, А. Сиххата.

Азербайджанские писатели во все времена были страстными патриотами своей родины. В творчестве Шаига патриотизм наполняется новым социалистическим содержанием, обогащается гордостью за страну, сбросившую оковы невежества и рабства, радостью за народ, навсегда избавившийся от нужды и обретший свободу, ощущением необъятности великой советской Отчизны, чувством братства населяющих ее народов.

Светлые поля,
Радости края.
Как ты хороша,
Родина моя!
Зеленеет сад,
Сердце веселя.
Не земля — а клад,
Золото — земля.
Нет земли милей,
Матери родней.
И мое гнездо
Средь твоих ветвей.

(Пер. А. Ахундовой)

Это светлое, высокое и радостное чувство Родины, наполняющее душу растущего человека интересом, сочувствием и любовью ко всему окружающему — к природе, людям, животным и растениям, ко всему, что родится и существует само по себе и что создано и творится умными и добрыми человеческими руками, — это чувство разлито во всех детских стихах А. Шаига, составляет их душу, их пафос. Примером может служить стихотворение «Пастух»:

Вот коров пасет Дадаш —
 Пастушок веселый наш.
 Рядом пестреный щенок
 Все глядит на узелок.
 В узелке несет Дадаш
 Сыр, завернутый в лаваш.
 Сдвинет на глаза папаху,
 Стукнет палкою с размаху,
 Стадо весело пасет,
 Громко песенку поет:
 — Эй, зелененький пырей,
 Подрастай-ка поскорей!
 Добрые коровушки,
 Ешьте вволю травушки,
 Приготовьте молока
 К завтраку для бабушки.

Подобных произведений не знала и не могла знать дооктябрьская азербайджанская поэзия. «Пастух» Шаига — это гимн свободному человеческому труду на свободной земле. Это — великолепно созвучное счастливому мироощущению ребенка выражение радости жизни, полное, гармоничное, ничем не омраченное.

Сколько вдохновенных строк в восточной, в том числе и в азербайджанской, поэзии было посвящено в течение веков соловьям и розам! Слова «бюль-бюль» (соловей), «гюль» (роза), «гюлистан» (цветник) стали буквально международными — столь часто встречаем мы их в газелях и касыдах Гатрана Тебризи, Хагани Гянджеви, Низами, Насими, Хагиги, Хатаи, Физули, Саят-Новы, Махджура Ширвани, Видади, Вагифа, других поэтов Востока. Но вот читаем детские стихотворения Шаига «Роза», «Фиалка», «Гвоздика», «Тюльпан», и нас, как и детей, не покидает ощущение открытия. Дело в том, что цветок перестает быть для Шаига просто поэтическим атрибутом, обязательным элементом формы или символом. Поэта интересует собственная жизнь цветка, его, если хотите, судьба.

То же можно сказать о соловье, которому поэт посвящает такие строки:

Песню, соловей мой,
 Пой,
 Пой
 Утренней порой,
 Весной,
 Ой,
 Как нам слушать хорошо
 Колокольчик — голос твой.
 Только ты рассыпал
 Трель-трель,
 Ель-ель,
 Как заслушалась тебя
 В голубой реке форель!
 (Пер. А. Ахундовой)

Абдулла Шаиг не только замечательный поэт. Он автор романов и повестей, рассказов, прозаических сказок и басен. Жизни и революционной борьбе азербайджанского рабочего класса посвящен роман Шаига «Араз». Это глубоко правдивое эпическое произведение широкого социально-исторического звучания.

Из произведений Шаига, изображающих дореволюционную жизнь рабочих, наиболее впечатляющим является рассказ «Письмо не дошло». Он повествует о трагической судьбе Гурбана-киши, приехавшего из Ирана на бакинские нефтепромыслы, чтобы заработать на хлеб для голодающей семьи. Перед мысленным взором Гурбана-киши все время стоят лица его детей. Он вспоминает, как они вышли проводить его в далекий путь, как бесконечно долго глядели ему вслед. Он мечтает на первый же заработок купить и послать им цветастые рубашки и платья. И пишет письмо, в котором говорит о своей любви к ним, о предстоящих подарках, заверяет, что у него все хорошо, что беспокоиться о нем не надо.

Тем временем хозяин промысла Хаджи Гулу требует, чтобы Гурбан-киши спустился в колодец, из которого ожидается выход нефти. За грошовую плату рабочий опускается на большую глубину, пробивается к нефтяному пласту. Наконец, сулящий прибавление богатств Хаджи Гулу нефтяной фонтан выбивает на поверхность. Но Гурбан-киши погибает, захлебнувшись в колодце нефтью.

В кармане погибшего находят письмо, которое Гурбан-киши так и не успел отправить своим детям. Хозяину, владеющему большими богатствами, но не знающему грамоты, кажется, что это просто клочок ненужной бумаги, и он выбрасывает его.

Рассказ «Письмо не дошло» — грозное обвинение не только одному конкретному персонажу, бездушному и жадному на наживу Хаджи Гулу. Это прежде всего обвинение, предъявленное всему буржуазно-капиталистическому строю, обесценивающему человеческую жизнь, бросающемуся ею с той же легкостью, с какой выбрасывают не находящую применения бумажку.

В рассказе ярко прослеживается горьковская гуманистическая традиция. «Образы рассказов Горького, — признавался Шаиг, — очень сильно занимали меня, так как с юных лет я сочувствовал бедным, обездоленным людям. Я постарался найти эти образы среди азербайджанского народа и ближе познакомился с ними». Образ Гурбана-киши — один из них. Благодаря реалистической обобщающей художественной силе, рассказ о нем по сей день входит в учебные книги для чтения школьников.

Абдулла Шаиг считал, что литература — это окно в мир. Она должна открывать перед юными читателями не только настоящее, но и прошлое народа, расширять знания растущего человека во всех сферах бытия. В прошлом многие азербайджанские племена вели полукочевой образ жизни. Зимой жили со скотом в долинах, летом поднимались со своими стадами на горные пастбища — эйлаги. О своеобразном быте кочевников-скотоводов Шаиг рассказал в повести «Кочевье».

Повесть не богата внешними событиями. В ней преобладают описания происходящих в природе изменений, подробности этнографического характера, а люди показаны в обычных житейских отношениях, в повседневности древнейшего скотоводческого труда. Простая, даже скучная в смысле

ле достатка и комфорта жизнь героев Шаига отнюдь не бедна, если говорить о ее духовной стороне. Чистые сердцем, испытывающие сильные и глубокие чувства крестьяне из повести «Кочевье» по-настоящему счастливы, если им не мешают свободно трудиться и самим пользоваться продуктами своего труда.

Дедушка Керим в светящихся лучиках глубоких морщин отразил всю незамутненность своей долгой и честной, исполненной труда и доброжелательности к людям и потому спокойно прожитой жизни. Айрым-гызы с утра до вечера в хлопотах: сбивает масло, варит сыр, доит корову. Пастух Орудж знает язык овец и собак, те и другие послушны его свирели. Разные беды поджидают их на жизненном пути. Но у каждого из них есть то главное, без чего не бывает счастья: ощущение реальности времени, полноты жизни, своей нужности в ней. Их судьбы состоялись — вот в чем суть!

Приоритет высоких духовных ценностей в жизни человека А. Шаиг утверждает и повестью «Мастер Байрам», показывая, что его герой, занятый каждодневным трудом, создающий искусно сделанные вещи и зарабатывающий на большую семью всего фунт мяса в день, все-таки гораздо счастливее шаха, проводящего дни в безделье и скуке.

Интересна повесть «Охота на крокодилов». Это название — не иносказание. Герой повести, Саид-киши, живущий с семьей на берегу Нила, и впрямь добывает насыщенный хлеб, охотясь на крокодилов. Труд его тяжел и опасен, требует ловкости, хладнокровия, мужества. Как бы между делом читатель черпает в повести немало чисто познавательных сведений о крокодиле — об их образе жизни, повадках, о том, как используют люди кожу и мясо убитых земноводных. Звучит в повести и антиколониальная тема: ведь в бедственном состоянии семьи Саида-киши повинны английские захватчики, лишившие его возможности жить на земле предков.

А. Шаиг заявил о себе и как автор талантливых басен в прозе. Персонажи его басен традиционны и для этого жанра литературы, и для народного творчества и потому легко узнаваемы. Обычно они наделены каким-то одним постоянным качеством: лиса хитра, пчела трудолюбива, бабочка легкомысленна, заяц труслив и т. п. Но, используя эти готовые клише, поэт создает оригинальные по содержанию произведения.

Петух дружит с собакой. Однажды он оказался довольно далеко от дома и столкнулся с лисой, которая намеревается его съесть. Петух обещает вознаградить лису, если она сохранит ему жизнь. Он уверяет, что окрестные земли принадлежат его деду и лиса может получить здесь хороший участок. Лиса соглашается принять дар, думая, что еще успеет съесть петуха. Петух говорит, что надо позвать инженера, который отмерит землю, и зовет собаку. Увидев такого землемера, лиса убегает, на ходу бросая петуху: «Этот серый инженер хорошо благоустроит земли твоего деда» («Лиса и Петух»).

В другой басне лиса бежит сломя голову в чащу леса, а заяц спрашивает, куда она так торопится. Лиса отвечает, что всех верблюдов отправляют в рабство. «Но ты же не верблюд!» — резонно замечает косой. Лиса на бегу отвечает: «Пока я докажу, что я не верблюд, с меня успеют снять шкуру» («Лиса и заяц»).

А. Шаиг первый в азербайджанской литературе начал писать басни

прозой. Его басни отличаются краткостью, напоминая по емкости содержания и динамике стремительно развивающегося действия-события народный анекдот. Басни Шаига не просто высмеивают различные людские пороки и недостатки. В них также проявляется философское осмысление автором некоторых комических и трагикомических аспектов человеческой жизни.

Известен А. Шаиг и как выдающийся драматург, создатель азербайджанского театра для детей. Для юных зрителей написаны им пьесы и драматические сцены «Прекрасная весна», «Пастух», «Петух-мститель», «Зашитое сердце, или Праздник жертвоприношения», «Говорящая кукла», «Студенческая жизнь», «Хасай», «Сын народа», «Фитнэ», «Чернушка». В них много юмора, комедийных положений и характеров, высмеиваются косность и невежество, прославляются дружба, согласие в труде, стремление к знанию.

Еще до Октябрьской революции написана сценка «Пастух». Ее герой Дурсун никак не может понять, почему Пери-ханум с помощью простой бумажки узнает чужие мысли и сообщает свои. Сколько ни бьет он по письму своим пастушьим посохом, он не может добиться от бумаги ни слова. Не иначе, думает он, Пери-ханум умеет колдовать. Таким наивным, но наглядным и оттого особенно убедительным способом доказывал в те годы писатель необходимость грамотности.

Просветительская тенденция сохраняется и в его позднейшей драматургии.

Выдающийся вклад Абдуллы Шаига в азербайджанскую детскую литературу, в дело образования и воспитания получил высокую оценку государства и партии. А. Шаигу было присвоено звание заслуженного деятеля искусств Азербайджанской ССР. Он был награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, нагрудным знаком «Отличник народного просвещения». Имя Абдуллы Шаига носит Республиканская детская библиотека.

Одним из основоположников азербайджанской профессиональной литературы для детей следует по праву назвать **Сулеймана Сани Ахундова** (1875—1939). Он родился в городе Шуше, окончил Горийскую учительскую семинарию, долгие годы был учителем. Воспитанный русской и европейской литературой XIX века, С. С. Ахундов соединил в своем творчестве Восток и Запад, придал азербайджанской прозе для детей недостававшие ей психологическую глубину и лаконизм.

Юные читатели сразу полюбили рассказы Ахундова, безошибочно выделив их из потока прозы, наполнявшей страницы журналов «Мектеб», «Дебистан» и «Рехбер».

Вершина творчества С. С. Ахундова — цикл «Страшные сказки», куда вошли четыре рассказа: «Чернушка», «Ахмед и Малейка», «Аббас и Зейнаб» и «Нураддин». Они написаны в форме народных сказок. В центре повествования — трагическая судьба детей бедных родителей в феодально-капиталистическом обществе неравных прав и возможностей.

Рассказ «Чернушка» назван по имени его героини, точнее, по ее прозвищу. Это маленькая девочка, сирота, смелая и независимая по характеру. Ее сердце исполнено доверия к жизни, жажды любить, дружить, быть нужной людям.

Жизнь сводит Чернушку с дочкой богача Гусейнгулу-аги — ее ровесницей Агджан. «Аг» — по-азербайджански белый. Имя Агджан имеет, стало быть, противительное значение: Чернушке с ее исполненной лишений жизнью противопоставляется девочка Белянка, Беляночка, у которой дом ломится от роскоши, а детская комната — от игрушек.

Но различие между девочками не в одном лишь достатке. Чернушка — вольная птица, она свободно растет в единстве с природой, она вольна в большинстве своих желаний. Тогда как к Агджан приставлено немало нянек и слуг, чтобы не только удовлетворять малейшую ее прихоть, но и бдительно следить, как бы девочка не нарушила строгие рамки, предписанные традиционным мусульманским воспитанием.

Конечно же, Беляночка чувствует себя очень несчастной в своей золотой клетке и завидует Чернушке, ее свободе, ее прекрасной дружбе с верным и бесстрашным псом по кличке Черный. Агджан несчастна потому, что детский мир ее ценностей и представление о хорошей жизни у ее родителей — Гусейнгулу-аги и Периджан — не совпадают. Девочку не прельщают богатства отца, пиры и развлечения многочисленных гостей. Зато постоянная опека, бесконечные запреты и одергивания, назойливые поучения, а главное, полное отлучение от какой-либо самостоятельности в поступках изо дня в день ведут в душе ребенка разрушительную работу, постепенно превращают исполненного жизни, стремящегося играть, действовать, познавать и осваивать мир маленького человека в унылый и бедный манекен.

Эта куклолка с восковым личиком, стоящая у ограды роскошного сада, не замечает подползающей змеи, а заметив, не понимает грозящей опасности, не знает, что надо делать. И змея жалит ее. Несмотря на мольбы Периджан, никто из слуг не осмеливается отсосать яд из ранки. И только Чернушка, не задумываясь о последствиях, бросается спасать подружку, доброе расположение и интерес которой бедная сирота оценила как самый высокий дар в своей короткой жизни. Агджан спасена. Но до Чернушки уже никому нет дела, и она погибает от яда, попавшего с кровью Агджан в ее кровь.

Знала ли Чернушка, что совершает подвиг, который, как оказалось, далеко не всякому взрослому под силу? Думала ли о себе, самоотверженно борясь за жизнь Агджан? Всем ходом рассказа автор убеждает, что Чернушка просто не могла поступить иначе. Ведь у нее всегда перед глазами, а точнее, в сердце, был пример цыганки Ясямян, которая подобрала осиротевшую Чернушку и, несмотря на протесты и ругань своего мужа Юсифа, растила ее, как родную дочь. А когда Чернушка попала в поток горной реки и начала тонуть, Ясямян кинулась в стремительные и злые волны, спасла девочку, но сама ударилась о камни и, спустя день, умерла.

По поведению Ясямян Чернушка знала, что человек не может оставить в беде другого человека. Она знала: если кто-то нуждается в спасении, надо действовать срочно и не раздумывая, не теряя драгоценного времени. Для нее это такой же нравственный закон, как для тех, кто населяет огромный дом Гусейнгулу-аги и Периджан, незывлемым принципом становится во всех случаях жизни забота прежде всего о сохранности собственной шкуры.

Рассказ Ахундова не утешает, но и не разочаровывает читателя. С точ-

ки зрения житейской справедливость в нем не торжествует. Напротив, хорошая, добрая девочка, совершив добрый поступок, наказана неблагодарностью и смертью. А та, которую она спасла ценой собственной жизни, скорее всего, вырастет такой же пустой, злой и никчемной, как ее родители. Но не о таком примитивном понимании торжества добра идет речь в рассказе.

Если бы добро распространяло свою силу только на достойных, оно было бы наградой и... перестало быть добром. Ибо добро по расчету — не добро. Подвиги не совершаются во имя избранных. Своими самоотверженными поступками Ясямян и Чернушка утверждают неизмеримо большее, чем спасение отдельного конкретного человека. Они утверждают веру людей в то, что Добро, Человечность, Самоотверженность — не пустые слова, что все это объективно существует и будет всегда, потому что сохраняет свою преемственность. Без этой веры, без этой преемственности люди просто не могли бы жить, прогресс остановился бы, общество распалось.

Сходные мысли развивает и рассказ «Ахмед и Малейка». Он назван по имени двух детей из бедной семьи, чей отец уехал на заработки в далекий город и там умер. Ахмед и Малейка голодают, у их матери Хадиджи нет ни гроша, чтобы накормить детей, и она рассказывает им об ангелах, которые непременно о них позаботятся.

Случайно разговоры Хадиджи с детьми слышит путешественник Джамаладдин. Он берет на себя роль доброго ангела: потихоньку, чтобы никто не видел, опускает в трубу дома Хадиджи деньги и еду.

Рассказ написан в дореволюционное время, и тогдашние читатели, естественно, воспринимали его как пропаганду благотворительности — призыв к состоятельным и богатым помогать беднякам. Идея рассказа, однако, шире. Она не утратила актуальности и в наши дни. Идея эта в том, что истинное добро не нуждается в афишировании и в какой-либо внешней конкретной награде, ибо по сути своей бескорыстно.

Третий рассказ цикла также назван по имени его персонажей-детей — «Аббас и Зейнаб». Юные герои рассказа — невинные жертвы общества, в котором царят насилие и дикость. Крестьянин Сафа становится разбойником, потому что деревенские жители жестоко и несправедливо расправились с его братом. Поклявшись отомстить за смерть брата, он без разбора убивает любого из жителей деревни. Он не щадит никого и зверски расправляется с маленькими Аббасом и Зейнаб, которые отправились в лес за дровами.

Зло заразительно и слепо, говорит автор этим рассказом. Жестокость порождает жестокость, а несправедливость — еще большую несправедливость. Опровергая догмы шариата, С. С. Ахундов показывает на трагедии Аббаса и Зейнаб, что человек не имеет морального права на месть и самосуд, что мстительная злоба — одно из самых отвратительных чувств, низводящих человека на уровень зверя.

Подросток Нураддин, герой одноименного рассказа, терпит от своей мачехи Гюльперы всяческие унижения и обиды. Гюльперы прибегает ко многим коварным уловкам и хитростям, чтобы сжить со света ненавистного пасынка. В конце концов Нураддин бежит из отчего дома, скитается среди чужих людей, сам устраивает свою судьбу.

Проходят годы, Гюльпери вдовее и, разорившись, оказывается на улице. Грязной нищенкой, униженно просящей подаяние, попадает она на глаза Нураддину. Тот узнает ее, приводит в дом, делится всем своим достатком, обращается с ней, будто с родной матерью.

И в этом рассказе С. С. Ахундов верен своим гуманистическим идеям. По мысли писателя, зло только тогда будет пресечено и постепенно исчезнет с лица земли, когда люди, подобно Чернушке, Джамаладдину или Нураддину, разорвут порочный круг расплаты за зло злом, когда они собственным великодушием и добротой прервут, наконец, бесконечную цепь преступлений против человечности.

Рассказы С. С. Ахундова, объединенные в цикле «Воспоминания из моего детства», в какой-то мере отразили влияние повести А. Шаига «Кочевье». Они также перекликаются с рассказами о природе и животных Э. Сетон-Томпсона и М. Пришвина. Это — маленькие новеллы, отразившие конкретные наблюдения писателя за различными домашними животными и живущими рядом с человеком птицами: синицами, соколами и др. Как всякое подлинно художественное произведение, эти рассказы не просто несут информацию из жизни природы — они воспитывают любовь к живому, формируют гуманистические чувства растущего человека.

Литературное наследие С. С. Ахундова не утратило с годами своей ценности. Повести и рассказы писателя и сегодня пользуются любовью юных читателей, оказывают влияние на литературный процесс.

Особо следует сказать о зарождении и первых шагах современной азербайджанской драматургии для детей. Ее самые начальные истоки следует искать в небольших народных произведениях, содержание которых не ограничивалось изустной передачей, а разыгрывалось исполнителем при помощи мимики, движений пальцев рук, подражания голосам различных персонажей. Подобной «театрализации» обычно подвергались короткие по содержанию, отличающиеся динамичным и занимательным сюжетом дастаны и сказки.

Так театровед Али Султанлы писал, что «сказка «Тук-тук-ханум и Сичан Солубек» всегда инсценировалась бабушками. Произносив слова Тук-тук-ханум с кокетством, присущим жеманным женщинам, а ответы Сичан Солубека с достоинством, свойственным мужчинам, изменяя соответственно свои голоса, они исполняли эту маленькую интересную сказку, как игровую сцену»¹.

Однако, несмотря на эту прекрасную традицию, профессиональный театр в его современных формах возник в Азербайджане много позже, чем в странах Европы, — лишь в середине XIX века. Мы уже говорили об основополагающей роли в создании азербайджанского национального театра М. Ф. Ахундова. Его комедии «Хаджи Гара», «Приключения визиря хана Ленкоранского», «Молла Ибрагимхалил-химик» и др., хотя и не предназначались специально для детской или юношеской аудитории, всегда вызвали интерес последней и по сей день входят в репертуар детских театров и ТЮЗов. Однако вопрос о создании специфически детской и юношеской драматургии на азербайджанском языке долгое время оставался от-

¹ Али Султанлы. Из истории развития азербайджанской драматургии. Баку, 1964, с. 24—25.

крытым. Первый шаг в его разрешении был сделан лишь в 1875 году, когда появилась одноактная «Сцена семейного воспитания», написанная совсем юным в ту пору учеником М. Ф. Ахундова, наиболее талантливым продолжателем его традиций **Наджафбеком Везировым** (1854—1926).

Еще в отроческие годы Везиров увлекся театром, гимназистом играл в пьесе Ахундова «Хаджи Гара». И хотя впоследствии окончил Петровско-Разумовскую сельскохозяйственную академию в Москве, театр стал главным его увлечением на всю жизнь. В московский период своей жизни Везиров участвовал в студенческом движении, сблизился с В. Г. Короленко. Верность демократическим убеждениям юности он сохранил навсегда, воплотив их в своем творчестве.

«Сцена семейного воспитания» не вполне отвечает современным требованиям, предъявляемым к драматургии для детей. Но в ней впервые в числе главных действующих лиц выведены дети, впервые в азербайджанском театре драматург ставит во главу угла проблему взаимоотношения поколений, проблему «отцов» и «детей».

Уже в этой ранней своей работе молодой драматург обнаруживает социальный, классовый подход к теме. Он резко критикует всю систему воспитания, укоренившуюся в азербайджанских помещичьих семьях, видя в ее реакционности, неэффективности и классовой ограниченности одну из причин духовного застоя и морального упадка общества.

В центре «Сцены семейного воспитания» — помещик Байрамалибек и его сыновья Сафдаргулу и Расул. Это — подлинные представители своей среды, привыкшие к роскоши и безделью, эгоистичные, самоуверенные, упрямые. Основной конфликт между ними в том, что отец настаивает на учебе сыновей, а те никак не желают учиться. Их патологическая лень усугубляется неуважением к отцу, хамством и грубостью.

И Байрамалибеку, и старшему его отпрыску Сафдаргуле, да и Расулу, конечно, больше всего не хотелось бы, чтобы после смерти главы семьи нажитое богатство прикарманил более расторопный родственник. У каждого из них хватает ума понять, что времена изменились. Образованность перестала быть редким исключением, и теперь только интуицией да хитростью конкурентов не обойдешь. Так что чисто практическое значение просвещения все они более или менее сознают.

Но именно потому, что в образовании они видят лишь путь к сохранению богатства семьи, каждому из них хотелось бы, чтобы горький корень учения разжевывал кто-то другой. Из-за того и вечный конфликт, что все трое равно бездуховны, что ни один из участников конфликта не принимает учение как духовную потребность, которую нормальный человек удовлетворяет всю жизнь и в удовлетворении которой, собственно, и проявляется одна из главнейших сторон человеческой сущности.

Особая роль в формировании азербайджанской драматургии для детей принадлежит Абдулле Шаигу. В 1910 году он пишет пьесе «Прекрасная весна» — красочную, почти карнавальную аллерию, наполненную, как спелый плод соком, народными песнями и детским фольклором. Среди действующих лиц — Зима, Солнце, Буря, Земля, Ветер, Облако, дети. И конечно, Весна.

В первом из трех актов пьесы главенствует Зима. Она еще полна сил и уверенности, мечтает о том, что застудит, заморозит бедняков, не имею-

щих достаточно тепла в своих жилищах. Но в душе она испытывает смутное беспокойство: ведь она знает, что есть в природе Солнце и лучи его горячи и неотвратимы.

Чем настойчивее слухи о приходе Весны, тем страх Зимы сильнее. Буря, Ветер, Облако утешают и подбадривают свою владычицу. Но письмо от Весны, принесенное Ласточкой, окончательно портит у Зимы настроение. И хотя она бьет себя в грудь со словами: «Что может сделать соколу даже стая ворон?!» — она сама не вполне убеждена, что победит в предстоящем бою.

И вот начинается битва. Солнце разгоняет войско Зимы. За сценой звучит веселая и торжественная песня, славящая приход Весны. Зима готовится бежать в горы, но все-таки делает последнюю отчаянную попытку удержать власть. Она собирает разбитое войско и снова бросает его в сражение. Темные облака закрывают солнце. Опять воет ветер. Но Весна своей нежной светлой улыбкой лишает Ветер, Буря и Облако силы.

Второй акт начинается песней, приветствующей царство Весны. Стихии природы — Ветер и Облако — переходят на сторону новой повелительницы, веря, что Весна не только сильнее, но и справедливее их прежней хозяйки. Ласточка и Соловей, Журавль и Фазан, Турач и Павлин поют радостные песни.

В третьем акте на сцене появляется сама Весна. Она одета в атласную мантию цвета пламени, на голове венец из цветов, во лбу сияет звезда. За нею — в виде группы мальчиков и девочек — шествует свита, олицетворяющая силы природы: Землю, Солнце, Воду, Облако, Ветер. Все они останавливаются посреди сцены, изображающей цветущий луг. Над ними сияет радуга. Луг окружен лесом.

Начинается митинг, который открывает первая вестница Весны Ласточка. Затем Соловей, Солнце, Ветер, Земля, Вода, каждый по-своему, говорят о том, что Весна — спасительница, пришедшая на помощь природе, и о том, что может сделать для людей каждый из них благодаря приходу Весны.

Впервые пьеса «Прекрасная весна» была поставлена в 1913 году на сцене Бакинского реального училища. Хотя в ней ни слова не было о политике и вообще отсутствовали какие-либо приметы текущей действительности, зрители хорошо понимали, что под Весной и Зимой автор имел в виду тогдашнюю расстановку классовых сил. «Ты почему позволяешь играть пьесы, написанные в столь революционном духе?» — выговаривал директор Второй бакинской гимназии директору реального училища. В то же время прогрессивная критика и общественность дали произведению А. Шаига высокую оценку. Ф. Кочарли, отмечая большие художественные достоинства пьесы, писал, что из нее может получиться превосходная оперетта.

В том же году, когда «Прекрасная весна» впервые увидела свет лампы, А. Шаиг закончил три одноактные пьесы: «Зашитое сердце, или Праздник жертвоприношения», «Говорящая кукла» и «Пастух». В год празднования трехсотлетия царствующего дома Романовых, в канун первой мировой войны писатель одной из национальных окраин России вновь поднимал вопрос о несправедливости социального неравенства, гневно осуждал любой деспотизм, унижение человеческого достоинства.

В «Защитом сердце» мелкий служащий Керим вынужден нести на базар для продажи палас — последнее достояние многочисленной бедствующей семьи. Но и на эту вещь он не находит покупателя. А в «Говорящей кукле» девочку Инджи, дочку бедной вдовы, нанимают вместо куклы к скукающей дочери падишаха Шахзаде-ханум, которой эта забава вскоре надоедает, отчего говорящую, но безответную «куклу» выгоняют из богатого дома.

Годом раньше Аббасом Сиххатом была написана детская драма «Плоды невежества, или Счастье сироты». Основная коллизия пьесы отражает столкновение учителя Фаига-эфенди и отца его любимого ученика Асада — неграмотного, темного Дадаш-киши. Школа, где преподает Фаиг-эфенди, получает право послать одного учащегося в Горийскую учительскую семинарию. Это — великое благо для избранника. Мы уже касались той выдающейся роли, которую играла учительская семинария в Гори в подготовке патриотически настроенной, прогрессивно мыслящей азербайджанской интеллигенции конца прошлого — начала нынешнего века. Обращая внимание на то, что драматург ведет речь о возможности для юного героя учиться не в Стамбуле, Тегеране или Тебризе, а именно в Гори, критик К. Галыбадзе напоминал, что из этой семинарии вышли Дж. Мамедкулизаде, У. Гаджибеков, Н. Нариманов, С. С. Ахундов, М. Магомаев, М. Махмудбеков и другие передовые деятели азербайджанской культуры, и, стало быть, выбор А. Сиххата отнюдь не был случайным.

Фаиг-эфенди мечтает послать в Горийскую семинарию Асада — самого способного и знающего. Но Дадаш-киши даже мысль о возможности отъезда сына в другой город воспринимает как убийственную для себя. «Молла-джан, дай я поцелую твои руки-ноги. Во имя аллаха, избавь меня от этой сжигающей напасти — не отправляй ребенка в горы-ущелья. Богом прошу, пожалей меня!»

Никакие уговоры со стороны Фаига-эфенди не помогают. Любые доводы учителя разбиваются о беспробудно спящее сознание Дадаш-киши, словно волна о бетонный мол. Вот отрывок из их диалога, — такой «разговор глухонемых» мог бы продолжаться вечно, не приводя ни к какому результату:

«Фа и г - э ф е н д и: Брат, у меня нет времени ссориться. Разговаривать с тобой — только убивать время.

Да да ш: Как? Ты хочешь убить меня? Ты, что ли, хозяин страны? Силой не отберут, а добром я своего сына не отдам.

Фа и г - э ф е н д и: Брат, иди по своим делам. У меня нет времени спорить с тобой.

Да да ш: Да, когда три-четыре раза в год ты заставляешь детей зубрить по несколько листов азбуки, тогда у тебя время есть!»

В конце концов учитель вынужден направить в Гори взамен Асада сироту Садаю. Он не такой способный, как Асад. Но у него нет никого, кто бы мог предъявить на него такие же деспотические права, какие предъявляет на своего сына Дадаш-киши. Здесь вполне уместна русская поговорка: «Не было счастья, да несчастье помогло». Для Садаю в данном случае его

беда — сиротство — оказывается счастьем. Отсюда и второе название пьесы — «Счастье сироты».

Заметное место в дореволюционной азербайджанской драматургии заняла пьеса Рашид Бека Эфендиева «Кровавый очаг». Она рассказывает о судьбе двух братьев — младшего Муртуза и старшего Керима. Керим — бандит, он убивает человека. Но мать и отец не только не ужасаются своим первенцем и не осуждают его, но, напротив, гордятся им.

Мать убеждена, что Керим — человек чести. Отец лживо клянется на Коране, что сын не мог совершить преступления. Они все делают ради того, чтобы спасти Керима от справедливого возмездия. И Муртуз, с младенчества видя отношение родителей к Кериму, старается брать пример со старшего брата. Он ворует у соседа цыплят и кур, зная, что это встретит одобрение старших в семье. И не ошибается в своих предположениях. Мать гордится Муртузом, считает, что и ее младший сын стоит на верном пути.

Разоблачая страшный вред для всего дела народного освобождения, происходящий от дикости, духовной темноты и низкого нравственного уровня отдельных слоев и групп, детские драматурги Азербайджана не забывали, однако, поддерживать в молодежи традиционное уважение к родителям и старикам. Ясное сознание недостатков и пороков «отцов», резкая критика в их адрес и горячее стремление строить жизнь на иных, более разумных и гуманных началах не должны были нарушать эту традицию, имевшую трудовое, народное происхождение.

Пьесы, о которых шла речь выше, наряду с драматическими произведениями, авторами которых были педагоги, журналисты, актеры, внесли большой вклад в воспитание молодого поколения азербайджанцев — будущих участников революции и гражданской войны, строителей и защитников Советской власти в своей республике. Лучшие из этих пьес и ныне составляют существенную часть репертуара детских, кукольных театров и театров юного зрителя республики.

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

(Азербайджанская детская литература 30—50-х годов)

Поворотной вехой в тысячелетней истории азербайджанского народа, в росте его самосознания, его материальной и духовной культуры стал весенний день 28 апреля 1920 года, когда в Баку, а вслед за тем и во всей республике окончательно и навсегда утвердилась Советская власть.

«...Пламя идей Октября, зажженное великим Лениным, созданной им партией большевиков, — говорит член Политбюро ЦК КПСС Г. А. Алиев, — проникло во все уголки нашей необъятной страны, подняло и привело к новой, социалистической жизни все народы Советского Союза. Великий Октябрь стер с лица земли «тюрьму народов» — царскую империю — и воплотил в реальность мечту лучших сынов многонациональной России о том светлом дне, когда, по пророчеству А. С. Пушкина, «народы, распри позабыв, в единую семью соединятся»¹.

Дружными усилиями братских народов, их освобожденной и тем самым удешевленной энергией время было сдвинуто с его медлительной орбиты и получило поистине космическое ускорение. За немногие десятилетия Азербайджан прошел путь, равный исторической эпохе, совершив скачок от средневековой нищеты, отсталости и социального бесправия к вершинам современного прогресса во всех сферах общественного бытия. В этом стремительном движении вперед и ввесь колоссальную роль сыграл тот факт, что подлинные ценности демократической национальной культуры, создававшиеся в условиях безраздельного господства тирании, ортодоксального ислама и религиозного фанатизма гениальными выразителями прогрессивных, гуманистических идеалов трудящихся масс — неизвестными творцами эпоса, поэтами, учеными и мыслителями XII—XIX веков: Хагани, Низами, Насими, Физули, Вагифом, М. Ф. Ахундовым, Сабиром и другими, — что эти ценности впервые в истории сделались действительным достоянием всего народа, вчера еще забитого, угнетенного, безграмотного, и стали плодотворной почвой для строительства новой, социалистической культуры.

Тенденция к взаимным связям, взаимообогащению и сближению национальных культур существовала всегда. Достаточно вспомнить о «бродячих» сюжетах фольклора и литературы, о том, что с момента появления письменности, а затем и книгопечатания перевод и распространение иноязычных литературных и научных произведений были вернейшим показателем духовного здоровья и жизнеспособности любой нации.

А. В. Луначарский писал: «Человечество идет неудержимо по пути к интернационализации культуры. Национальная основа, разумеется,

¹ Содружество литературы и труда. Материалы всесоюзных творческих конференций писателей и критиков 1978—1980 гг. М., 1981, с. 387.

останется, останется надолго, может быть, навсегда, но интернационализм и не предполагается ведь уничтожения национальных мотивов в общечеловеческой симфонии, а лишь их богатую и свободную гармонизацию»¹.

Однако в классовом обществе, в классовых государствах эта прогрессивная тенденция неизбежно заглошала, притуплялась изоляционистскими, центробежными силами, противопоставлявшими один народ другому и одну культуру — другой.

Только социализм, написавший на своем знамени принцип пролетарского интернационализма как важнейшее и необходимейшее условие подлинного освобождения трудящихся от всей скверны старого мира, открыл действительный простор для интеграции всех проявлений и сторон отдельных национальных культур на основе идейного и мировоззренческого единения. Последовательное осуществление Коммунистической партией ленинской национальной политики привело к образованию качественно новых форм общественного сознания — национальных по форме и социалистических по содержанию, к полному и окончательному преодолению былого духовного отчуждения и разобщенности наций и народов Советской страны, к утверждению необратимого, неразрывного взаимопроникновения братских культур в качестве наиболее могущественного стимула их роста и прогресса.

«Азербайджанская советская литература, — писал Г. А. Алиев, — с самого начала своего возникновения развивалась на основе социалистического реализма, утверждалась как составная часть единой и многонациональной литературы Советской страны»². На всех этапах социалистического и коммунистического строительства, в годы мирного труда и в военное лихолетье, «во дни торжеств и бед народных» она активно участвовала в развитии и укреплении дружбы народов СССР, внося свой немалый вклад в осуществление великой гражданской миссии многонациональной советской литературы.

Уже в 20-х годах происходит объединение прогрессивных, демократически настроенных азербайджанских писателей в кружки и группы, поддерживающие идейную платформу Советской власти. После опубликования резолюции ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 г. «О политике партии в области художественной литературы» в республике развернула работу организация молодых писателей «Кызыл калямляр иттифагы» («Союз красных перьев»). Спустя два года она была реорганизована в АзАПП — Азербайджанскую ассоциацию пролетарских писателей. В начале 1928 г. пролетарские писатели республики провели свой первый съезд.

Съезд подчеркнул верность азербайджанских пролетарских писателей интернационалистическим традициям бакинского рабочего класса, легендарных 26 бакинских комиссаров, трудящихся Азербайджана — традициям, рожденным в битвах революции и гражданской войны, в борьбе за утверждение Советской власти и в первые годы социалистического строительства. Съезд отметил также плодотворность для развития национальной социалистической литературы опоры на фольклорное и классическое литературное наследие — азербайджанское и мировое.

¹ Цит. по кн.: Содружество литературы и труда... М., 1981, с. 395.

² Содружество литературы и труда... М., 1981, с. 398.

Трудно переоценить роль, которую сыграла в развитии и становлении социалистической азербайджанской литературы литература братского русского народа. «Русская литература, — отмечает Г. А. Алиев, — богатейшая сокровищница духовных, эстетических, идейно-нравственных ценностей, вершина творческого гения русского народа. Она щедро сеяла семена дружбы и братства, благотворно влияла на становление национальных литератур многих народов, стимулируя их духовное пробуждение. Историческая заслуга русской литературы в том, что она всегда выступала на стороне угнетенных и обездоленных, униженных и оскорбленных, мужественно защищала бесправные народы, поднимала их на освободительную борьбу, вовлекая в общероссийское революционное движение. Она, как полноводная река народной жизни, отразила все этапы ее истории, донесла до современников передовую общественно-философскую мысль эпохи, высокие гуманистические идеалы дружбы и братства народов. И лучшие представители национальных литератур черпали и черпают из родника русской культуры вдохновение, мастерство, художественно-эстетические и нравственные принципы. Бурно развиваясь сама, русская советская литература — ведущая сила нашей единой многонациональной литературы — и сегодня оказывает могучее и благотворное воздействие на дальнейший расцвет литератур всех народов нашей страны»¹.

Еще в прошлом веке русская литература помогла становлению многих жанров и форм азербайджанской литературы. Могучее влияние И. Крылова, А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, Л. Толстого, А. Чехова, М. Горького в разное время испытали Аббас Кули-ага Бакиханов и Исмаил-бек Куткашенский, Сеид Азим Ширвани и Мирза Фатали Ахундов, Наджаф-бек Везиров и Аббас Сиххат Мехтизаде. Это одинаково коснулось как общей, так и детской литературы. «Если в начале создавались только рассказы в стихах, басни, стихи поучительного характера, — писали Р. Тагиев и А. Мамедов, — то теперь (к началу XX в. — З. Х.) появились лирические стихи, пьесы и в особенности художественная проза для детей»².

Взаимодействие культур никогда не бывает односторонним. Как справедливо напоминает Анар, «азербайджанский фольклор дал ряд интересных тем и мотивов творчеству Пушкина и Глинки, Лермонтова и Льва Толстого, Верещагина и Балакирева»³. Достаточно назвать ставшую популярной детской книгой сказку М. Ю. Лермонтова «Ашик-Кериб», написанную по мотивам известной азербайджанской легенды об ашуге Гарибе.

Традиции культурного взаимопроникновения, обмена и обогащения в годы Советской власти многократно усилились, превратились в устойчивую и систематически нарастающую тенденцию. В 1924—1925 гг. в Баку жил и работал С. Есенин. В 1928 г. в столице Советского Азербайджана побывал М. Горький. В те же годы здесь неоднократно бывал В. Маяковский. Встречи с этими великими художниками слова стали незабываемой школой для азербайджанских писателей. «Стихи Маяковского были для

¹ Содружество литературы и труда... М., 1981, с. 393.

² «Детская литература», 1972, № 6, с. 12.

³ Содружество литературы и труда... М., 1981, с. 453.

нас практическим курсом социалистической эстетики»¹, — писал впоследствии Самед Вургун.

В то же время, замечает Анар, «в Баку был написан один из самых душевных циклов Есенина («Персидские мотивы». — З. Х.), несущий на себе заметный отпечаток восточной поэтики. Илья Сельвинский создал трагедию в стихах «Орла на плече носящий», посвященную героическому сыну Азербайджана — вождю народного восстания Бабеку. Примечательно, что здесь Сельвинский творчески использует формы, характерные для азербайджанской поэзии, органически сочетая их с поэзией русской»². Близкое знакомство с Азербайджаном, его древней культурой и революционной новью обогатило творчество Маяковского, Горького, Тихонова, Луговского, других русских писателей.

Несмотря на то, что азербайджанская поэзия имела богатую, многовековую историю, ее традиционные формы оказались бессильными, недостаточными, чтобы адекватно выразить новое жизненное содержание. Близкое взаимодействие с русской поэзией помогло певцам Советского Азербайджана изживать наиболее типичные для тех лет недостатки стиха: прямолинейность, схематизм, наивный пафос, риторичку, декларативность. Но главным образом благотворное воздействие русской советской литературы на молодую советскую литературу Азербайджана сказалось в уроках большой прозы. Поистине неоценимым стал опыт Горького и Алексея Толстого, Шолохова и Фадеева.

Развиваясь как органическая часть общей литературы, азербайджанская литература для детей и юношества проходила вместе с нею тот же путь ученичества. Приумножая плодотворные традиции народного творчества и национальной культуры прошлого, она овладевала новыми темами и жанрами, поднималась по ступеням идейной зрелости и художественного мастерства благодаря освоению опыта основоположников и первопроходцев русской советской детской литературы — Горького и Маяковского, Чуковского и Маршака, Барто и Михалкова, Житкова и Бианки, Гайдара и Кассиля, Ильина и Пантелеева.

В результате плодотворного творческого взаимодействия, как отмечают литературоведы Я. Караев и А. Мамедов, азербайджанская детская литература обрела новое качество: «Ушел в прошлое типичный для вчерашней литературы персонаж — неграмотный, бедный, лишенный счастливого детства ребенок-сирота. В произведениях детских азербайджанских писателей стали входить приметы сегодняшнего быта, присущие нашему советскому образу жизни: детский сад и школа, дела пионеров и комсомольцев; темы, связанные с жизнью и личностью В. И. Ленина, Великим Октябрем, дружбой народов, интернационализмом»³.

Детская и юношеская литература перестала быть частной заботой отдельных писателей. Она сделалась предметом подлинно государственного внимания. Выполняя решения партии и правительства, государственные

¹ Мамед Ариф Дадаш-заде. Азербайджанская литература. М., 1979, с. 153.

² Содружество литературы и труда... М., 1981, с. 453.

³ Яшар Караев, Афлатун Мамедов. «Чтоб чувство дружбы бесконечно зрело...» — «Детская литература», 1982, № 4, с. 11.

издательства наращивают выпуск детских книг. Начинает выходить на азербайджанском языке журнал «Пионери». Вопросы развития детской литературы в республике освещаются в статьях поэтов и прозаиков С. Вургуня и Р. Рзы, Дж. Джабарлы и М. Рзакулизаде, А. Шанга и М. Гусейна.

В 20—30-е годы, пожалуй, не было в Азербайджане писателя, который не принял бы участия в создании произведений для детей и юношества. В предыдущей главе мы говорили о том выдающемся вкладе, какой внесли в азербайджанскую советскую детскую литературу А. Шанг, Дж. Мамедкулизаде, А. Хагвердиев, С. С. Ахундов, Р. Б. Эфендиев, Н. Везиров. Их деятельность в этом направлении была подхвачена и продолжена писателями более молодого поколения — Дж. Джабарлы, С. Вургунюм, М. Мушфигом, М. Рзакулизаде, М. Сендзаде, М. Гусейном, С. Рустамом, М. Джалалом, Р. Рзой, М. Ибрагимовым, Мирварид Дильбази и некоторыми другими.

Джафар Джабарлы (1899—1934) дебютировал в литературе в ту смутную пору, когда власть в Азербайджане временно захватило буржуазно-националистическое правительство мусаватистов. В стихах молодого поэта «На закате сирота...», «Подарок справляющим праздник новруза», в его пьесах «Увядающие цветы», «Насреддин-шах», «Айдын» в духе критического реализма отображались социальные противоречия феодально-капиталистического общества, звучал гневный протест против неравенства и несправедливости.

Тема детства появляется еще в раннем творчестве Д. Джабарлы. Так, в рассказе «Диляра» он рисует рабочего Бяшира-киши, который мечтает о светлом, радостном детстве для своей дочки, хочет видеть ее в будущем образованной, обеспеченной и счастливой. Отказывая себе во всем, залезая в долги, он покупает маленькой Диляре хорошую одежду и обувь, чтобы она могла ходить в школу. Но по дороге в школу, куда Бяшир-киши впервые в жизни ведет дочку, случается несчастье. Бяшир падает в яму и ломает себе ноги. Теперь он долго не сможет работать, выплачивать долги. А значит, об учебе дочки мечтать больше не приходится. Первый шаг в направлении иной, лучшей жизни оказался последним. Диляре предстоит такая же невеселая судьба, как и ее отцу.

В этом рассказе писателю удалось отобразить многое из того, что мы называем правдой жизни. Однако концовка рассказа существенно ослабляет накал содержащейся в нем социальной критики. Ведь падение Бяшира-киши в яму — чистая случайность. И может создаться впечатление, будто бы именно случайность помешала бедняку-рабочему осуществить его мечту. В то же время из рассказа можно сделать вывод прямо противоположный (именно к нему и подводит читателя вся система художественных образов произведения) — о том, что мечта Бяшира-киши недостижима в любом случае: сколько бы он ни старался, ему ни за что не удалось бы преодолеть социальный барьер, отделяющий дочь низкооплачиваемого рабочего от детей из состоятельных, «чистых» слоев.

В советское время Дж. Джабарлы получил известность главным образом как автор исторических пьес («Невеста огня», «В 1905 году») и драм, ставящих проблему духовного раскрепощения женщин Востока («Севиль», «Алмаз»). Последняя тема отражена также в рассказах писателя:

«Гюльзар», «Гюляр», «Дильбер», «Фирюза» и др. Но, будучи литературным учеником выдающихся просветителей А. Шайга и С. С. Ахундова, Дж. Джабарлы, как и они, адресовал ряд произведений непосредственно юным читателям.

Его патриотические чувства нашли глубокое выражение в хрестоматийном стихотворении «Моя страна», созвучном душе каждого азербайджанца. Поэт рисует впечатляющую картину земли, где горы своими вершинами-пиками сражаются с облаками, а вода родников так холодна, что от нее ломит зубы. У подножия заснеженных хребтов плещутся голубые волны теплого Каспийского моря. Эта страна взрастила немало богатырей, чьи имена записаны золотыми буквами на страницах Истории. Славу этих богатырей продолжают сегодняшние труженики — достойные сыновья и дочери своего народа.

Много сил отдал Дж. Джабарлы художественному переводу. В частности, ему принадлежит перевод на азербайджанский язык повести Л. Толстого «Детство».

В статье «Создадим прекрасные произведения для наших ребят» С. Вургун писал: «Чтобы постичь мир, Вселенную, человечество, молодой человек нашей эпохи должен прежде постичь землю, на которой живет, народ, к которому принадлежит, — только тогда возвысится он до звания человека, только в этом случае сможет принять участие в развитии духовной жизни всех народов земли»¹. Патриотическая тема во всех ее аспектах, включая и мотивы интернационального братства тружеников земли, стала ведущей, определяющей в творчестве **Самеда Вургуня** (1906—1956) — первого из писателей республики, удостоенного звания народного поэта Азербайджана.

С. Вургун родился в бедной крестьянской семье, мальчишкой осиротел. Октябрьская революция круто повернула его жизнь. Весной 1920 года он вступил в комсомол. Через четыре года окончил учительскую семинарию, которую возглавлял известный литературовед и филолог Фиридунбек Кочарли. Затем учился в Московском университете.

Дважды С. Вургун удостоивался Государственной премии СССР: сначала за пьесу в стихах «Вагиф», позже — «Фархад и Ширин». Первым среди азербайджанских писателей он еще в 1936 году был награжден орденом Ленина. Многие годы поэт возглавлял Союз писателей Азербайджана. Хотя он почти не писал специально для детей, ясная, отточенная форма его стихов, яркая образность и прекрасный народный язык, в которых бессмертные традиции Физули, Вагифа и ашугской поэзии органически слились с завоеваниями русской поэзии послеоктябрьской поры, предопределили переход ряда произведений С. Вургуня в золотой фонд детского и юношеского чтения.

Навсегда остаются в детской памяти поэтические картины, нарисованные С. Вургуном в стихотворении «Горы»:

Когда олень пугливей тени
Пьет из ручья, согнув колени,
То весь я слух, то весь я зренье,
То весь я нетерпенье, горы!

¹ Эльчин. Без трудностей нет побед. — «Детская литература», 1982, № 4, с. 15.

Нет сегодня в Азербайджане ребенка или юноши, который не знал бы наизусть стихотворения «Азербайджан». Обращаясь к Родине, поэт восклицает:

Можно ль душу из сердца украсть? — Никогда!
 Ты дыханье мое, ты — мой хлеб и вода.
 Предо мной распахнулись твои города.
 Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан,
 Азербайджан, Азербайджан!

К первоначальному варианту стихотворения, созданному в 1935 году, поэт возвращался затем трижды — в 1940, 1941 и 1943 годах, всякий раз внося в него изменения, доводя его содержание и форму до все большего совершенства.

Важнейшие особенности этого стихотворения — простота образной системы, искренность, романтическая окрыленность. Поэт уподобляет себя ребенку, Родину — матери. Куда бы ни забросила судьба лирического героя, он, как птица, неизменно возвращается в родное гнездо. В разлуке с Родиной месяцы превращаются в годы, человек седеет не от возраста — от тоски.

Поэт гордится несказанной красотой родной земли. Вечные снега укрывают вершины неприступных гор. Будто белые покрывала лежат на скрижалях, запечатлевших древнюю историю Родины. В прошлом народу приходилось бороться с завоевателями — арабами, монголами, войсками иных народов. Но в конечном итоге страна навсегда обрела свободу и независимость. Прекрасная страна, омываемая голубым Каспием, превращенная трудом человеческих рук в цветущий, плодоносящий сад: Муганская долина, Ленкорань, Газах, Карабах.

Горячим чувством всечеловеческой братской солидарности, пафосом активного пролетарского интернационализма наполнено стихотворение С. Вургуня «Негр говорит»:

Пусть на всей земле падет
 Мир угнетенных и господ,
 Чтоб смысл людского бытия
 Навеки был преображен...

Романтика мечты, дерзания, героического дела, столь созвучная юной душе, пронизывает поэтическую «Легенду о Луне». А стихотворения «Мой колосок», «Мой жеребец», «Говорите, смейтесь, дети мои» выражают присутствующее ребенку в высокой степени чувство радости жизни, закладывают, как и другие стихи поэта, основы активного оптимистического мироощущения.

Особое место в азербайджанской детской поэзии первых двух советских десятилетий занимают стихотворения и поэмы **Микаила Мушфига** (1908—1938). Отец поэта был учителем. Мальчик рано осиротел, воспитывался у родственников. После окончания Азербайджанского университета был учителем в бакинских школах. Эта работа сблизила его с детьми, дала ему глубокое знание ребячьей психологии и волнующих юное поколение проблем.

В сказочных поэмах «Шянгюлюм, Шюнгюлюм, Мянгюлюм» и «Крестьянин и змея» поэт, опираясь на фольклорные мотивы, не ограничивается моралью народной сказки, говорящей об извечной борьбе добра и зла, а в образно-иносказательной форме дает детям представление о несправедливости прошлой, дореволюционной жизни.

В сказке «Крестьянин и змея» змея сравнивается Мушфигом с богатым ханом. Она сидит на золотом кладе и в знак благодарности крестьянину, который ежедневно приносит ей молоко, милостиво выдает ему по одной монетке в день. Сын крестьянина пытается отобрать у змеи все золото, змея жалит его, и он погибает. В народной сказке акцент смещен в сторону абстрактных нравственных категорий: пока между персонажами сказки существуют отношения обмена (золото на молоко), между ними царят мир и согласие; сын крестьянина наказан за жадность, но зло порождает зло — теперь между крестьянином и змеей никогда впредь мира не будет. «Ни из моего сердца не уйдет боль за погибшего сына, ни из твоей души — боль, которую мой сын тебе причинил», — говорит крестьянин змее.

У Мушфига читатель сталкивается с классовым подходом. Змея — узурпатор, она пользуется богатством, ей не принадлежащим. Недаром описание ее логова напоминает ханский дворец. Юный герой, сын крестьянина, погибает, пытаясь осуществить справедливость: отобрать у змеи и вернуть крестьянам золото, с помощью которого змея держит их в вечном рабстве, заставляет работать на себя. Вот почему, узнав о смерти юноши, жители деревни приходят к змеиному логову, чтобы разорить его и убить змею.

В сказочной поэме «Шянгюлюм, Шюнгюлюм, Мянгюлюм» нетрудно увидеть сходство с французской сказкой Ш. Перро «Волк и семеро козлят». Правда, в азербайджанской народной сказке козлят не семь, а только три, — их именами и названа сказка. И выручает своих детей из беды сама мать-коза. Она вспарывает рогами живот волку, проглотившему козлят, и те невредимыми возвращаются домой.

Использование «бродячего» сюжета разными художниками лишний раз подтверждает старую истину: в искусстве главное не *что*, а *как*. Сказка М. Мушфига согрета теплотой материнского чувства к беззащитным малышам-козлятам. Она написана прекрасным народным языком, стихом легким и свободным.

Черноглаз Шянгюль, хорош,
На джейрана он похож;
Шерстка — шелк, хвост торчком,
Так и вертится волчком.
Рожки прорезаются,
Ножки, как у зайца.
Шаловлив и резвоног
Годовалый малышок.

Описания козлят призваны вызвать у маленького читателя чувства любви, ласкового внимания, восхищения красотой живого существа.

И Шюнгюль — егоза.
Как нарцисс, горят глаза.

Мамочку ласкает,
 День-деньской играет.
 Шерсть пушиста и мягка,
 Уши тоньше лепестка,
 Звездочка на лбу бела,
 Как ромашка, расцвела.

Хотя, казалось бы, автор всего-навсего описывает лишь внешний вид маленьких героев сказки, эти описания удивительно динамичны. Поэт прежде всего выделяет в характерах козлят подвижность, игривость, стремительность, жизнерадостность — все то, с чем у ребенка связано представление о жизни, о счастье, о свободе, что определяет оптимистическую сущность детства.

И Мягюль хорош, пострел.
 Шубку пеструю надел,
 По колено чеботки,
 А копытца — каблучки.
 Веселей козленка нет,
 Озорней чертенка нет.

(Пер. С. Мамедзаде)

Не удивительно, что в сравнении с Шянгюль, Шюнгюль и Мягюль волк предстает не просто злодеем, а черной и страшной силой, враждебной самой жизни, свету, радости. Как акт величайшей справедливости, воспринимаются маленьким читателем действия кузнеца, который точит козе рога, а волку выдергивает зубы, помогая тем самым окончательному торжеству добра и наказанию зла.

Лирические стихи М. Мушфига тесно связаны с советской современностью. Даже пейзаж передает ощущение ритма и темпов времени. Вот как, например, звучит стихотворение «Ветры» в переводе А. Ахундовой:

По утрам, вечерам, вечерам и утрам
 Нет покоя веселым бродягам-ветрам,
 По горам, по долам, по полям, по шатрам,
 В щелях каждой норы засвистевшие ветры,
 О, счастливицы, миры облетевшие ветры!

Зависть лирического героя стихотворения к счастливицам-ветрам, облетевшим мир, веселым и не знающим покоя, — это ведь, в сущности, мечта об активной жизни, неотрывная от романтики поиска, познания, открытий. Мечта, созвучная детству и юности, социалистической нови, коммунистическому созиданию.

Свои гражданские чувства М. Мушфиг выражал и в стихах с непосредственным социальным содержанием, приветствуя индустриальный шаг первых советских пятилеток, воспевая, к примеру, в стихотворении «Телеграфные провода» развитие средств связи, особенно важных для такой огромной страны, как Советский Союз:

Время в дальнем пути во сто раз сократят,
Взор уставших в пути к высоте обратят,
Над уставшим в пути, как собратья, стоят
Эти странники стран, провода телеграфные,
И посланники струн — провода телеграфные.

Ровесник М. Мушфига, ветеран советской азербайджанской детской литературы **Микаил Рзакулизаде** (1905—1984) начал свой творческий путь как критик и переводчик. Он переводил на азербайджанский язык трагедии Еврипида, эстетические труды Аристотеля, поэмы и драмы Пушкина, лирику Шевченко и Гейне. Только после войны он рискнул попробовать свои силы в прозе, написав на основе народных дастанов книгу «Сила народа» (1948), воспеваящую трудолюбие, патриотизм и героизм простых людей.

Затем последовали книги стихотворений, поэм и прозы «Волшебный сад», «Когда наступает рассвет», «Мечта», «Из поколения в поколение», «Здравствуй, Адиль», «Огни зажглись», «Лейла», «Письма», «Ласточкино гнездо», «Желание», «Весеннее солнце», «Умные машины», «Рассказы» и другие произведения.

С начала 50-х годов литература для детей и юношества становится главным делом жизни писателя. Уже в 1962 году в предисловии к книге М. Рзакулизаде «Цветы моей родины» Гыльман Илькин отмечал, что автор книги принадлежит к числу «писателей, наиболее плодотворно создающих литературу для детей». Характеризуя тематическое богатство произведений М. Рзакулизаде, обращенных к маленьким читателям, Тофик Махмуд говорит, что «писатель прекрасно знает и описывает старый и новый Баку. В своих произведениях для детей он воспевает природу Азербайджана, рассказывает о достижениях науки. Близки ему и тема интернациональной дружбы, и, конечно, тема героизма людей в годы Великой Отечественной войны»¹.

Подлинными жемчужинами детской поэзии стали стихотворения М. Рзакулизаде «Часы», «Какое дело вам до птиц?», «Купающиеся воробьи», «Пуговица», «Самый вкусный плод», «Когда идет снег», «Цыпленок пошел за водой», «Хазри и Гилавар», «Норд и Марьяна» и «Наше лето», в котором поэт делает лучшими друзьями азербайджанских ребятишек «золотое солнце, свежий воздух, перламутровый песок, синее море».

«Стиль поэта, — пишет Т. Махмуд, — отличается способностью передать всякий сюжет в форме лаконичной, компактной, где находится место вопросам и ответам, значительным, хоть и не заметным на первый взгляд, событиям. Иногда это своеобразные художественные зарисовки, как бы приглашающие детей мобилизовать фантазию и дополнить авторскую картину»².

Особенной популярностью пользуется у ребят поэма М. Рзакулизаде «Сказки охотника Элиша и смелой Айтекин». Элиш и Айтекин — две ребят, с которыми происходят в лесу различные приключения; В этих собы-

¹Тофик Махмуд. Микаил Рзакулизаде. — «Детская литература», 1975, № 5, с. 54.

²Там же, с. 54.

тиях проявляются доброта, смелость, стойкость, дружеская взаимопомощь детей, их стремление познать тайны природы. В поэме высмеиваются и разоблачаются те, кто относится к природе не по-хозяйски, браконьерствует, сеет зло. «В основе поэмы, по существу, события реальной жизни, — отмечает Т. Махмуд, — но это и сказка. Ведь сказка и реальность, часто сливаясь в жизни, в творчестве писателя обретают новое звучание, касаются больших тем»¹.

Интересна сказочная поэма «Ширинбулаг», названная по имени бегущего с гор ручья, чья прозрачная и неостановимо бегущая вода символизирует саму жизнь.

Эту сказку рассказала мне гора
В час, когда один сидел я у костра.
С неба падала полночная звезда.
И услышал, и запомнил я тогда... —

так передает русский поэт-переводчик Ю. Кушак зачин сказки М. Рзакулизаде. Мы узнаем, что возле Ширинбулага каждому хорошо. Сюда прилетает напиток Соловей, приходят на водопой Джейран, и Кеклик, и Марал.

А в тайных недрах этих гор
Жил огненный Дракон.
Там среди каменных палат
Мерцал алмазный трон.

Вылетающие из пасти Дракона искры сжигают, испепеляют все вокруг. Стоит ему выползти на свет, дохнуть смертоносным смрадом, и скручиваются, высыхая, листья стоящей над ручьем ивы, в страхе разбегаются все живое. Кажется, нет в мире силы, способной противостоять чудовищу.

Однако, говорит поэт, такая сила есть. Ее нет по отдельности ни у Соловья, ни у Джейрана, ни у Марала. Но стоит им соединиться в дружбе, хранить друг другу верность и выступить против Дракона сообща, как они делаются непобедимыми. Чудовище повержено. И даже на иве вновь распускаются молодые зеленые листочки.

А ровно в полночь, в тишине
Неистовая трель
Рассыпалась, как блестящие звезд,
На тридевять земель.
О Дружбе, Верности, Любви
Счастливый пел певец.
Но так ли это или нет,
А сказке здесь конец.

¹ Т о ф и к М а х м у д. Микаил Рзакулизаде. — «Детская литература», 1975, № 5, с. 54.

«Ширинбулаг» и «Сказки охотника Элиша и смелой Айтекин» сближают с народной сказкой способность персонажей — зверей и птиц — говорить человеческим языком, юмор, обязательность торжества светлых и добрых начал. Вообще творчество М. Рзакулизаде развивается под влиянием фольклорных произведений. Еще в 20-е и 30-е годы писатель, в ту пору выступавший главным образом в качестве критика, вел непримиримую борьбу с теми, «кто целиком отрицал детскую литературу», в частности, нападал на сказку, утверждая, будто любые сказочные, фантастические, мифологические образы — вредный пережиток прошлого, формирующий у подрастающего поколения идеалистическое сознание.

Защищая право сказки на жизнь, М. Рзакулизаде отстаивал тем самым право ребенка на мечту и творчество, подчеркивал непреходящее значение фольклора и созданных на его основе классических произведений С. А. Ширвани, М. А. Сабира, А. Сиххата, А. Шаига.

Развивая и обрабатывая фольклорные сказочные мотивы, М. Рзакулизаде творчески обогащает присущую сказкам образность, вводит такие конкретные детали и подробности, которые придают особую жизненность, правдивость, неповторимость каждой отдельной ситуации, характеру или поступку персонажа. Так, изображая медвежат, пытавшихся полакомиться медом и атакованных обитателями улья, поэт пишет, как «лапами себя по темени стуча, они бегут, визжат...». Подобная детализация помогает маленьким читателям увидеть наказанных за свой разбой медвежат в смешном положении; не только мысленно, но и эмоционально встать на сторону добра и справедливости.

Творчески использует М. Рзакулизаде и традиционный сказочный прием повтора. Например, чтобы наглядно показать ребенку протяженность действия во времени, он пишет:

ВНИМАТЕЛЬНЫЙ
ОУЧИТЕЛЬНЫЙ

Собака погнала, заяц побежал.
Собака гонит, заяц бежит;
Собака гонит, заяц бежит...

Много сделал М. Рзакулизаде для приближения к юному азербайджанскому читателю сокровищ мировой и лучших произведений русской советской детской литературы. Он заставил звучать на родном языке «Илиаду» Гомера, перевел стихи и прозу А. Барто, В. Бианки, З. Александровой, А. Алексина, Ю. Сотника. Составленная им книга для чтения школьников выдержала множество переизданий.

К старейшинам азербайджанской детской литературы принадлежит и **Мехти Сеидзаде** (1907—1976). Когда в 1925 году появилось в печати его первое стихотворение «Сельская девушка», молодому поэту было всего 18 лет. В 1929 году выходит первая книга М. Сеидзаде «Храбрый Самед», написанная по мотивам народных сказаний и повествующая о борьбе народа за свободу. Годом позже объявляется конкурс на лучшее произведение для детей. Двадцатитрехлетний М. Сеидзаде принимает в нем участие, и его поэма «Славный день» удостоивается премии.

Рассказывающая о борьбе за установление в Азербайджане Советской власти, эта поэма явилась открытием современной темы в азербайджанской детской литературе.

За свою долгую творческую жизнь Мехти Сеидзаде написал около пятидесяти детских книг. Среди них — «Маленький пилот», «Рыбаки», «Ожидание», «Песня о Родине», «Звезды рассыпаются», «Наргиз», «Аяз», «Золотая птица», «Красавица Сабаеля», «Кёр-оглы», «Дедушка-солнце», «Родник красоты», «Случай в лесу», «Компания дружбы», «Парк-отель», «Бухенвальд», «Вышки в море», «Любовь», «Спор плодов». Кроме того, Сеидзаде принадлежат пьесы для кукольного театра «Таинственный гранат» и др. Он перевел на азербайджанский язык многие стихотворения Фирдоуси, Физули, Хайяма, Саади, Пушкина, Крылова, Жуковского, сказку Ершова «Конек-горбунок», стихи для детей Чуковского и Маршак, многих современных поэтов из братских советских республик.

Стихотворения М. Сеидзаде «Друг», «Старый каменщик», «Хризантема», «Весенняя песня», «Лето», «Осень», «Жалоба деревьев» помогают ребенку внимательнее смотреть на мир, восхищаться его красотой и многообразием, учат любить труд, понимать его смысл и значение. В стихотворении «Каспий» поэт открывает сходство между непокорной, мятежной природой моря и характером людей, работающих на Нефтяных Камнях и на рыболовецких судах. Героизм и мужество моряков и нефтяников Каспия подчеркнуты тем, что люди покоряют морскую стихию, оказываются сильнее ее.

«В стихах М. Сеидзаде, написанных легким, прозрачным языком, в котором рассыпаны блестящие юмор, — отмечает критик С. Гусейнова, — раскрывается и сам чудесный мир детства, и его симпатичные маленькие обитатели, скажем, трудолюбивый мастер на все руки Энвер («Маленький столяр»), верный друг и товарищ Элман («Товарищеская помощь»), грязнуля Сафтар («Смешно»)»¹.

Даже неизбежную в стихах для детей мораль, нравственную сентенцию поэт умеет выразить словами, сохраняющими всю достоверность жизни, тепло человеческого участия, и потому не производящими впечатления сухого указующего перста. Таковы слова мальчика Араза, призывающего друзей не беспокоить ласточку, кормящую птенцов:

О малых птенцах беспокоится мать,
Не будем ее обижать и пугать,
Иначе покинет гнездо свое птица,
Не станет у нас на балконе ютиться.
А если пернатые прочь улетят,
Тогда без защиты останется сад.
Они очищают от гусениц жадных
Деревья садов ароматных, прохладных.

(Пер. В. Погаповой)

А с каким пониманием и уважением подмечает поэт в своих маленьких героях рано пробуждающееся стремление к самостоятельности, пока еще робкое, хрупкое, и потому особо нуждающееся в поддержке со стороны взрослых:

¹ Сара Гусейнова. Антология азербайджанской детской литературы. — «Детская литература», 1977, № 9, с. 25.

Переходит на углах
 Через улицу сама
 С новой сумкою в руках
 Первоклассница Хумар.

Просит маму по пути
 Очень ласково она:
 — Ты иди чуть позади,
 Будто я иду одна.

(Пер. А. Оленича-Гнеенко)

Стихи М. Сеидзаде для детей в полном соответствии с «заповедями» К. Чуковского напевны, звучны, музыкальны. В них слышится ритм считалки — задорный игровой темп народных детских песенок:

Скачи, мячик, скачи, мяч!
 Скачи, мячик, скачи, мяч!
 Скачи вниз, скачи вверх,
 Скачи, мячик, лучше всех!

(Пер. А. Ахундовой)

Не удивительно, что многие стихи М. Сеидзаде, положенные на музыку У. Гаджибековым, С. Рустамовым и другими композиторами, стали любимыми детскими песнями.

Одно из лучших произведений М. Сеидзаде — поэма-сказка «Наргиз» (1934).

Есть тут был и небылица,
 Добрые и злые лица,
 Гнев и кровь, и ливень слез —
 Все, что в прошлом унеслось,
 Все, что новым веком смыто
 И навеки позабыто.

Переводчица «Наргиз» на русский язык Сурейя Бейларбекова сумела хорошо передать лирико-эпический строй поэмы. Русский стих сохраняет просторечную сказовость, героическое звучание, юмор подлинника. Как и во всякой сказке, в поэме М. Сеидзаде четко противопоставлены добро и зло.

Жил на свете дровосек —
 Тихий, добрый человек.
 Понял он на склоне лет:
 Мир широк, а места нет.

У героя поэмы трое дочерей-красавиц: Наргиз, Улдуз и Хумар. Однажды отец не возвращается со своей трудной и опасной работы: может, придавило деревом; может, растерзал в чаще свирепый хищник.

Три сестры не спят три ночи,
 Плачут, не смыкают очи.
 Трудно горе им забыть.
 Что им делать? Как им быть?

Сиротство девочек поэт раскрывает как социальную драму. Их отец погибает из-за того, что должен работать вдвое и втрое больше, чем это необходимо для семьи. Ведь основную часть заработка у него забирает шах Тархан, живущий в невысказанной роскоши. Благородный юноша Эльдар помогает, как может, дочерям дровосека. Шах вне себя от ярости: все, что человек отрывает от себя, принадлежит ему, Тархану. И шах осуждает Эльдара на смерть. Однако жадность заставляет Тархана отложить казнь: пусть юноша и заодно с ним сироты дровосека хорошенько поработают на него; убить их он всегда успеет.

Поэт недаром прибавляет временами к имени шаха слово «змея». Змея Тархан — воплощение коварства, бездушия, безжалостности, вероломства, предательства. И бессмысленной злобы, соединенной с безмерной алчностью. Малейшая радость подданных для него — горе, личная обида. Узнав, что один пастух играет на свирели и поет веселые песни, шах его жестоко наказывает.

В конце концов ненависть к Тархану переполняет чашу терпения угнетенных, обобранных и обиженных. Начинается восстание, во главе которого становится умная и смелая Наргиз, сумевшая убежать из шахского дворца, где она была в заточении.

И Наргиз, Улдуз, Хумар,
 С ними верный друг Эльдар
 Против беков, шахов, ханов,
 Всех владетельных султанов
 Гневом страшным запыхали,
 Беспощадны сердцем стали.

Народ одерживает победу, так как выступает в единстве и ясно осознает свою цель. После Великого Октября такая концовка уже не казалась фантастической, — напротив, именно она выражала историческую закономерность.

Представление о развитии жанра азербайджанской поэтической сказки будет неполным, если не сказать о новаторской роли народной поэтессы Азербайджанской ССР **Мирварид Дильбази** (р. 1912). М. Дильбази пришла в литературу в конце 20-х годов. Основная тема ее стихотворений и поэм тех лет — «Большевичка Зейнаб», «Мать Айши», «Радость и печаль» — духовное освобождение женщин Востока. Тысячи девушек, стремясь быть похожими на героиню ее произведений, расставались с чадрой, порывали с унижающими их достоинство обычаями, шли учиться в школы, на рабфаки, в университеты и институты, становились полноправными участницами социалистического строительства.

В годы Великой Отечественной войны в стихотворениях «Землянка», «Память», «Любовь к родине», «Мать», «Терек» и других поэтесса обра-

щалась к мужественным защитникам Родины, вдохновляя их на ратный подвиг.

М. Дильбази — автор более двух десятков книг для детей. Главные мотивы этих произведений, как отмечает Азиза Ахмедова, — «любовь к отцу и матери, к народу и родине, воспитание характера, честности, смелости, трудолюбия, чувства дружбы и товарищества»¹. Существенный вклад в интернациональное воспитание юношества внесла поэма М. Дильбази «Алжирская девушка», посвященная славной дочери алжирского народа Джамиле Бухиред. Творческое кредо поэтессы выражено в точных и емких словах одного из ее поздних стихотворений:

Люди — это моя кровь и плоть,
Как мне жить без них?
Не говори, что у меня ранена душа.
Я издавна в этот край
Влюблена, влюблена.

Детские стихи и сказки М. Дильбази классически просты и пластичны по языку, отличаются высоким поэтическим мастерством, пронизаны любовью и уважением к маленьким читателям. Всего из сорока стихотворных строк — двадцати бейтов — состоит сказка «Муймуй, Гав-гав и Телли», но как много говорит она ребенку! В ней и история капризной девочки Телли, над которой читатель смеется вместе с автором смехом не обидным и в то же время исправляющим. И целый ряд персонажей-животных, индивидуальные и потому легко запоминающиеся портреты которых вызывают в сознании читателей забавные и поучительные параллели с жизнью людей.

В одном из самых первых своих стихотворений, написанных еще в школьные годы, М. Дильбази говорила о том, что когда фиалкам холодно, ей хочется стать солнцем, чтобы согреть их. Это гуманистическое чувство навсегда стало душой ее поэзии. Поэтесса боится риторики, ибо риторически выраженное чувство, будь оно трижды искренним, звучит как голословное утверждение, которое читатель вынужден принимать на веру. В одеянии риторики правда неотличима от фальши. Риторика как маска: под нею может скрываться и юная красавица и безобразный урод. Вот почему поэзия М. Дильбази всегда предельно конкретна. И если поэтесса признается в любви к своей родине, то она говорит не о самом чувстве, а о тех малых, порой неприметных родничках, из которых вытекает река этой любви:

В озерной низине
Я срежу лозину,
Сплету из лозины
Большую корзину.
Я с тою корзиной
Пойду по малину.

¹ Азиза Ахмедова. «Я в этот край влюблена». — «Детская литература», 1972, № 6, с. 13.

С корзиной малины
Взойду на вершину.
Я глазом окину
Гей-гёль и Кяпаз...
Кто эту картину
Увидел хоть раз...

Все средства живого народного азербайджанского языка — его музыкальность, богатство аллитераций, яркая образность — служат поэтессе для того, чтобы вдохнуть жизнь в любой предмет, становящийся объектом ее творческого внимания. Так, в стихотворении «Фиалка» уснувший под снегом на зиму цветок чем-то напоминает спящего ребенка с душой чистой и доверчиво открытой всему прекрасному:

Земля — пуховик,
Листопад — одеяло.
Фиалка, проснись,
Проснись, пробудись!
Проснись, голубая,
И, благоухая,
Умойся росой
И в росе серебрись!..

Большие масштабы вздыбленного социалистической революцией мира внес в детскую литературу республики народный поэт Азербайджана, Герой Социалистического Труда **Расул Рза** (1910—1981). В азербайджанской поэзии он сыграл такую же роль, как Маяковский — в русской. Учеба Расула Рзы у величайшего советского поэта была плодотворной и всесторонней. Решительно уходя вслед за Маяковским от обветшавших поэтических форм в поисках слова, ритма и рифмы, способных адекватно выразить рвущееся вперед время, Расул Рза отнюдь не порывал с национальной почвой и азербайджанской стихотворной традицией, сохранив в неприкосновенности такие важные элементы последней, как философичность, звуковую игру на повторах и т. п.

Поэт начал печататься в 1927 году. А три года спустя опубликованное бакинской газетой «Молодой рабочий» стихотворение «Большевиcтская весна» принесло ему заслуженную известность.

Большое место в творчестве Р. Рзы всегда занимала политическая, гражданская лирика. Нашли глубокий отклик в его стихах и национально-освободительная борьба китайского народа 30-х годов, и героизм республиканцев Испании в неравной схватке с фашистскими мятежниками генерала Франко, и сопротивление демократических сил Европы оголтелой экспансии гитлеровского рейха. Страстное, вдохновляющее слово поэта помогало в годы Великой Отечественной войны приближать победу над врагом.

Велика заслуга Р. Рзы в художественном воплощении в азербайджанской литературе ленинской темы. Завершенная им вскоре после войны поэма «Ленин» — плод более чем десятилетнего труда, — была удостоена Государственной премии СССР. «Перед нами, — пишет М. А. Дадаш-

заде, — факты из жизни Владимира Ильича: Петербург, дюрма, сибирская ссылка, эмиграция, Финляндский вокзал, Великая Октябрьская социалистическая революция, Смольный... Ленин все время людьми, с народом. Рождается ощущение его непосредственного присутствия в поэме. Но поэма не описательна. Лиризм, присущий азербайджанской поэзии, пронизывает ее от начала до конца. Он проявляется и в структуре авторского повествования, и в характере быстрого, острого рисунка, и в лирических отступлениях, среди которых вступление и финальный рекевие принадлежат к сильнейшим образцам советской поэзии¹.

Как и поэма В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин», произведение Р. Рзы, не предназначавшееся специально для юных читателей, благодаря высокому мастерству, эмоциональности и демократичности формы, прочно вошло в круг юношеского чтения. Не одно поколение азербайджанских подростков, вслушиваясь в чеканные, запоминающиеся строки поэмы, углубляло свое понимание Ленина — вождя, мыслителя, государственного деятеля, человека.

Детские стихи Р. Рзы исполнены мягкого юмора, веселой и лукавой улыбки. В стихотворении «Сны животных» рассказывает, как медведь видит во сне капающий отовсюду мед, заяц представляет себя посреди огромного капустного огорода, а бабочке кажется, будто она летает над громадным цветущим лугом. Медведю кружит во сне голубу запах меда, зайцу — капусты, бабочке — цветочный аромат. Стихотворение наглядно раскрывает перед ребенком смысл известной азербайджанской поговорки: «Голодная курица во сне видит просо», подчеркивая разнообразие мира, разнородность вкусов и пристрастий.

Стихотворение «Игрушки Тараны» неназойливо и весело доводит до ребячьего сознания мысль о необходимости все делать старательно и уметь, с полной отдачей сил и способностей. Девочка Тарана очень любит рисовать. Но рисует так, что ее друзья принимают нарисованного ею верблюда за лошадь.

«Бестолковые» дети, никак не желающие узнавать, кого именно нарисовала Тарана, доводят героиню до слез. Ночью ей снится смешной сон: все нарисованные ею уродцы оживают и являются к Таране, выражая ей свое недовольство и обиды. Один требует вернуть ему хвост, другой просит пририсовать шерсть. Кукла жалуется, что она девочка, но вынуждена по милости хозяйки носить нарисованные усы.

Проснувшись Тарана возвращается к своим вчерашним рисункам и старательно исправляет их в соответствии с законами природы.

Жаль, правда, что концовка этого веселого и поучительного стихотворения чрезмерно серьезна. Не будучи смягчена юмором, она выглядит чужеродной и сухой, подобно безлистной ветке в зеленой кроне живого дерева.

Добрую улыбку вызывает стихотворение «Сякил и Чакыл» — про двух маленьких шенков-братьев. В нем нетрудно увидеть отголосок народных сказок. Один из шенков строит себе дом из соли, а другой из льда, и оба хотя и живут порознь. Все огорчены, что отныне дружба братьев становится

¹ Мамед Ариф Дадаш-заде. Азербайджанская литература. М., 1979, с. 226.

менее прочной. Но вот дом одного тает в лучах солнца, а другого — под струями весеннего дождя. Перегородки, которыми маленькие герои сами отгородили себя друг от друга, разрушают добрые, несущие свет и жизнь силы природы. И Сякил с Чакилом снова живут вместе. И все рады их дружбе.

Короткая и забавная эта история, благодаря мастерству автора, заключила в себе большой гуманный смысл.

В последние годы своей жизни Расул Рза написал тексты десяти книжек, вышедших в серии «Энциклопедия природы в картинках для маленьких». Здесь особенно ярко проявилось умение поэта сказать о многом немногими словами, насытить лаконичную форму двуступенчатой емким, включающим максимум информации содержанием. Цель писателя не просто охарактеризовать отдельное растение, животное или насекомое, но дать ребенку представление о гармонии природы, о закономерности всеобщей связи населяющих ее существ, деревьев и трав.

Среди поэтов старшего поколения, способствовавших становлению азербайджанской советской детской литературы, следует также назвать Сулеймана Рустама, Зейнала Джаббарзаде, Ахмеда Джамिला, Хануману Алибейли и Теймура Эльчина.

Народный поэт Азербайджана, Герой Социалистического Труда **Сулейман Рустам** (р. 1906) писать стихи начал с детских лет и уже в середине 20-х годов был одним из организаторов «Союза красных перьев» и Азербайджанской ассоциации пролетарских писателей. Автор многих лирических стихотворений, поэм и пьес, вошедших в золотой фонд азербайджанской литературы, С. Рустам не писал специально для детей. Но созданное им в годы войны стихотворение «Мать и почтальон» стало поистине всенародным. Нет в республике школьника, который не знал бы его.

Содержание стихотворения столь же просто, сколь и глубоко. Мать, более четырех месяцев не получающая писем от сына с фронта, вымещает свое горе на почтальоне: «Не будет письма мне... больше не приходи». А почтальон — чуткий, заботливый человек. Видя страдания женщины, он старается не попадаться ей на глаза, чтобы своим видом не напоминать ей о ее боли. Однако исчезновение почтальона лишь усиливает печаль матери. Теперь она бессонными ночами думает не только о сыне-солдате, но и о старике почтальоне: может, он болен и некому за ним присмотреть, помочь. Мать бранит себя, что не узнала его адреса.

Но однажды люди видят, что почтальон идет по улице необычно решительным, бодрым шагом. Он похож на орла, цепко несущего свою добычу. В руках у него долгожданное письмо для матери. И радость матери, дождавшейся счастливой вести, становится радостью всей округи. Узнавая о письме, люди поздравляют друг друга. Ведь этот счастливый случай дает и многим из них столь необходимую в годы народной беды надежду, что их близкие также останутся живы, что враг будет побежден и война кончится.

Зейнал Джаббарзаде (1920—1970) много лет редактировал журнал «Пионери». Его стихотворные книжки «Юные новоселы», «Ваши голоса», «Наше метро» и другие были тепло встречены критикой и юными читателями.

Творчество **Ахмеда Джамила** (1913—1977) как автора стихов для де-

тей с особой силой раскрылось в годы Великой Отечественной войны. Народные чувства и настроения тех лет поэт великолепно передал в стихотворении «Расскажи, бабуся, сказку». Это ему удалось благодаря тонкому пониманию детской психологии, соединенному с замечательным поэтическим мастерством.

Ребенок, который еще не в силах представить весь ужас войны, просит бабушку рассказать ему перед сном сказку. На улице идет снег. И мальчик, помнящий, что отец его на фронте, в окопах, спрашивает у бабушки, холодно ли на войне солдатам. Бабушка, чтобы не нарушать покой малыша, переводит разговор на другое. Говорит, что все в доме спят и мальчику пора засыпать. Ребенку чудится, будто кто-то постучал в окно. Быть может, это вернулся с войны отец? Но это стучит в раму ветер. Метет снег. Мальчику, оттого что он представил, что делается за окном, становится зябко.

— Бабушка, интересно, а где сейчас мой папа? — спрашивает он.

И мать солдата, успокаивая внука, рассказывает, что, судя по письмам отца, погода на фронте хорошая. А скоро вообще зима кончится, придет весна, наши победят фашистов, и отец вернется домой. На радостях нарежем белого барашка. Дедушка возьмет саз и сыграет любимые мелодии сына-воина. А тот расскажет своему мальчику про войну, про подвиги боевых товарищей...

Герой стихотворения, засыпая, слышит далекие звуки саза. Откуда-то прилетают орлы. Расцветают абрикос и алыча. Вскоре малыш спит сладким сном.

Это стихотворение, написанное мягкими и нежными, словно бы акварельными красками, с большой выразительной силой говорит о мужестве простых советских людей, о их неколебимой вере в победу, о любви к детям, о стремлении оградить детство от страданий, которые неизбежно несет с собой война.

Высочайшего гуманистического пафоса исполнено стихотворение А. Джамия «Беженцы». Вначале поэт переносит читателя на землю, временно оккупированную врагом. Молодая мать и ее маленькая девочка сидят на кровати в пустой комнате. Они так похожи друг на друга, что дочь кажется уменьшенной копией матери. Только мама напоминает собой хмурую, печальную осень, а дочка — солнечную, улыбающуюся весну. Девочка не подозревает, какая беда пришла в ее дом. Она радуется жизни, беспечно счастлива, потому что рядом — любимая мама.

Девочка веселится, рвется играть, спрашивает, скоро ли они с мамой пойдут гулять. И чем шумнее доверчивая, искренняя радость ребенка, тем печальнее становится женщина. Дочка недоумевает, отчего мама не радуется, почему они не идут на улицу: ведь мама надела на нее праздничное платьице. Мама отвечает непонятно для дочки: «Хочу в последний раз взглядеться на тебя в этом платьице».

В комнату входят два фашистских солдата. Они ищут ценные вещи. Затем приказывают женщине и ее дочке идти с ними. Мать понимает, что ее ведут на смерть, и говорит, будто девочка ей чужая. Мать уводят враги, а дочка, ничего не понимая, цепляется за ее платье, умоляет взять ее с собой, обещает быть послушной и умной, только бы мама не оставляла ее одну.

Поэт не сообщает, что чувствует в эту минуту мать. Но читателю легко понять, как разрывается материнское сердце, — столь велик эмоциональный накал этой мастерски выписанной сцены. В финале стихотворения говорится о том, что девочку во время оккупации спасла старуха-соседка. Она и поведала о трагической судьбе ребенка поэту-рассказчику. Во время рассказа старухи девочка с любопытством сидит у поэта на руках, играя блестящей пуговицей на его солдатской шинели. Но вот ребенок видит, что взрослый, пахнувший порохом и землей дядя плачет. Девочка прыгает с его колен и убегает. А с неба льются струи дождя. Слезы природы сливаются со слезами бывшего солдата...

Азербайджанская критика сравнивала это стихотворение А. Джамилы по богатству содержания и эмоциональной силе с поэмой. И с этим нельзя не согласиться.

Ханумана Алибейли (р. 1920), врач по образованию, подарила юным читателям несколько стихотворных сборников («Нугул», «На берегу одного озера», «Подбрось меня к солнцу», «Дорогой комиссар» и др.), а также пьесы «Зайкины именины», «Айджан» и «Джунгуш», которые были поставлены на сценах Азербайджанского театра юного зрителя им. М. Горького и Государственного театра кукол им. А. Шаига.

Теймур Эльчин (р. 1924) свою первую книжку для детей («Снегурочка») выпустил в 1955 году. Вслед за этим вышли книжки «Биб-бип», «Расскажу я вам», «Девочка-звездочка», «Дин, дан», «Весна, имена, дети», «Колыбельные», «Радость моя, сладость моя», «Песня жаворонка» и др.

Много работает поэт в области перевода фольклора и поэзии для детей разных народов мира. Он познакомил азербайджанских ребят с детскими народными песенками России и Белоруссии, Грузии и Молдавии, Армении и Украины, Польши и Словакии, Англии и Франции, Греции и Японии. Он заставил звучать по-азербайджански многие стихотворения С. Маршак и А. Барто, К. Кулиева и Р. Рашидова, Н. Забилы и П. Воронько, Г. Виеру и других поэтов братских советских республик.

Особенно много переводил Т. Эльчин К. Чуковского. Благодаря ему, азербайджанские ребята читают на родном языке «Мойдодыра», «Муху-Цокотуху», «Тараканище», «Доктора Айболита». Познакомившись с переводами Т. Эльчина, старейшина советской детской литературы писал ему: «Я горжусь, что мои стихи звучат на прекрасном азербайджанском языке»¹.

Переводческая деятельность, несомненно, обогатила оригинальное творчество поэта. В его стихотворениях «Снежная девушка», «Кошка и воробей», «Заячий дом» и других чувствуется «школа Чуковского». Плодотворно учится поэт и в школе фольклора, притом не только родного, азербайджанского. Это видно по тому, как Т. Эльчин рисует в книге «Песня жаворонка» приход зимы:

Где ты, солнце,
В самом деле?
Мы совсем
Окоченели.

¹ «Детская литература», 1982, № 4, с. 12.

Без тебя
 Вода замерзла,
 Без тебя
 Земля промерзла.
 Все озябли,
 Все простыли,
 Все продрогли,
 Приуныли.
 Выйди, солнышко,
 Скорей,
 Приласкай
 И обогрей!

Обогащая приемы словесной выразительности, расширяя сферу содержания за счет чувств и примет, характерных для других народов, Т. Эльчин полнее выявляет в национальном общечеловеческое, поднимает тем самым национальное на новую, более высокую ступень.

Особенно наглядно проявилось новаторство поэта, творческое переосмысление им традиций в таком исконно фольклорном жанре, как загадка. Загадки Т. Эльчина — это, как правило, развернутые стихотворения, которые, помимо прикладного, функционального, имеют еще и эстетически-познавательное значение. В них образ угадываемого предмета наделяется, по сути, характером героя художественного произведения со всеми вытекающими из этой роли качествами. Он предстает в движении, в диалектической связи со своим окружением. Вот как, к примеру, описывает поэт в загадке подъемный кран:

Сколько слонов
 Он может взять своим хоботом!
 Если заснет,
 Может уронить их с неба на землю.
 Он умный,
 Помогает строителям.
 Высотой обгоняет
 Самые высокие здания.
 Он работающ,
 Как слоны.
 Под большим грузом
 Не чувствует тяжести,
 Быстро поднимает его
 На любую высоту.
 Богатырь.
 Не человек.
 Не зверь.

Заслуживает всяческого одобрения работа Т. Эльчина над обогащением и развитием языка маленьких читателей. Сложные и не вполне понятные маленькому ребенку азербайджанские слова типа «гачагач» (повальное бегство), «учауч» (всеобщий перелет), «кёчакёч» (сплошное

переселение), сравнительно редко употребляемые существительные «гёзлюк» (очки), «дизлик» (панталоны), «гулаглык» (наушник) и им подобные поэт вводит в активный словарь читателя через специально написанное двустишие или четверостишие, где трудное слово включается в легко запоминающийся и общепонятный контекст:

По соседству
построили новый дом.
Старый разрушили,
началось сплошное переселение.

Или:

В табун пришел волк.
Лошади испугались,
началось повальное бегство.

Часть своего многогранного творчества посвятили детям народная поэтесса Азербайджана Н. Рафибейли и народные поэты республики Б. Азероглы, Наби Хазри, Б. Вагабзаде.

В стихах, написанных для детей, **Нигяр Худадат кызы Рафибейли** (1913—1981) раскрывает красоту и бесконечное многообразие родной природы, неповторимость и значительность всего живого на земле. Очень популярна среди самых юных азербайджанских читателей ее поэтическая сказка «Муркины котят». Мотивы постижения тайн окружающего мира органично переплетаются в творчестве поэтессы с патриотическими чувствами, с восхищением перед величием человеческого труда.

В стихотворении «Дашкесен» Н. Рафибейли вдохновенно рисует необычную картину взбегающего по горным кручам белого города, созданного и прославленного трудом населяющих его людей:

Этот город в облаках
Днем и ночью в огоньках.
От него светло в долинах,
От него светло в горах.

Родившийся в 1921 году в Ардебиле (Южный Азербайджан) поэт **Балаш Азероглы** (Балаш Аллахабахыш оглы Абизаде) в молодости был активным участником революционной борьбы у себя на родине. Он один из основателей антифашистской организации «Зиддефашист» в Ардебиле. После свержения демократического правительства Иранского Азербайджана эмигрировал в Советский Союз, живет в Баку.

В стихотворных сборниках и циклах «Савалан», «Родина хочет такого сына», «Как я могу молчать?», «На путях борьбы», «Каспий меня зовет», «Дайте мне новое сердце», «Во весь свой голос», «Утренняя заря», «Письма издалека», «Мои песни» и др. поэт выступал против шахской тирании в Иране, воспевал идеалы борющегося народа.

И в произведениях, обращенных к детям, Б. Азероглы часто вспоминает Южный Азербайджан. В поэме «Саваланская легенда» он повествует о возникновении Ардебильского махала. В древности, говорит он,

два соседних рода — Арда и Бил — совместно вели борьбу против общего врага. Боевая дружба не забылась и в мирные годы. Оба рода традиционно помогали друг другу, пока не слились в общий махал.

На тему южноазербайджанских сказок написан «Сказ о пропавшей девочке». В стихотворениях Б. Азероглы «Приходи, весна», «На даче», «Отличник Эльхан», «Чистоплотной девочке» отражена счастливая жизнь советских ребят, поднимаются проблемы нравственного становления растущего человека.

Более ста книг, изданных в Москве и в Баку, на языках народов СССР и в ряде стран мира, — таков литературный багаж лауреата Государственных премий СССР и Азербайджана и премии Ленинского комсомола **Наби Хазри** (Бабаев Наби Алекпер оглы, 1924). Основные темы поэта — патриотизм, дружба народов, борьба за мир.

В поэмах «Горы — душа моя», «Сестра Солнца», «Два Каспия», «Сумгаитские странички» Наби Хазри вдохновенно раскрывает характеры, героические дела и благородные чувства молодежи. Восприятие природы в стихах поэта всегда глубоко лично и национально. В стихотворении «Весна» читаем:

Солнце блеснуло в росинках цветка,
Кипенью белой плывут облака,
И несмолкающий голос ручья
Всем говорит: «Весна — это я».
Гонит пшеница струнки-ростки,
Маков багряных зажглись огоньки,
Даже цветок на груди у меня
Тоже сказал: «Весна — это я».

(Пер. Я. Акима)

Один из прекрасных образцов азербайджанской детской и юношеской литературы — поэма Наби Хазри «Сестра Солнца». В центре поэмы — образ девушки-хлопкоробки Севили Казиевой, прославившейся своим трудом на всю страну.

Севиля — натура поэтическая. Это ей принадлежит лозунг: «Машины на поля, кетмени в музей!» Ежедневно она с рассветом приходит на хлопковое поле. И поэт сравнивает ее с солнцем. Ее длинные косы подобны солнечным лучам. Когда Солнце разбрасывает свои лучи по полям, Севиля откидывает свои черные косы за спину и садится за штурвал хлопкоуборочной машины. До самого вечера они неразлучны — Севиля и Солнце. Но вот светило садится за дальние горы, и девушка возвращается домой.

Однако прекрасные косы Севили становятся невольной причиной непоправимой беды. Исправляя незначительную поломку своего комбайна, Севиля забыла выключить мотор. Ее длинные косы попали в крутящиеся шестеренки, и девушка погибла. На следующее утро Солнце понапрасну ищет Севилю: ее больше нет. Горы Савалан услышали о несчастье, и снег на их вершинах начал таять, слезными ручьями вливаясь в бурный Аракс. Вся природа одевается в траур. И сердце читателя наполняется скорбью...

Многие стихотворения Наби Хазри для ребят младшего возраста во-

шли в хрестоматии и учебники. Известен поэт и как переводчик на азербайджанский язык стихотворений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. Т. Твардовского, Ш. Петефи, О. Туманяна, Д. Гурамишвили, А. Парниса.

Особое место в азербайджанской литературе занимает **Бахтияр Махмуд оглы Вагабзаде** (р. 1925). Доктор филологических наук, профессор Азербайджанского государственного университета, член-корреспондент Академии наук Азербайджанской ССР, лауреат Государственных премий СССР и Азербайджана, Б. Вагабзаде недаром часто характеризуется критикой как поэт-философ. Его обращенные к молодежи поэмы «Оценка», «Покинутые», «Разговор с Лениным», «Шабу Хиджран» пронизаны глубокими размышлениями о жизни, отличаются особой плотностью насыщающего их культурного слоя.

В произведениях Б. Вагабзаде художник и ученый сосуществуют в диалектическом единстве, порой оспаривая друг друга, но неизменно дополняя и взаимно обогащая, о чем говорит следующее признание:

Мое призвание — поэт,
Моя профессия — учитель.
Разлада в этом не ищите,
Но и согласия здесь нет.
Разделены часы и дни
Меж лекцией
И рифмой звучной.
Всю жизнь стремлюсь объединить
Мечты свои
И хлеб насущный.

(Пер. А. Передреева)

Б. Вагабзаде уверенно продолжает традиции классической азербайджанской поэзии. Большинство его детских произведений (сборник стихотворений «Песня дружбы» и др.) связано со школой. Школа, в понимании поэта, — начало всех дорог, в том числе и тех, что увядат к звездам. С благодарностью вспоминает поэт свои школьные годы. Трепетное чувство вызывает у него посещение школы, где он когда-то учился:

Вот мы и встретились опять,
Просторный школьный класс.
Не повернется время вспять.
Кто старше стал из нас?

Ты меньше кажешься теперь;
Но с тех давнишних пор
Я разглядел в тебе, поверь,
Невиданный простор.

(Пер. В. Луговского)

Как в стихах для взрослых, так и в стихах для детей Б. Вагабзаде «горячо волнует путь человеческого познания, восхищают гениальные вер-

шины разума»¹. Стихотворения поэта на школьную тему созвучны близким по теме произведениям Сабира. Привязанность к школе оценивается как проявление патриотического чувства. Все, связанное с учебой, наполняется в его представлении особым значением и смыслом. Так, лирический герой поэта ни за что не желает расставаться со своим старым, потрепанным изрядно портфелем:

Нет, не брошу старика.
В школу он со мной бежал,
Возле парты ждал звонка.
Кто «пятерку» нес домой?
Кто по швам трещал от книг?
Кто весь год дружил со мной,
Не покинув ни на миг?
Нет, не выброшу за дверь
Этот старенький портфель!

(Пер. Ю. Мориц)

Проза в азербайджанской литературе не имела столь давних и прочных традиций, как поэзия. Это обстоятельство сказалось в том, что освоение новых тем, нового содержания в детской прозе советского периода шло, в сравнении с поэзией, более замедленными темпами. В 20—30-е годы многие авторы еще не решались отойти от сюжетов, связанных с исторической тематикой или фольклором. В изображении прошлого преобладал метод критического реализма.

Одним из первых, кто утверждал в азербайджанской прозе социалистический реализм, был народный писатель Азербайджана, прозаик, драматург и критик **Мехти Гусейн** (1909—1965). Он родился в селе Шихлы в семье учителя и еще в детстве перенял от отца идеалы передовой национальной интеллигенции, связывавшей надежды на освобождение и возрождение азербайджанского народа с просвещением масс и борьбой народов России против царизма и капитализма.

Учился М. Гусейн в учительской семинарии, затем в Азербайджанском государственном университете и в Московском институте кинематографии. В 1927 году он опубликовал свои первые рассказы, посвященные строительству новой жизни в азербайджанской деревне.

Более всего М. Гусейн известен как автор романов «Половодье» (о партизанском движении против мусаватистов, армянских дашнаков и грузинских меньшевиков), «Утро» (о революционном движении в Азербайджане), «Тарлан» (о роли большевиков в становлении Советской власти в закавказской деревне), «Беспокойный город» (о борьбе трудящихся Баку в годы реакции после революции 1905 года), «Апшерон» и «Черные скалы» (о самоотверженном труде советских нефтяников, об авангардной роли рабочего класса в созидании развитого социалистического общества). За роман «Апшерон», переведенный более чем на двадцать языков мира, М. Гусейн был удостоен Государственной премии СССР.

¹ Егор Исаев. Предисловие к сборнику Б. Вагабадзе «Мы на одном корабле». Баку, Язычи, 1983, с. 3.

Вошедший в школьные хрестоматии рассказ М. Гусейна «Хоп-хоп» рисует образ азербайджанского Гавроша, мальчишки Полада из рабочей семьи, который помогает революционерам распространять газеты и журналы революционно-демократического направления. Большое влияние на Полада оказывают его взрослые друзья — известный поэт Сабир и будущий бакинский комиссар Мешади Азизбеков, один из легендарных Двадцати шести, расстрелянных врагами революции в 1918 году.

Не только Полад находит в Сабире и Мешади Азизбекове добрых наставников, учителей жизни, открывающих ему глаза на мир, где временно торжествует зло, с которым лучшие, честнейшие люди не хотят мириться и не шадят жизни ради его уничтожения. Благодаря мальчику, завязывается дружба и между двумя великими сынами азербайджанского народа: поэтом и революционером-политиком.

Правда, которую осмеливаются открыто говорить журнал «Молла Насреддин» и другие прогрессивные издания, страшит хозяев и ревнителей старого мира больше, чем бомбы террористов-народовольцев. В ослеплении злобы и ненависти враги убивают Полада, подло подсывая ему яд. Но эта жестокая расправа над подростком говорит отнюдь не о силе, а о слабости власть имущих, об их животном страхе перед накатывающим валом Революции.

К теме революции обращается и один из крупнейших прозаиков Азербайджана **Мир Джалал Али оглы Пашаев** (1908—1978). Он родился в крестьянской семье, мальчиком вместе с родителями переехал в Гянджу (Кировабад), там закончил семинарию и начал преподавать в школе. После революции Мир Джалал окончил университет и аспирантуру, защитил докторскую диссертацию, написал ряд монографий и учебных пособий, читал курс лекций в университете.

Уже первый его роман «Воскресший человек» (1935) привлек внимание читателей. В нем писатель показал судьбу деревенского юноши Кадыра, наивного, доверчивого, добросердечного, который при мусаватистском режиме проходит школу гражданского прозрения и возмужания и становится на путь активной борьбы за Советскую власть.

Юным читателям адресована повесть Мир Джалала «Манифест молодого человека» (1939) — классическое произведение азербайджанской прозы 30-х годов.

В центре повести — образ батрака Мардана. Не выдержав издевательств и оскорблений помещика Хаджи Ибрагим Халила, Мардан убегает его и вынужден бежать из деревни в город. Писатель рисует, как простой малограмотный крестьянский парень постепенно превращается в сознательного революционера. Его ненависть к Хаджи Ибрагим Халилу, его мечта вызволить из пут бедности свою мать Сону и младшего брата Бахара находят выход в вооруженной борьбе против сил старого мира.

Во главе революционного отряда Мардан возвращается в родную деревню и узнает, что его брат умер от голода. Судьбу Бахара писатель характеризует как «роман слез». Мальчик постоянно подвергается избиениям со стороны более взрослого и сильного Агарашада — сына богача Хаджи Ибрагим Халила. Когда Сона, глядя на избитого Бахара, спрашивает, в чем он провинился, Мардан отвечает: «Вина Бахара очень велика.

Его вина — бедность. Есть ли в этот век вина более тяжкая, чем бедность?!»

Замечательный народный характер азербайджанской матери-крестьянки запечатлел прозаик в образе Соны. Никакие лишения и унижения не могут сломить гордый дух этой женщины, которая, кажется, само олицетворение добра и справедливости. Как бы ни гнула ее судьба, она из последних сил защищает честь своих сыновей, ни в чем не поступается собственным человеческим достоинством.

Страстный призыв в защиту детства от бесчеловечности собственника, ото всего, что порождено косностью, фанатизмом и отсталостью, социальным неравенством, звучит в творчестве **Таги Шахбази Симурга** (1892—1937) — признанного мастера азербайджанской новеллы, художника ярко выраженной гражданской направленности.

Первые рассказы Симурга опубликовал в 1914 год, будучи студентом медицинского факультета Харьковского университета. В советское время он был секретарем Центрального Исполнительного Комитета Азербайджана, ректором Азербайджанского государственного университета, главным редактором республиканского журнала «Революция и культура». В своих новеллах «Словно птицы свободные», «Две печали», «Пастух Шекерали», «В мире несправедливости», «Гаджи-Салман», «Рабыня господина», «Под страхом», «Несчастье в доме Мешади Кадима» и других писатель изображает исполненный драматизма процесс утверждения новой коммунистической морали, новых отношений в быту, в семье, в общественной жизни. В повести «Враги» он рисует острую классовую борьбу в азербайджанской деревне в период коллективизации.

Рассказ Симурга «Ножницы» — одно из самых сильных произведений азербайджанской детской литературы 20-х годов. В нем повествуется о судьбе сироты Мамеда, взятого на воспитание доброй Гюльджухан. Деспотичный и не ведающий милосердия хозяин дома Мешади Салман смотрит на приретеого в его семье мальчишку как на слугу, требует, чтобы тот беспрекословно исполнял все его прихоти, жестоко наказывает за малейшую оплошность. Ощущая полную зависимость от Мешади Салмана, мальчик покорно сносит унижения и издевательства, изо всех сил старается угодить крутому нраву хозяина. И конечно, он никому, даже Гюльджухан, не рассказывает, как издевается над ним Мешади.

В конце концов Мешади Салман, убежденный в своей правоте и безнаказанности, опускается до преступления. В доме куда-то запропастились ножницы. И озверевший хозяин, заподозрив в их краже сироту Мамеда, бросает мальчика в раскаленный тендир — печь из глины или кирпича, где выпекают хлеб. Мамеда спасают соседи, услышавшие отчаянный крик гибнущего ребенка.

Этот факт, быть может и не такой уж сенсационный в условиях дореволюционной азербайджанской действительности, кажется особенно страшным именно потому, что действие рассказа отнесено к первым годам Советской власти. Мамеда отправляют в больницу, а после лечения для мальчика начинается новая жизнь в детском доме, где материнская забота государства возвращает ему отнятое Салманом детство.

Идея рассказа в том, что деспотическая и жестокая власть Мешади Салмана — этого отвратительного порождения старого мира — над

Гюльджахан, над Мамедом и вообще над кем бы то ни было после революции иллюзорна. Эта иллюзия развеивается, едва воздух обновленной действительности проникает за плотно закрытые двери дома, в котором Мешади пока еще чувствует себя безраздельным владыкой. Ведь за стенами этого дома действуют совсем иные — человеческие, разумные — законы, господствует иная, гуманная мораль.

В биографии **Мирзы Аждар оглы Ибрагимова** (р. 1911) как бы символически воплотилась судьба Азербайджанского народа, возрожденного Октябрем. Отец Мирзы, крестьянин-бедняк, в поисках куска хлеба приехал на заработки в Баку, вскоре заболел и умер. Поэтому Мирза с восьми лет должен был батрачить у кулака. Однако с приходом народной власти он не только получил высшее образование, защитил кандидатскую диссертацию, но и стал известным прозаиком, драматургом, публицистом, литературоведом и переводчиком, крупным государственным деятелем. Народный писатель Азербайджана, академик Академии наук Азербайджанской ССР, Мирза Ибрагимов не однажды избирался депутатом Верховного Совета СССР, был Председателем Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР, председателем Союза писателей республики. С 1977 года он — председатель Советского Комитета стран Азии и Африки.

Широкую известность получили драмы М. Ибрагимова «Хаят», «Мадрид», «Махаббат», «Хороший человек», «Разгорающийся костер», комедия «Деревенщина». Его романы «Наступит день», «Великая опора», «Перване» принадлежат к лучшим страницам азербайджанской прозы. Открытием новых тем и героев стали рассказы писателя «Воля», «Восстание Чандры», цикл «Южных рассказов», созданных по впечатлениям военных лет, когда М. Ибрагимов редактировал выходившую в Тебризе (Иран) красноармейскую газету «За Родину». Мирза Ибрагимов также автор монографии «Великий демократ» о Дж. Мамедкулизаде, статей о творчестве Низами, Насими, Физули, М. Ф. Ахундова, Вагифа, Пушкина, Исаакяна и других классиков мировой литературы. Он перевел на азербайджанский язык роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», драму А. П. Чехова «Три сестры», пьесы В. Шекспира «Король Лир» и «Двенадцатая ночь», ряд других произведений.

«Я очень люблю детскую литературу, — признается М. Ибрагимов в одном интервью, — истоки моей любви к ней уходят в далекое детство. Как у большинства людей, в частности у писателей, она связана со сказками, услышанными в раннем детстве от матери, от разных дядюшек и тетушек в зимние вечера у юрси¹. Затем, повзрослев и обучаясь в школе, я приобщился к произведениям для детей наших бессмертных классиков Низами, Закира, Сеида Азима Ширвани, Сабира, Абдуллы Шанга и других. И сейчас по мере возможности, хотя и не совсем регулярно, читаю стихи, рассказы, повести для детей, иногда и сам для них пишу².

Для детей написан рассказ М. Ибрагимова «Тетья Пери и Ленин». Тетья Пери характером и судьбой напоминает тетушку Соню из повести Мир Джалала «Манифест молодого человека». Богач Шахбаз-бек за непокорность разоряет дом тети Пери, прогоняет ее из деревни вместе с мужем Кя-

¹ Юрси — азербайджанская печь.

² Баруздина Р. Золотая роза. — «Детская литература», 1982, № 4, с. 10.

зымом-киши и сыном Назимом. Однако на этом сходство героинь кончается. Под влиянием Вели — бывшего батрака Шахбаз-бека, тетя Пери заочно знакомится с Лениным. Идеи, за которые борются Ленин и его партия, оказываются удивительно близкими тете Пери: словно великий вождь трудящихся узнал всю жизнь ее семьи, ее мысли, увидел ее слезы и пережил ее боль. У немолодой азербайджанской крестьянки открываются глаза на социальные причины ее бед и несчастий. Ненависть к Шахбаз-беку перерастает в душе тетушки Пери в осознанную классовую ненависть ко всем паразитам-эксплуататорам.

Любовь азербайджанского народа к Владимиру Ильичу Ленину, верность бакинского пролетариата и всех трудящихся республики идеям и делу ленинской партии большевиков сумел передать в своих рассказах и повестях для детей **Гылман Илькин** (р. 1914) — прозаик и сценарист, автор романов «Восстание в крепости» и «Северный ветер», повести «На путях жизни» и других произведений. Лучшие из его рассказов о Ленине («Фотограф», «Корзина», «Подарок») опираются на реальные факты из жизни вождя, показывают простоту, скромность, искренность гения революции.

В повести «На путях жизни» Г. Илькин описывает детство и юность великого азербайджанского прозаика и драматурга Наджаф-бека Везирова. Рисую многочисленные препятствия, которые встают на пути юного героя к знанию и культуре, писатель показывает рост и возмужание личности незаурядной, целеустремленной, волевой, нравственно цельной.

Ряд рассказов Г. Илькина («Учитель истории», «Его ученики», «Новый ученик») посвящены школе. Их воспитательное значение в том, что они поднимают авторитет знания, рассматривают проблемы взаимоотношений внутри подростковых коллективов и между учащимися и учителями.

Сын рабочего-нефтяника **Эйнулла Агаев** (1907—1978) пришел в литературу в годы первых пятилеток. В 1942 году он выпустил первый сборник рассказов. После войны в течение восемнадцати лет был редактором республиканской детской газеты «Азербайджан пионеры». Революция, гражданская война, наследование и продолжение славных революционных традиций новыми поколениями — таковы главные темы писателя.

В его рассказах юные читатели встречаются с образами известных борцов за Советскую власть в Азербайджане Али Байрмова и Чингиза Ильдырма. Участие сельских ребят в классовой борьбе, созданию первых пионерских организаций и их деятельности посвящена повесть Э. Агаева «Буденовка». Юный герой повести Горхмаз, которого за преданность революционным идеалам зовут Вуденовцем, вместе со своими друзьями Ягмуром, Булудом и другими смело и решительно противостоит сельским богатыям. Ребята срывают их планы по ослаблению народной власти. Горхмаз во всем хочет быть похожим на своего отца-революционера.

Повесть «Буденовка», писал поэт Т. Махмуд, — одна из любимых книг школьников и пионеров Азербайджана¹.

В повестях «Шалуны» и «Молния в горах», в рассказах «Богатырь моря», «Гюльпери», «Смелая девушка», «Происшествие в дороге», «Малень-

¹ Махмуд Т. О детях-героях. — «Детская литература», 1972, № 6, с. 14.

кий чекист» и др. Э. Агаев раскрывает высокие моральные качества советских людей, — взрослых и совсем юных, живших в прошлые десятилетия и живущих ныне, — их верность коммунистическим идеалам, любовь к Родине, дружескую спайку, доброту, человечность.

С повести на историко-революционную тему «Усатый ага» начался в 1937 году творческий путь Сулеймана Велиева (р. 1916) — известного прозаика и человека легендарной судьбы.

Родился Сулейман Велиев в поселке Раманы на Апшеронском полуострове. Раманы недаром называют в народе музеем революции. Здесь на старых нефтепромыслах обретал политическую зрелость один из передовых отрядов бакинского рабочего класса. Здесь вели большевистскую агитацию видные деятели революции Гамид Султанов, Мамед Мамедьяров, Быглы ага (Усатый ага — Аббас Алиджан), Амир Багиров. На поселковом медпункте одно время работал фельдшером Серго Орджоникидзе. Издавалась подпольная большевистская газета «Гудок».

Отец и дед Велиева были потомственными нефтяниками, участвовали в стачках и забастовках, руководимых большевиками, радостно приветствовали Октябрьскую революцию. Сулейману было четыре года, когда над центральной башней старинной крепости, возвышающейся на холме, у подножия которого раскинулись Раманы, взвился алый флаг — символ окончательной победы в Азербайджане Советской власти.

Не сразу налаживалась новая жизнь. Вместе со сверстниками, такими же, как он, детьми рабочих, Сулейман бегал к небольшому соленому озерцу на окраине поселка — такие озера по-местному называются *шорами* — собирать натекшую в него из соседних скважин нефть. «Придешь на шор, опустишь тряпку в липкую жижу, — вспоминал писатель, — и терпеливо ждешь, когда она пропитается нефтью. А потом выжмешь тряпку над ведром и снова опустишь ее в шор. Руки от усталости заноят, спина не разгибается, а ведро наполнено лишь наполовину. Находились, конечно, охотники скупать у ребят горячее за бесценок»¹.

Писать Сулейман Велиев начал еще в школьные годы. «Первый, кому я читал свои рассказы, был мой отец, — говорится в автобиографических заметках прозаика. — Хоть и малограмотный, но он любил читать, знал много сказок, притч, народных поговорок. Разумеется, отец не разбирался в тонкостях литературного языка и стиля, но у него было природное чутье к слову, и от его слуха не ускользали фальшивые интонации, манерность, вычурность, нарушающие естественность речи»².

Основой для «проб пера» Велиева-школьника служили сказки и различные житейские истории, рассказанные отцом и его друзьями-рабочими. Однажды отец вернулся из Баку в подавленном настроении. У него вытащили из кармана кошелек с деньгами. В ту пору шестнадцатилетний Сулейман уже сам начал работать на промысле по примеру отца и деда. Он хорошо знал цену трудовой рабочей копейке. Из сочувствия семье, из ненависти к неведомому жулику родился его рассказ «Сберегательная касса».

¹ Вслух про себя. Сборник статей и очерков советских детских писателей. Кн. 2-я. М., 1978, с. 53.

² Там же, с. 52.

Несколько одобренных отцом вещей Велиев показал писателю Сеиду Гусейну, который руководил в Раманах литературным кружком. Сеид Гусейн выделил из всех рассказов «Сберегательную кассу». И после доработки он был напечатан в одном из номеров журнала «Худжум» («Атака») за 1932 год.

Повесть «Усатый ага», главным героем которой стал Аббас Алиджан, революционер-подпольщик, друг отца автора, тоже выросла из реальных фактов, о которых Велиев услышал в детстве от старших. «Отец и его друзья-рабочие, — сообщает писатель, — рассказывали мне об игре «хан-хан», очень популярной в Раманах и на всем Апшероне среди трудового люда в дореволюционное время. Это было своего рода представление, исполнявшееся обычно перед праздником Новруз-байрам. Главной в этой игре была роль хана-повелителя. Он восседал на козлах фэтона, в котором сидело еще трое его помощников, включая музыкантов-зурначей. Если хан приказывал танцевать, все, кто слышал эту команду, должны были пускаться в пляс. Всякому было известно, что исполнявший роль хана-повелителя на празднике обладал неограниченными правами. Он мог первого попавшегося на глаза человека оштрафовать. Если кто-либо отказывался выполнить его приказание, под общий хохот «стража» наказывала виновного ударами турны (плети), причем количество ударов соответствовало сумме штрафа. Почти всегда штрафовались те, у кого водились деньги. И чем богаче был ослушавшийся хана, тем больше с него взымалось. Знали бы богатеи, куда шли собранные деньги! Народная игра «хан-хан» использовалась революционерами для сбора средств на нужды революционного подполья. Это подробно описано мною в повести «Усатый ага»¹.

В работе над повестью молодому писателю очень помог существовавший тогда в Баку «кабинет рабочего автора», которым руководил известный писатель, литературовед Идаят Эфендиев. Но главные «университеты» Велиева еще были впереди. В 1938 году его призвали в армию. Через год он принимает участие в освобождении Западной Украины. Тогда же во Львове знакомится с Вандой Василевской и Алексеем Толстым.

Эти встречи оставили глубокий след в жизни писателя. Алексей Толстой прочел несколько рассказов Велиева и высказал ряд замечаний. «Его похвала, — вспоминал Велиев много лет спустя, — породила уверенность в своих силах, окрыляла; его критика заставляла трезво взглянуть на первые успехи»². Ванде Василевской молодой прозаик подарил свою книгу «Усатый ага». Впоследствии они состояли в дружеской переписке, обменивались новыми книгами. С. Велиев перевел детскую повесть писательницы «Вербы и мостовая».

Еще прежде С. Велиев познакомил в своем переводе азербайджанских ребят со «Сказкой о военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твер-

¹ Вслух про себя. Сборник статей и очерков советских детских писателей. Кн. 2-я. М., 1978, с. 52.

² Вслух про себя... Кн. 2-я. М., 1978, с. 53.

дом слове» А. Гайдара. Эта маленькая книга имела большой успех. В бакинских школах тогда часто звучали чеканно-песенные, похожие на торжественную клятву строки:

Плывут пароходы — салют Мальчишу!
 Пролетают летчики — салют Мальчишу!
 Пробегают паровозы — салют Мальчишу!
 А пройдут пионеры — салют Мальчишу!

Трудно переоценить значение гайдаровской сказки, столь своевременной переведенной в те дни, когда над страной сгустились тучи фашистского нашествия и за школьными партами сидели будущие защитники Родины — завтрашние герои Великой Отечественной войны.

Военно-патриотическому воспитанию служила и изданная в 1939 году повесть С. Велиева «Кулик». Действие ее происходит в канун революции. В основе — реальные события, случившиеся в Раманах. «Узнав историю короткой жизни мальчика, погибшего от пули хозяйского сына, — рассказывает писатель, — я уже не мог успокоиться, пока не написал о юных героях: раманинском Гавроше — Ибише, прозванном Куликом, его приятеле Джаби и других. Эти ребята помогали своим отцам и старшим братьям-революционерам. От них неотделимо мое представление о революционном прошлом моих родных Раманов, моего родного рабочего Баку»¹.

Фаррух, сын хозяина нефтепромысла Мусы-киши, не может спокойно смотреть, как его сверстники, дети рабочих, чтобы хоть как-то помочь бедствующим семьям, собирают с поверхности солончакового шора потеки нефти и ловят куликов со слипшимися от нефтяной пленки крыльями. Фаррух называет сына Гулу Ибиша вором:

«— Ты еще не стесняешься, разговариваешь, среди белого дня воруюшь нефть моего отца.

— Тебе и этого жаль? Я эту нефть собрал с поверхности солончака, ни из колодца твоего отца ее не вытаскивал, ни из его чанов. Если мы не соберем эту нефть, она так и пропадет.

— Не пропадет, я тебя заставлю собирать. Три части будешь отдавать моему отцу, а одна часть останется тебе.

— Ну, это уж слишком!

— А то как же?! Все, что здесь есть, принадлежит моему отцу. И ты в его власти.

— Ладно, ну, а ловить куликов на солончаке, как, разрешаешь?

— Конечно, и этого нельзя. Если б не было вышек моего отца, не было бы и солончака. А если б не было солончака, то и кулики бы сюда не садись. Значит, и кулики наши. Эти места, эта земля — все наше».

В детском споре, подобно тому, как в маленьком зеркале отражается большой мир, виден накал непримиримых классовых противоречий, разделяющих капиталиста Мусу-киши и эксплуатируемых им рабочих. Не такой уж он детский, этот спор, если в конце концов стремление Фарруха утвердить хозяйскую власть отца даже на пролетных птиц и на вылившуюся на землю нефть приводит к тому, что Фаррух стреляет в Ибиша из от-

¹ Вслух про себя... Кн. 2-я. М., 1978, с. 53.

цовского охотничьего ружья. Гибель Ибиша становится последней каплей, переполняющей чашу терпения рабочих. Они поднимаются на борьбу. Их настроение выражает песня о Гавроше из Раманов, звучащая как клятва довести борьбу с угнетателями до победного конца:

Хотел ты кулика поймать,
Но сам, Ибиш, в беду попал.
Зовет тебя, рыдает мать.
Ты дней свободы не узнал.
Но нам тебя не позабыть.
И тесен над могилой круг.
Мы за тебя, наш верный друг,
Врагу сумеем отомстить!

Повесть «Кулик», пожалуй, наиболее известное из произведений С. Велиева для детей. Она много раз выходила в Азербайджане, переведена на ряд языков народов СССР, неоднократно издана на русском языке, в том числе в самой массовой серии — «Школьная библиотека».

С первых дней Великой Отечественной войны Сулейман Велиев на фронте.

«Война, любая война ломает человеческие судьбы, — пишет прозаик Леонид Жуховицкий в предисловии к одной из книг С. Велиева. — Очень часто от человека не зависит, где жить, где бороться, — этим распоряжается беда, распоряжается случай.

Но у человека, рядового человека, такого крохотного перед ликом всемирной трагедии, остается тем не менее право решать, как жить, с кем бороться.

Этим правом Сулейман Велиев воспользовался в полной мере.

Оказавшись после контузии в фашистском плену, он и в концлагерях ощущал себя не жертвой, а бойцом. Каждый день, каждую минуту он был готов к побегу — не случайно первая же попытка оказалась удачной.

В отряде имени Джузеппе Гарибальди партизан-азербайджанцев сравнивали с сицилийцами: такие же смуглые и такие же смелые.

Первое ранение Сулейман Велиев получил в Крыму, под Керчью. Последний выстрел сделал в Италии, в бою за город Касталино.

К сожалению, этим выстрелом война для него не кончилась.

...Путь на родину для партизана Силы — так называли Сулеймана товарищи по отряду — окончился счастливо, но был долог и тернист. Пересильные лагеря, Неаполь — увь, за колючей проволокой, трюм парохода, плывущего в Египет, Каир — опять за воротами лагеря... Затем было Красное море, Индийский океан, Ирак и Иран.

Лишь потом — родина...»¹

Пережитое за годы, каждый из которых, по признанию писателя, равен десятилетиям, отразилось в книге воспоминаний «Путь на родину», в романе «Триглав, Триглав...» и цикле «Арабских рассказов». Теме Великой

¹Братство народов и литератур. Азербайджанская литература в русской советской критике. Баку, 1981, с. 248.

Отечественной посвящена и повесть С. Велиева «Созвездие Уста Пири».

В послевоенные годы писатель несколько лет жил и работал в Иркутске. С того времени Сибирь прочно вошла в его сердце и книги, а дружба с писателями-иркутянами Георгием Марковым, Иваном Молчановым-Сибирским, Павлом Маляревским, Гавриилом Кунгуровым, Агнией Кузнецовой, Игнатием Дворецким обогатила его жизнь и творчество новыми чувствами и красками.

Роман С. Велиева «Узлы», действие которого происходит в наши дни, сюжетно как бы продолжает судьбы юных героев повестей «Усатый ага» и «Кулик». Не забывает писатель и маленьких читателей. Для них написан рассказ «Неожиданное письмо», повествующий о том, что сегодняшняя дружба народов Советского Союза и ГДР — продолжение и развитие тех интернациональных основ, которые закладывались и поддерживались немецкими коммунистами и антифашистами еще со времен Э. Тельмана.

«В 1967 году, — рассказывает писатель, — мы с сыном Сейраном совершили путешествие по Азербайджану. Степной простор, долины, реки, горы и леса — все было для Сейрана новым и интересным, все вызвало удивление, восторг. И я старался увидеть природу моей республики его глазами»¹.

Затем последовали другие поездки автора по родной республике, многочисленные встречи с тружениками Сумгаита, Нефтяных Камней, с покорителями голубого огня Карадага, хлопкоробами, чабанами. В результате родилась художественно-публицистическая книжка «Огни на Каспии», знакомящая советских ребят с историческим прошлым и сегодняшним днем Азербайджана, с его природными и культурными богатствами, с его замечательными людьми. Она вышла на русском языке в популярной серии «Ты по стране идешь».

Перу С. Велиева принадлежат также книги для детей «Букет роз» и «Вкус жизни». Адресованный дошкольникам рассказ писателя «Мечта Пири» дает самые первые сведения о нефти, которую, пожалуй, несправедливо называют «черным золотом». Ибо золото — это всего лишь золото, тогда как без энергии люди жить не могут и никакой прогресс немислим. А нефть — это не только энергия, но и еще сотни необходимых людям веществ и вещей.

Есть у С. Велиева и совсем небольшие рассказы, в чем-то повторяющие форму восточной миниатюры — короткой басни или притчи, — вроде «Песни листочка», герой которой, маленький листик, хочет петь один, отдельно от всего дерева, потому что никто из собратьев-листьев ему не нравится. Конец этой эгоцентрической поначалу песенки звучит покаянно. При этом автор отнюдь не морализирует. Он просто показывает, что наказание заносчивости эгоистов-одиночек в самом их одиночестве, в духовной изоляции от мира.

Книги С. Велиева любят не только на родине писателя. Они переведены на русский, киргизский, молдавский, украинский и другие языки народов СССР, известны за рубежом.

...Как верно заметила однажды Мирварид Дильбази, «детская литера-

¹ Вслух про себя... Кн. 2-я. М., 1978, с. 59.

тура в некотором смысле похожа на азбуку. На азбуку науки, культуры, разного знания. С помощью этой азбуки дети вступают в мир, который человечество создавало на протяжении долгих веков, — мир творчества; с помощью мудрых ключей — этих волшебных «букв» — начинают овладевать этим огромным сокровищем».

Продолжая сравнение М. Дильбази, можно сказать, что художественная детская литература, рассказывающая ребятам о том, что было в мире до их рождения, есть, в сущности, азбука истории. Не усвоив этой азбуки в детстве, человек в лучшем случае вызубрит, а потом и забудет какой-то минимум дат, цифр, имен и событий из школьного учебника. Но он никогда не научится по-настоящему читать «книгу прошлого», извлекая из нее уроки для настоящего и будущего.

Неоспоримая заслуга нашей детской литературы в том, что она пробуждает и поддерживает у малышей и подростков стойкий интерес к бытию. Ленинградский педагог В. Томарнатский предложил ученикам нескольких школ следующий вопросник:

1. Любите ли вы книги, рассказывающие об истории?

2. Если любите, то за что именно?

3. Какая тема привлекает вас в книгах о прошлом больше всего?

Подавляющее большинство из двухсот опрошенных ответили на первый вопрос утвердительно. Объясняя свою любовь к историческому жанру, ребята писали: «Изучать историю моего народа мне очень интересно. Я хочу знать, как жили наши предки, как они работали»; «Из книг я узнаю, как люди трудились, как боролись против своих врагов»; «В научных исторических книгах люди изображаются сухо, как каменные. Но когда они бывают для нас живыми героями произведения, и их самих, и историю можно легче понять».

Для сегодняшних школьников Великая Отечественная война — это, конечно, история. Как исторические воспринимаются не только книги о войне, написанные с дистанции времени в два, три или даже четыре десятилетия, но и те, что создавались писателями по горячим следам событий, по собственным сиюминутным впечатлениям.

В числе наиболее ярких произведений азербайджанской детской литературы, посвященных незабываемому времени Великой Отечественной войны, — рассказ «Детский дом имени сержанта Иванова» одного из патриархов азербайджанской литературы **Мамеда Сеида Ордубади** (1872—1950).

Отец М. С. Ордубади был учителем и поэтом, человеком широко образованным. Он с малых лет обучил сына грамоте, научил говорить по-персидски и по-арабски. Но его ранняя смерть прервала счастливое детство мальчика. Чтобы зарабатывать на хлеб, Мамеду Сеиду пришлось идти в услужение к богатым людям. Позднее он учился в школе, которую открыл в его родном селении Ордубаде просветитель М. Г. Сидги. Там, помимо восточных языков и литератур, неплохо было поставлено также изучение русской и европейской культуры.

В начале творческого пути М. С. Ордубади известен как поэт и революционно-демократический публицист. За «крамольные» выступления в журнале «Молла Насреддин» и других прогрессивных дореволюционных изданиях он был привлечен царским правительством к суду и накануне

первой мировой войны выслан в Царицын под гласный надзор полиции.

В 1918 году Ордубади вступает в ряды Коммунистической партии, активно включается в партийную работу по строительству новой социалистической культуры. Он редактирует газеты и журналы, пишет революционные пьесы для театров, стихи, фельетоны, статьи. А в 30-е годы становится одним из пионеров эпической национальной прозы. М. С. Ордубади — автор широко известных романов «Тавриз туманный», «Борющийся город», «Подпольный Баку», «Меч и перо», посвященных революционному движению в Иранском Азербайджане, разбуженном русской революцией 1905 года, борьбе бакинского пролетариата против капиталистической эксплуатации и за установление Советской власти, роли русских большевиков, и в частности С. М. Кирова, в восстановлении народного хозяйства республики после гражданской войны и изгнания мусаватистского правительства националистов, предавших интересы трудового народа. Последний роман Ордубади — «Меч и перо» — переносит читателя в эпоху Низами Гянджеви.

Рассказ Ордубади «Детский дом имени сержанта Иванова» прекрасен своей глубокой человечностью. Шутливую табличку со словами, вынесенными в заглавие рассказа, привесили солдаты к броне танка, которым командует сержант Иванов — человек безоглядно смелый, застенчивый и добрый. Поводом для веселой красноармейской шутки стал поступок сержанта, взволновавший воинов его танковой части.

Иванов спас в бою в разрушенной дотла деревне двух осиротевших детей. До прибытия армейских тылов он поселил их у себя в танке, заменил убитых фашистами родителей. Жене он пишет: «Наташа, поздравляю тебя. Теперь у нас есть восьмилетняя красавица дочь Вера и четырехмесячный пухленький сынок Вовка». Из письма ясно, что если танк стал домом спасенных детей лишь на короткое время, то сердце свое, как и свой настоящий, тыловой, мирный дом, сержант Иванов отдал Vere и Вовке навсегда. Скоро Иванов пойдет в очередное сражение на своем танке, а детей отправят к Наташе.

В ряду произведений азербайджанской прозы для детей, рассказывающих о героизме советских людей в схватке с германским фашизмом, заметно выделяется повесть И. Касумова и Г. Сеидбейли «На дальних берегах». Написанная в творческом содружестве двух писателей, она стала высшим литературным достижением для каждого из ее соавторов.

Имран Ашум оглы Касумов (1918—1981) вошел в литературу во второй половине тридцатых годов как автор киносценариев и пьес из жизни бакинских нефтяников. В послевоенные годы он был удостоен Ленинской премии за участие в создании художественно-документальных фильмов «Повесть о нефтяниках Каспия» и «Покорители моря».

С кино связана и биография **Гасана Мехти оглы Сеидбейли** (1920—1982), который с начала 40-х годов выступает как режиссер и сценарист. Но Г. М. Сеидбейли известен также и своими прозаическими произведениями — повестями «Сельский врач», «Телефонистка», романом «С фронта на фронт» и др.

Совместно с И. А. Касумовым им написаны пьеса «Море любит отважных» и повесть «На дальних берегах» (1954). Успех последней не случаен. Он еще раз убедительно доказывает давнюю, но подчас забываемую исти-

ну: по-настоящему глубокое художественное исследование прошлого невозможно без тесной, органической связи писателя с современностью, с ее постоянно меняющимися делами и заботами, с замечательными людьми, которые сами создают свое время и характеры которых выковываются в неослабевающем противостоянии враждебным внешним обстоятельствам и собственным недостаткам.

«Романтика подвига — трудового, ратного, научного — источник вдохновения Ирана Касумова, — писал Г. Мдивани. — Находясь в гуще народной жизни, близко общаясь с нефтяниками, строителями, учеными, молодежью города Баку, вникая в их думы и настроения, он вместе с писателем и кинорежиссером Гасаном Сеидбейли создал повесть «На дальних берегах», которая затем была переработана в спектакль и фильм, повествующий о легендарном партизанском разведчике «Михайле», совершившем удивительные подвиги в рядах итало-югославского движения Сопrotивления»¹.

Прототипом главного героя повести стал Мехти Гусейнзаде — герой Советского Союза, народный герой Югославии, чей бронзовый памятник стоит ныне на одной из просторных бакинских площадей и чье имя носят в нашей стране суда и школы, колхозы и пионерские отряды, о ком по сию пору старые бойцы итальянского Сопrotивления рассказывают легенды.

В детстве Мехти был читателем журнала «Пионери», приносил в редакцию свои первые стихи, волнуясь, ожидал «приговора» редактора, радовался, когда стихотворение появлялось на страницах любимого журнала. Потом Мехти Гусейнзаде стал художником, преподавал рисование в училище. На фронт ушел с первых дней войны. Затем были ранение, плен, побег из фашистского лагеря смерти, партизанский отряд в горах на границе между Югославией и Италией.

Мехти Гусейнзаде и Сулейман Велиев воевали в одних краях, в отрядах, действовавших по соседству. Но долгое время подвиг погибшего смертью храбрых партизана «Михайлы» не был известен у него на родине. Писательский поиск И. Касумова и Г. Сеидбейли вернул благодарной памяти соотечественников имя одного из самых славных сынов азербайджанского народа — патриота, интернационалиста, до конца исполнившего свой гражданский и человеческий долг.

Авторы рассказывают не только о боевых подвигах М. Гусейнзаде-Михайлы. В книге подробно описаны детство героя, его школьная жизнь, взаимоотношения с родителями, учителями, товарищами. Уже в детстве проявляются такие качества Мехти, как верность в дружбе, ярко выраженное чувство человеческого достоинства, прямота, смелость. Однажды учитель несправедливо выгоняет Мехти с урока. И мальчик идет к директору школы, упрямо отстаивая правду.

Воюет с врагом он храбро и умело, не щадя собственной жизни, грудью готовый защитить товарищей. Своим примером он заражает других. Именно поэтому его боевые друзья итальянка Анжелика и болгарин Веселин идут за него на смерть. Но и он поступает, как настоящий советский человек. Когда враги окружили его в деревне, он мог бы в последний момент уйти незамеченным, спастись. Но, услышав, что враги расстреляют

¹ Братство народов и литератур... Баку, 1981, с. 229.

каждого десятого жителя деревни, если те его не выдадут, он сам выходит из укрытия и отдаст себя на казнь гитлеровским палачам. Погибая, он спасает десятки ни в чем не повинных людей.

Уже после выхода книги М. Гусейнзаде было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, и началась его новая, отныне уже бессмертная, жизнь: в сердцах и делах оставшихся в живых соратников по антифашистской борьбе, в сердцах и делах молодежи, подростков, поколений сегодняшних и завтрашних.

Уходит в бессмертие, подобно партизану Михайле, и героиня рассказа **Энвера Мамедханлы** (р. 1913) «Памятник изо льда».

Энвер Гафар оглы Мамедханлы, как и И. Касумов, начал свой творческий путь книгой о нефтяниках. Его повесть «Водоворот» была опубликована в 1934 году. Закончив перед войной Всесоюзный государственный институт кинематографии, он много писал для кино и театра, переводил на азербайджанский язык А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, М. Горького, В. Шекспира, Г. Флобера, Т. Драйзера. Еще в 30-е годы писатель выступил с рядом новелл («Бакинские ночи», «Афаг», «Незакатное солнце» и др.), которые привлекли внимание юных читателей романтической настроенностью, необычной яркостью стиля.

Эти качества в высокой степени проявились в рассказе «Памятник изо льда». Необычен сюжет новеллы. В морозную ночь мать бежит через бескрайнее поле, спасаясь от фашистов, прижимая к себе грудное дитя. Холод пронизывает ее до костей. Увидев, что гибель грозит ей и ребенку, она сохраняет жизнь малышу, снимая с себя одежду и укутывая его беспомощное тельце. Теряя сознание, она продолжает согрывать ребенка дыханием, отдавая ему последнее тепло своего сердца.

Вполне в духе романтической традиции описывает Э. Мамедханлы последние минуты женщины. «Мать молчит, над ее ухом словно звенят медные струны. Струны натягиваются, струны лопаются, веки матери закрываются...»

И вот уже «поднималось прозрачное и острое, как лезвие сабли, утро». Каждое слово этого описания словно пронизывает нас смертельным ледяным холодом. Пришедшие в степь советские разведчики видят перед собой странный ледяной памятник. Закованная морозом, полузанесенная снегом женщина стоит без одежд, как она шла, прижимая к себе большой узел. И в этом узле теплится жизнь. Солдаты обнаруживают в нем спящего младенца.

Писатель не называет ни имени ребенка, ни имени матери, ни имен солдат-разведчиков. И это тоже соответствует романтическому мировоззрению и способу изображения действительности, когда реальность выступает в формах легенды, притчи, символа. Образ матери в рассказе воистину легендарный и символический. Говоря о чувствах и мыслях разведчиков, несущих в свою часть спасенного ребенка — символ спасенного детства, — автор пишет: «А ледяной памятник, воплощавший несравненное величие материнской самоотверженности, в их душе был уже не ледяным, а отлитым из бронзы, зовущим к мести вечным монументом».

В совершенно иной, бытописательной, манере рассказывает о спасенном в годы войны детстве **Байрам Гасанов** (1925—1980) в повести «Аяз». Педагог по профессии, автор хорошо знает своих читателей и героев: ведь

это его ученики. Его книги «Братья», «Первый снег», «Рамиз и его бабушка» и др. нравятся детям и подросткам. С интересом была принята и повесть «Аяз». Она переведена на русский и языки других народов СССР.

Главный персонаж повести подросток Аяз остается один на колхозной пасеке после того, как его отец Сялим уходит на фронт. Пасека находится в лесу, довольно далеко от селения Айрым, и Аяз не на шутку пугается, когда к мазанке, в которой он живет, ночью приходят волки. Однако он ни за что не соглашается, чтобы его заменили взрослым колхозником. Ведь пасека всегда была под присмотром его отца, и он обещал отцу, что пока тот воюет с врагом, хозяйство пасеки будет в сохранности.

Конечно, Аяз не одинок. Его навещают друзья, учитель. Ему помогает советом и делом пасечник соседнего армянского селения дед Аракел. Так в книгу входит тема братства народов, тема интернациональной дружбы.

Критика справедливо отмечала достоверность повести, правдивость характера главного героя, который показан в движении, в духовно-нравственном росте и возмужании. В повести немало удачных страниц — живописных и динамичных, обладающих эмоциональным воздействием на читателя. В то же время произведение не лишено и существенных недостатков в значительной мере типичных для азербайджанской детской прозы.

«Первым на искажение истины характера влияет стиль, — писал по поводу «Аяза» критик В. Коркин. — Писателю все меньше удается поддерживать напряжение рассказа, и читательское внимание постепенно рассеивается. Перенасыщенность повести подробностями становится назойливой. То, что было достоинством, оборачивается скукой. Масса деталей повисает тяжким грузом, не давая произведению подняться над обыденностью. Повести явно не хватило содержания, которое возникает лишь из проявлений характеров.

В повести иссякла поэзия. Фабула подменила сюжет»¹.

Подчеркнем, что речь в данном случае идет о произведении художественной прозы, где определяющей является роль художественного обобщения, художественного образа, живого, развивающегося характера. Иную роль — уже не фабульную, а сюжетообразующую — приобретает отдельный факт в произведениях художественно-документального жанра (разумеется, если этот факт точно установлен и имеет самое непосредственное отношение к теме книги).

Амрах Амрахов (р. 1923) — один из видных представителей упомянутого жанра в литературе на военно-историческую и историко-революционную тему. Полувековая история пионерской организации Азербайджана отражена в его книге «Годы, обратившиеся в историю». Он является также автором популярных в республике книг о пионерах-героях: «Горная фиалка», «Вечная слава», «Те годы не забываются», «Дорога, ведущая на заставу», «Твой жизненный закон», «Найденная книга», «Бессмертные», «Радость Наили», «Маки распускаются в апреле» и др.

Многие годы А. Амрахов был редактором газеты «Азербайджан пионери». Это еще прочнее связало его с детской литературой, с жизнью пионерской организации.

¹ Владимир Коркин. Байрам Гасанов. «Аяз». — «Детская литература», 1974, № 5, с. 50.

Наряду с революционно-исторической тематикой немалую роль сыграл в становлении азербайджанской прозы для детей и национальный фольклор. При этом воздействие фольклора на советскую азербайджанскую детскую литературу было двояким: и прямым, и опосредованным — через творчество воплощавших фольклорные традиции писателей конца XIX — начала XX века.

Обе формы влияния народного творчества мы встречаем в произведениях для детей народного писателя Азербайджана, Героя Социалистического Труда **Сулеймана Гусейн оглы Рагимова** (1900—1983).

Рожденный в бедной крестьянской семье, С. Рагимов учился в сельской школе. После окончания педагогических курсов в городе Шуше учительствовал на селе. В 1926 г. вступил в Коммунистическую партию. Уже в начале 30-х годов окончил университет, был на педагогической, партийной и советской работе, занимался активной общественной деятельностью.

С. Рагимов — автор ряда крупных прозаических произведений: много томного романа «Шамоз», рассказывающего о революционном прозрении беднейших слоев азербайджанской деревни; романа «Сачлы», посвященного начальному периоду социалистического строительства в республике; повестей и романов «Мехман», «Отец и сын», «В горах Арбулага», «Монумент матери», «Медальон», «Айналы» и др.

«С. Рагимов не любит схемы, — пишет М. А. Дадаш-заде. — У него каждый персонаж — характер, с присущим ему одному духовным миром. Персонаж может быть второстепенным, эпизодическим, но никогда не надуманным. Даже схожие по своему складу, по социальному положению люди у С. Рагимова отличаются друг от друга, непохожи друг на друга. С. Рагимов мастерски раскрывает человеческие характеры. Богатство жизненного материала и умение отбирать типические черты способствует той полноте изображения, которую называют художественностью произведения»¹.

Эти качества, свидетельствующие о высокой степени реалистического обобщения, в полной мере присущи лучшим из написанных в 30-е годы сатирических рассказов С. Рагимова: «Застенчивый гость», «Прощение о воде», «Полотенце с ветухом». В них писатель опирается на творческий опыт и достижения Дж. Мамедкулизаде, обусловленные, в свою очередь, новаторским преломлением традиции народного сатирического рассказа и анекдота. Острая динамика сюжета, изысканная композиция, неожиданность и меткость концовок, четко, правдиво и лаконично выплывающие характеры — все эти и другие достоинства, включая простой, емкий и богатый оттенками значений язык, давно сделали рассказы С. Рагимова, объединенные в цикле «Из тетради прошлых дней», излюбленным чтением подростков и юношества.

Эти произведения воскрешают перед детьми яркие картины давно ушедшей дореволюционной действительности. В рассказе «Застенчивый гость» описан царский чиновник, который, остановившись на ночлег в доме крестьянина и нагло злоупотребляя гостеприимством простодушных хозяев, съедает за один вечер многодневный семейный припас продовольствия.

¹ М а м е д А р и ф Д а д а ш - з а д е. Азербайджанская литература. М., 1979. с. 213.

В полном смысле слова классическим (наряду с «Почтовым ящиком» Дж. Мамедкулизаде) может быть назван рассказ «Прошение о воде», без которого не обходятся ни одна антология азербайджанской детской литературы, ни школьные хрестоматии. В нем говорится, как крестьянин-бедняк подает царю прошение, чтобы ему разрешили поливать его надел «государственной» водой. Пока прошение попадает в столичную канцелярию, пока приходит ответ, наступает зима. Поливать зимой землю, на которой ничего не растет, бессмысленно. Крестьянин надеется, что полученное им разрешение даст ему возможность осуществить желанный полив весной. Но злобный и жестокий распределитель воды — Мираб Зульгадар в мстительной ненависти к бедняку, осмелившемуся обратиться с просьбой к самому государю, заставляет того поливать землю в сильный мороз. Крестьянин простудился и умер.

Сюжет повести «Непрекращающееся ржание» взят С. Рагимовым непосредственно из народных легенд и сказаний. Это повесть о дружбе смелого и прекрасного юноши Шюкрана и его коня Улдуза. Красота и сила этой дружбы вызывает завистливую ненависть злых сил, олицетворенных в образе Мозалана-овода. Мозалану удается погубить Шюкрана. Не будучи в состоянии пережить смерть любимого хозяина, Улдуз бросается с высокой скалы в пропасть и тоже погибает. Его гибель символизирует конечную победу жизни — победу любви над ненавистью, дружбы над предательством.

Среди детских книг, созданных на фольклорной основе, выделяется также повесть народного писателя Азербайджана **Али Кара оглы Велиева** (1903—1983) «Дастан Мадара».

В юности Али Велиев батрачил в деревне, после Великой Октябрьской революции был рабкором, партийным работником. Первые рассказы опубликовал в 1924 году. Он отлично знает жизнь азербайджанского крестьянства в прошлом и настоящем, народный язык и фольклор. Это знание отразилось в повестях и романах А. Велиева «Гахраман», «В нашем Чичекли», «Сердечные друзья», «Дорога в Тураглы», «Гюльшен» и др.

«Дастан Мадара» — поэтическая повесть о любви юноши Мадара к прекрасной дочери падишаха Лаля. Отважный Мадар отправляется во имя возлюбленной на поиски неувядающих цветов и, преодолев, благодаря своей смелости, уму и находчивости, множество преград, испытаний и опасностей, достигает цели. Неувядающие цветы выступают в сказочном контексте повести как символ любви, ее бессмертия.

Вероятно, потому, что **Исмаил Каграман оглы Шихлы** (р. 1919) родился и вырос в учительской семье и сам окончил педагогический институт, в его книгах особенно заинтересованно и глубоко изображается роль общественной среды в воспитании.

Участник Великой Отечественной войны, народный писатель Азербайджана, первый секретарь Союза писателей республики, Исмаил Шихлы известен как автор романов, повестей, сборников рассказов. В юношеское чтение вошел его исторический роман «Буйная Кура», рисующий сложный процесс прогрессивных изменений в азербайджанском обществе прошлого века.

Писатель сосредоточивает внимание на формировании младшего поколения и социальном расслоении в семье Джахандара-аги. Его сын Ашраф

под влиянием учебы в Горийской семинарии и таких людей, как Рус Ахмед (Русский Ахмед), проникается революционными настроениями и решительно порывает с феодальными воззрениями отца. В то же время два других сына Джахандара-аги, Салатын и Шамхал, несмотря на попытки бунтарства в юности, в конечном итоге становятся жертвами окружающей среды и идут по родительским стопам.

В числе первопроходцев современной темы в азербайджанской детской литературе следует назвать И. Эфендиева, А. Бабаеву, Г. Аббасзаде, Ю. Азимзаде, Габибу Зейналову, Х. Гасилову, Э. Махмудова.

Народный писатель Азербайджана **Ильяс Магомед оглы Эфендиев** (р. 1914) окончил Бакинский педагогический институт, в литературу вошел в 1939 году сборником повестей и рассказов «Письма из деревни». Молодым труженикам села, национальной интеллигенции, их нравственным, духовным исканиям посвящены романы писателя: «Ивы над арыком», «Кизиловый мост», «Три друга за горами». Известен И. Эфендиев и как драматург (пьесы «Светлые пути», «Семья Атаевых», «Ты всегда со мной», «Моя вина», «Уничтоженные дневники»; «Песня осталась в горах»). Он выступает и как литературный критик и публицист.

Детские рассказы И. Эфендиева «На поле слышится турач» и «По следу» связаны с темой природы — одной из «вечных» тем литературы для детей и юношества.

Турач — редкая птица семейства фазановых. Его яркое оперение, его странная песнь — краса покрытых цветущими маками закавказских ущелий, зеленых склонов гор и каменистых, поросших ивняком берегов рек. Описанием внешнего вида птицы и ее песни начинается рассказ «На поле слышится турач».

Затем говорится о том, как возле одной деревни поселился прилетевший откуда-то турач, и каждое утро и вечер с поля, раскинувшегося на краю деревни, слышалась его мирная песня, к которой жители привыкли, как привыкают к солнцу, ветру, зеленом листве, и уже не представляли свой мир без нее. А потом деревенские мальчишки решили изловить турача, устроили на него засаду и метким камнем, брошенным из пращи, подбили ему лапку. Продолжая охоту, они сбежались к раненой птице и тут увидели, что у турача в поле гнездо и что он принес еду своим птенцам. Вид искалеченной птицы, которая, несмотря на боль, страх и опасность, продолжает совершать великое дело продолжения рода и заботиться о потомстве, вызывает у ребят чувство сострадания и стыда за содеянное.

Они оставляют птицу в покое и расходятся по домам. А рассказ заканчивается такими словами:

«В ту ночь Гуручай по-прежнему журчал, слышались лягушки. Весенняя ночь как ни в чем не бывало вновь рассказывала свои легенды.

Однако с поля за нашим домом больше не слышалось пения турача». Рассказ И. Эфендиева «На поле слышится турач» во многом перекликается с рассказом русского писателя В. Астафьева «Зачем я убил коростеля?» Оба произведения написаны от первого лица. Оба — суть признания взрослого человека в давнем детском проступке: глупой и жестокой мальчишечьей забаве — охоте на живое с палкой, пращей, рогаткой или иным случайным оружием.

Должно быть, игра эта передается мальчишкам с кровью далеких пред-

ков, бесчисленные поколения которых добывали пищу, охотясь на зверя и птицу. Подражая взрослым, дети в игре приобретали жизненно необходимые им навыки. Но в наши дни даже в тайге немного найдется людей, кормящихся охотничьим промыслом. Для большинства охота — это спорт. И он лишь тогда не приносит вреда, когда подчинен строжайшим правилам и ограничениям, в том числе и моральным.

Инстинкт, когда-то спасительный для человеческого рода, утратил ныне свой смысл, сделался врагом природы и самого человека. Подчинившись ему, герой рассказа В. Астафьева, подобно персонажам И. Эфендиева, однажды в детстве догнал в поле и захлестал насмерть подраненную, плохо бегающую птицу-коростеля, которую даже не принято употреблять в пищу. Но герой В. Астафьева смог как и эфендиевские ребята, понять всю бессмысленную жестокость своего поступка, пусть и запоздало, ужаснуться себе, азартно бьющему сыромятной плетью по беззащитному крохотному живому тельцу. Этот ужас и преследует его всю дальнейшую жизнь мучительным вопросом, вынесенным в заглавие рассказа: «Зачем я убил коростеля?»

Правда, у И. Эфендиева ребята не убивают турача, только ранят. Мы не знаем, какая судьба ждет птицу в дальнейшем. Но вопрос «зачем?» звучит и здесь. Это — главный вопрос, который в наши дни должен ставить перед собой каждый, прежде чем тем или другим способом, пусть даже в микроскопически малой степени, вмешиваться в жизнь природы.

По-разному ведут себя перед лицом дикой природы, которая может быть к человеку не только дружественной, но и враждебной, Джафар и Надир — юные герои рассказа И. Эфендиева «По следу». Отправляясь в лес на поиски пропавшей колхозной овцы, они встречаются с опасностями, испытывают приключения, в которых проявляются их характеры.

Надир всего боится, каждое темное пятно кажется ему свирепым хищником; он то и дело предлагает Джафару вернуться назад. Напротив, Джафар смел, находчив, решителен. Он хочет во что бы то ни стало разыскать заблудившуюся овцу и вернуть ее в колхозное стадо. Когда ночью Джафар дежурит у костра и к стоянке ребят подходят четыре волка, Джафар решает не будить спящего товарища, чтобы ненароком не испугать его, и сам отгоняет волков горящими головешками.

Потом, когда овцу отыщут, о смелости ребят появится короткая заметка в районной газете. Надира тоже будут поздравлять как героя. Но сам он, по словам автора, читая заметку в газете, испытает чувство неудовлетворенности и смущающего беспокойства. Писатель не формулирует моральных выводов, не обличает Надира за малодушие и робость. Но в воспитательном отношении рассказ от этого только выигрывает. Ведь писатель показывает в нем главное, что необходимо для духовного роста и гражданского созревания маленького человека, — пробуждение в герое совести и чувства ответственности за свое поведение.

Как и большинство азербайджанских писателей старшего поколения, **Алевия Ганифа кызы Бабаева** (р. 1921) пишет для детей и для взрослых. Взрослые читатели знают ее по роману «Люди и судьбы» (он переведен и на русский язык), по книгам повестей и новелл «Где ты друг, где?», «Ищи тебя», «Рассказы», «Повести», «По сельским дорогам» и др. Из детских рассказов писательницы составились книжки «Ежевичное варенье», «Цве-

тик-колосок», «Осень», «Опять весна», «Я не одинок», «О чем шепчут листья», «Волшебные лесенки», «Тутовое дерево»...

Когда был опубликован первый рассказ писательницы, ей едва исполнилось 15 лет. Но только в 1951 году решилась она издать отдельную книгу. Это был сборник рассказов «Моя учительница».

Своими первыми и главными учителями, которые в конечном счете привели ее в литературу для детей, А. Бабаева считает народные сказки. Она вспоминает:

«Отец мой был военным комиссаром. В те времена военнотруженики почти не слезали с седла, и мы всей семьей объездили почти все районы республики.

Помню, жили мы в Кубинском районе. Местность гористая, зима лютая. В доме, где нас разместили, первый этаж занимала многодетная семья рябого, некрасивого старика «дерзи Паша» (портного Паши). За глаза люди называли его «дели Паша» (сумасшедший Паша). Этот неграмотный человек обладал необыкновенным даром сказителя. Каждый вечер у него собиралось множество людей, с трудом размещались они вокруг кюрьи и этот чудачковатый старик начинал рассказывать сказки. Его дом был вроде клуба. Никогда не забуду, как он артистично, увлеченно проигрывал характер каждого персонажа, как менялось его лицо, горели глаза, то страстно, то робко звучал голос, порой он даже казался мне красивым. Так он ввел меня — маленькую, только-только открывшую свой первый букварь девочку — в сокровищницу народной мудрости. Думаю, что если бы этот человек был грамотным, он стал бы незаурядным писателем. Именно его я считаю своим первым учителем. Он открыл мне бережно хранимый веками, постоянно обогащающийся высокий мир правды, мир добра и зла»¹.

Не случайно рассказы А. Бабаевой, адресованные маленьким читателям, в жарово-стилистическом отношении напоминают то увлекательные популярные беседы, то сказки. Так, в рассказе «Алапарс» речь идет о небольшом животном, укус которого настолько ядовит, что может стать смертельным даже для коровы. Однако, объясняет писательница, алапарс очень редко нападает на больших животных, зато он ярый противник ядовитых змей и делает доброе для людей дело, очищая от опасных пресмыкающихся округу. На этом простом и доступном примере писательница дает маленькому человеку представление о том, что в природе нет ничего абсолютно вредного или абсолютно полезного, что принцип всеобщей взаимосвязи и гармонии в том и состоит, что все в мире так или иначе необходимо, что нет ни ненужных растений, ни ненужных животных.

Традиционно сказочным зачином начинает А. Бабаева рассказ «Была одна учительница»: «Кто-то был, а кто-то не был, была в одной школе одна учительница». Будто о сказочной героине, для которой понятия времени и возраста имеют весьма условные значения, повествует писательница о Билгейис-муаллима, которая была «не только учительницей учителей, преподававших в этой школе», но и «была учительницей многих учителей, преподававших во многих школах».

¹ Алевия Бабаева, Анкета «ДЛ». — «Детская литература», 1982, № 4, с. 36.

В этой тональности, в одновременно и сказочном и бытовом «ключе» особенно убедительно звучит рассказ о долгой жизни Билгейис-муаллима, о том, как за ее самоотверженную доброту ученики платят ей беззаветной любовью и благодарностью. Правдив рассказ, естественны диалоги персонажей и речь автора-рассказчика. И кажется, только такими словами могло быть закончено повествование:

«Кто-то был, а кто-то не был. В одной школе была одна учительница... Нет, это не сказка, — правда. Правда, ставшая сказкой».

Напоминает о сказке и название рассказа А. Бабаевой «Красная шапочка и ветер». Правда, с азербайджанской Красной шапочкой не происходит ничего страшного. Просто ее красный беретик срывает с головы порывом ветра, переносит с одного дерева на другое, пока он окончательно не цепляется за ветку ивы, где его и находит маленькая хозяйка.

Вся эта бесхитростная история, однако, весьма сказочна. Ведь писательница явно уподобляет ветер озорному человеку, совершенно не думающему о других, озбоченному лишь собственными удовольствиями. Тогда как деревья выступают в рассказе существами добрыми, с готовностью помогающими обиженной героине.

Рассказ «Бабушка-депутат» привлекает новым отношением писательницы к традиционному образу. В противовес все еще разгуливающим по страницам детской и «взрослой» азербайджанской прозы полуграмотным и неграмотным старушкам, последним носительницам старых взглядов и обычаев, А. Бабаева показывает человека всесторонне образованного, занимающего активную гражданскую позицию, героиню труда, которая во всем служит примером для своих внуков.

«Я убеждена, — говорит писательница, — самое значительное и бесценное открытие человечества — это книга. Без нее невозможно представить себе жизнь. Ибо хорошая книга всегда шагает рядом с тобой, учит уму-разуму, одаривает ни с чем не сравнимой радостью»¹. Вот почему много сил и таланта отдает А. Бабаева работе переводчика. Более двух десятков книг перевела она с русского языка на азербайджанский. Среди них — произведения Л. Толстого, В. Короленко, А. Гайдара, К. Паустовского, Ю. Сотника, В. Осеевой, Р. Стивенсона.

В основном для взрослых пишет поэт и прозаик **Гусейн Аббас оглы Аббасзаде** (р. 1922). Герою Советского Союза Ази Асланову посвящен его роман «Генерал». С темой Великой Отечественной войны и послевоенного строительства связаны повести Г. Аббасзаде «Случай в Карадаге», «На дом упала тень», «Стук в дверь», «Гость издалека» и др.

Но значителен вклад писателя и в детскую литературу. «Золотая роза» — так называлась книга для детей Гусейна Аббасзаде, увидевшая свет в 50-е годы, — пишет Р. Баруздина. — Книга умная, тонкая, повосточному яркая, искусно передающая все особенности азербайджанского народного характера, жизни и быта... Эта книга Г. Аббасзаде, вся пронизанная идеями социалистического интернационализма, во многом типична для всей современной азербайджанской детской литературы»².

¹ А л е в и я Б а б а е в а. Анкета «ДЛ». — «Детская литература», 1982, № 4, с. 36.

² Баруздина Р. Золотая роза. — «Детская литература», 1982, № 4, с. 8—9.

Ребята также хорошо знают его книги «Гызылгюль», «Белые палатки», «Сказки Наргиз и Нигяр». В последней книжке, адресованной читателям младшего возраста, Г. Аббасаде рассказывает множество забавных и поучительных историй-эпизодов, случившихся с двумя сестренками-близнецами Нигяр и Наргиз. В этих историях перед маленькими сестрами распахивается различными своими сторонами большой мир природы и труда взрослых людей, а юным читателям открывается еще и их собственный мир — поэтический и наивный мир раннего детства, исполненный динамикой роста, жажды познания, открытий, действия.

С 1935 года публикует свои произведения для взрослых и ребят прозаик и драматург **Юсиф Ахадулла оглы Азимзаде** (1917—1984). О жизни современника писателя рассказывают новеллы, объединенные в сборниках «Первая встреча», «После встречи», «Братья», «Огни Баку». Военно-патриотическому воспитанию подростков и юношества служат его повести «Он не был чужим», «Отвечайте на позывные «Ласточка». В азербайджанском ТЮЗе имени Горького осуществлены постановки пьес Ю. Азимзаде «Анаджан», «Соседи», «Насреддин», «Апрельское утро». Заслуженным успехом у юных читателей пользуется его колоритная книга «Воспоминания дяди Мурада».

Ю. Азимзаде известен и как переводчик русской литературы. Он перевел ряд произведений Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, М. Горького, А. Н. Толстого, К. М. Симонова, В. Ф. Пановой и других авторов.

Среди тех, кто целиком отдал свой талант детям, в первую очередь надо назвать **Габибу Мамед кызы Зейналову** (р. 1918), известную своим бесчисленным маленьким читателям под коротким и звучным, легко запоминающимся именем Габибы. Необычайно популярны ее безудержно смешные, исполненные неожиданной выдумки и подлинно народной мудрости короткие «Рассказы Эльчина», образующие столь любимый детьми «открытый» цикл с продолжениями.

Подлинной классикой азербайджанской детской литературы стала ее повесть «Кукла Колосок».

Габиба перевела на азербайджанский язык повести Н. Носова и В. Голышкина. Она — автор книг «Деревья в цвету», «Солнце, море и Севда», «Хазри дует не всегда», «Я тоже играть хочу», «Сколько цветов у петуха», «Солнце красивее меня», «Яблоко» и многих других.

Дети, семья, роль женщины в социалистическом обществе, жизнь родного края — таковы основные темы известной писательницы и видной общественной деятельницы Азербайджана **Халиды Мамед кызы Гасиловой** (р. 1920).

После окончания Азербайджанского университета им. С. М. Кирова в годы Великой Отечественной войны Х. Гасилова учительствовала в школе. С момента основания журнала для младших школьников «Геярчин» («Голубь») в течение многих лет была его редактором. Возглавляла творческое объединение детских писателей республики. В последние годы она является главным редактором журнала «Азербайджан гадыны» («Азербайджанская женщина»).

Х. Гасилова нередко выступает как критик и переводчик детской литературы. Она автор многих книг для ребят и взрослых: «Первое письмо»,

«Книги Лалы», «Шапка со звездочкой», «Рена ищет свой дом», «Морские огни», «Атласные листья», «Зеленое зеркало», «Воды становятся прозрачными», «Ее судьба», «Тайный всадник», «Не забуду», «Когда есть любовь», «Поющая кенуль», «Воспоминания» и др.

Школьникам военной поры посвящена ее повесть «Кяман», в основу которой легли автобиографические впечатления.

Писатель **Гюльгусейн Гусейноглу** (р. 1923) в своих книжках «Пятые», «Раннее утро» показывает школьную жизнь младшеклассников, их простые взаимоотношения между собой и со своим учителем. В рассказе «Всезнайка» маленький Адиль не знает урока и боится сознаться в этом учительнице. Но Тюкязмуаллима и без слов понимает состояние мальчика. Она заводит разговор об отце Адилья, который каждый день идет на работу и честно трудится. Она ставит отца в пример мальчику. Ведь и для Адилья школа — это его работа.

Столь же неназойливо дидактичен и рассказ «Маленький человек». Его герой — мальчик Джейхун — в зависимости от того, какую книжку ему прочитали или какую он сказку услышал, мечтает быть, когда вырастет, то кузнецом, то пастухом и никак не остановится на какой-нибудь определенной профессии. Отец, видя такое, говорит ему, что все работы хороши. Но профессия в жизни человека — не самое главное. Важнее всего стать человеком. Хорошим человеком.

О том, что стать человеком не так просто, говорит написанный в юмористическом ключе рассказ «Жадина». Отец, занимаясь с маленьким Сурхаем счетом, задает сыну задачу: «У тебя пять яблок, два из них ты отдал сестре и одно брату, сколько осталось у тебя?» Сурхай отвечает: «Пять». И как отец ни бьется, на все лады повторяя условие задачи, у сына получается один и тот же ответ — пять.

Тогда вмешивается мама. Она ставит вопрос иначе: «У твоей сестры пять яблок, два она отдала тебе, а одно брату, сколько у нее яблок осталось?» На удивление отца, Сурхай тут же дает верный ответ. Оказывается, он просто ни с кем не желает делиться своими яблоками. Никто не ругает и не наказывает Сурхая за эгоизм и жадность, но уже сам смех читателя, узнающего эту забавную историю, служит ему осуждением.

Рождение в азербайджанской литературе для детей научно-фантастического жанра связано с именем **Эмина Касума Али оглы Махмудова** (р. 1925). Уже в 50-е годы он выступил с получившими известность романами «Космический корабль» и «Пылающее небо Венеры», со сборниками фантастических новелл «Город солнца» и «Северное сияние на Мугани». Перу Э. Махмудова принадлежат также повести «Море мглы», «Исчезнувшие звуки», книга рассказов «Звезды ждут нас».

Фантастические, научно-популярные, а также юмористические рассказы и повести Э. Махмудова печатаются на страницах журналов «Пионери» и «Гейрчин», в газете «Азербайджан пионери», звучат на радио.

«Для писателя-фантаста, — делился своими размышлениями на страницах журнала «Детская литература» Э. Махмудов, — самое большое счастье — увидеть, как его мечты становятся реальностью жизни. В этом смысле я очень счастливый человек. Например, в романе «Космический корабль» (напечатан в 1957 году) герои произведения встречаются на Луне вулкан с ограниченным временем действия. Через год советский ученый

Козырев доказал наличие такого вулкана на поверхности Луны. Во вступлении к моей книге было отмечено, что понадобится десять — двенадцать лет для создания космических аппаратов для полета на Луну и на Марс. Как известно, эта цифра оказалась точной, и в 1969 году человек побывал на Луне»¹.

* * *

Подводя итог развитию азербайджанской детской и юношеской литературы в 30—50-е годы, можно отметить следующие закономерности. Являясь органической частью советской литературы — литературы социалистического реализма, азербайджанская литература для детей и юношества всегда была самым тесным образом связана с жизнью страны, советского народа на всех решающих этапах — коллективизации и индустриализации, Великой Отечественной войны, послевоенного восстановления.

Она вдохновлялась идеями коммунистического созидания. Ее высшей целью было воспитание человека новой, совершенной формации — нравственно чистого и цельного, общественно активного в практическом творении в жизнь прогрессивных чаяний человечества. Свою художественную силу она черпала из животворных источников народной поэзии и сокровищницы мировой литературы прошлого.

Верные горьковскому лозунгу, что литература для детей — дело общественное и государственное, все без исключения крупные азербайджанские писатели старшего поколения в той или иной мере приняли участие в создании книг для детей и юношества. Благодаря активной переводческой деятельности многих талантливых поэтов и прозаиков, фактом национальной духовной жизни Азербайджана стали в этот период лучшие произведения русской классической и советской детской литературы, народного творчества и литератур народов СССР, шедевры мировой классической и современной детской литературы. Они оказали глубокое влияние на нравственный и культурно-эстетический рост юных читателей, сыграли большую роль в обогащении художественных форм азербайджанской детской и юношеской литературы, в расширении ее жанрово-тематического диапазона.

Развитие детской журналистики, увеличение числа и тиражей книгоизданий для детей стали материальной основой появления писателей, полностью посвятивших свой талант детям и юношеству, — первых в Азербайджане профессиональных детских писателей, для которых детская литература стала главным и, по сути, единственным делом их жизни.

В 40—50-е годы можно уже говорить и о зарождении в Азербайджане критики детской литературы. Правда, она еще не сливается в единый, постоянно сопутствующий литературе поток. Пока она существует в форме докладов и выступлений на писательских съездах, на пленумах и совещаниях, посвященных проблемам развития литературы для детей, а также в форме отдельных рецензий на детские книги и спектакли. Но тем не менее

¹ Э м и н М а х м у д о в. Фантастика страны огней. — «Детская литература», 1972, № 6, с. 18.

она уже в какой-то мере не только воздействует на читателя и руководителей детского чтения, помогает формированию их вкусов и пристрастий, но и направляет движение самой литературы.

В то же время надо признать, что азербайджанская детская и юношеская литература 30—50-х годов по своему идейно-художественному качеству в целом несколько отстает от общесоюзного уровня. В ней нередки рецидивы поверхностно-иллюстративного описательства, дидактического схематизма, риторической назидательности. Она еще не вполне владеет мастерством психологического анализа, робко проникает в глубину современной темы, не решается вскрывать наиболее острые конфликты и поднимать наболевшие проблемы, рождаемые сиюминутной действительностью в сфере семьи, школы, отношений между поколениями. Несмотря на то, что эта литература умеет быть и веселой, и занимательной, ей порой недостает всей совокупности качеств, которые объединяются понятием «детскости».

К середине 50-х годов в азербайджанской детской литературе (как, впрочем, и в детских литературах России и других республик) наблюдается как бы замедление роста, повторение пройденного, а в иных случаях и движение вспять, гальванизация, казалось, уже навсегда изжитых недостатков. Преодолевать наметившееся отставание, решать поставленные временем задачи предстояло как старым мастерам, так и поколению новых писателей, входивших в литературу на рубеже 50—60-х годов.

В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

(Азербайджанская детская литература 60—80-х годов)

Движение литературы непрерывно, как и движение самой жизни. Любое деление литературного процесса на этапы поэтому условно. Тем не менее практика со всей очевидностью доказывает марксистский тезис, согласно которому общественное сознание (а литература — одна из его форм) есть пусть не совсем прямое, пусть опосредованное, диалектически сложное и в чем-то противоречивое, но отражение общественного бытия. И путевые вехи, переломные этапы нашего революционного социального бытия, как уже не раз бывало в истории, с некоторой дистанцией во времени непременно становятся и началом качественно новых периодов в развитии литературы.

В высшей степени благотворные коренные и необратимые перемены не только в жизни нашей страны, но и во всем идущем по пути социализма и демократии мире вызвал состоявшийся в феврале 1956 года XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. То новое, что породили в экономической, политической и духовно-нравственной жизни народа исторические решения этого и всех последующих партийных съездов, отразилось в литературе многогранно и разносторонне.

Углубилось понятие литературного наследства. Оно оказалось богаче, объемнее, значительнее, чем принято было считать раньше. А это не могло не сказаться на формировании нового поколения писателей, которое выходило на путь самостоятельного творчества, обладая более широким культурно-историческим кругозором и, стало быть, более основательной марксистско-ленинской идейно-философской подготовкой, более высоким уровнем самостоятельности и ответственности.

Отражая общий процесс гуманизации и дальнейшей демократизации общественных структур, литература усовершенствовала концепцию героя. На первый план выдвинулся человек с ярко выраженными личностными чертами — мыслящий, сознательно оценивающий себя, окружающих людей, обстоятельства и, в силу этой своей личной убежденности, занимающий граждански активную жизненную позицию. В литературе усилились такие органически присущие социалистическому реализму черты, как историзм, психологизм, народность. Дальнейшее развитие получило понятие партийности литературы, основанное на диалектическом единстве правды и ее отображения в искусстве с классовых пролетарских позиций в свете коммунистического идеала.

Все сказанное относится к азербайджанской литературе для детей и юношества, поскольку она является частью советской литературы вообще. «С середины 60-х годов, — отмечают литературоведы Яшар Караев и Афлатун Мамедов, — в азербайджанскую прозу пришло молодое поко-

ление писателей, в литературе возникли новые проблемы, темы, конфликты. Приход этого талантливого поколения принес обновление и детской, и юношеской литературе¹.

В целом соглашаясь с такой оценкой, следует, однако, дополнить сказанное Я. Караевым и А. Мамедовым, по крайней мере, двумя уточнениями. Во-первых, процесс обновления коснулся не только прозы, он в равной мере затронул и другие формы литературы: поэзию, драматургию. Во-вторых, в упомянутом процессе участвовали и участвуют все одновременно действующие в литературе писательские поколения, — не только те писатели, что заявили о себе в 60-е годы, но и мастера, стоявшие у основания советской азербайджанской литературы.

Как отмечала в своей речи на VI Всесоюзном съезде писателей Х. Гасилова, в республике «для детей и о детях пишут Мехти Сеидзаде, Гьлман Илькин, Миканл Рзакулизаде, Эйнулла Агаев, Мирварид Дильбази, Зейнал Джаббарзаде, Таймур Эльчин, Хикмет Зия, Тофик Махмуд, Мастан Алиев, Алевия Бабаева, Габима Зейналова, Нариман Сулейманов, Ильяс Тапдыг, Фирудин Агаев, Азиза Ахмедова, Фикрет Садыг, Амрах Амрахов, Эмин Махмудов, Ханумана Алибейли, Байрам Гасанов, Джангир Мамедов, Захид Халил, Мамед Аслан, Сабир Мамедзаде... Этот список можно было бы продолжить. Наиболее удачные произведения этих писателей с идейно-художественной точки зрения отвечают требованиям современности, следуют глубоким традициям нашей литературы»².

Интенсивному росту литературы для младшего возраста в этот период способствовал основанный в 1958 году журнал «Гейрчин» («Голубь»). Уже с первых лет своего существования журнал стал не только трибуной азербайджанских авторов, пишущих для детей, а и активным посредником в деле приобщения его маленьких читателей к национальной и мировой истории и культуре, к всесоюзной детской литературе, воспитателем советского патриотизма и пролетарского интернационализма.

В журнале печатаются народные сказки, загадки, песни, переводы произведений С. Маршака, С. Михалкова, А. Барто, С. Баруздина, Б. Полевого, Г. Бойко, К. Тангрыкулиева, Б. Чалого и других писателей братских республик. Редакция наладила тесные связи с югославскими «собратьями» «Гейрчина» — детскими журналами «Радость» и «Завязь». Среди постоянных рубрик журнала — юмористический раздел «Молла Насреддин», «Клуб знаний «Гейрчина»», «Октябрята — будущие пионеры», «Пионеры-герои», «Любимые художники» (в этом разделе журнал популярно и увлекательно рассказывает о крупнейших деятелях национальной культуры), «Знакомимся со своей республикой» и др.

«Каковы ведущие темы журнала? Они многообразны и широки, — рассказывает нынешний редактор «Гейрчина» поэт Тофик Махмуд, работающий в журнале со дня его основания, — история нашего государства, деятельность Владимира Ильича Ленина и его соратников, подвиги рево-

¹ Я шар Караев, Афлатун Мамедов. «Чтоб чувство дружбы бесконечно зрело...» — «Детская литература», 1982, № 4, с. 12.

² Халида Гасилова. Об идейно-художественном росте азербайджанской детской литературы. — «Детская литература», 1976, № 11, с. 70—71.

люционеров, Великая Отечественная война и мирный созидательный труд советских людей, природа Азербайджана и всей страны, ее защита и охрана. Помогая маленькому читателю охватить просторы мира, родную историю или современную жизнь, мы следуем общему принципу — идти от малого к большому, от близкого к далекому, от частного к общему¹.

Хотя старейшему детскому журналу Азербайджана «Пионер» уже более полувека и в числе его юных читателей и авторов были погибший в итальянском партизанском отряде Герой Советского Союза Мехти Гусейнзаде, известный ныне искусствовед доктор наук Мюрсал Наджафов и многие другие выдающиеся люди республики, можно сказать, что в 60-е годы журнал начал новую жизнь.

В рубриках «СССР — моя Родина», «Близкие — дальние страны», «Знание» и т. п. печатаются не только публицистические и научно-популярные статьи и очерки, но и рассказы, повести, стихи, сказки — переводные и оригинальные, принадлежащие перу широко известных и совсем молодых авторов, которые в совокупности дают юному читателю разностороннюю и правдивую картину беспокойного современного мира, рисуют впечатляющие эпизоды борьбы советского народа за коммунизм, за будущее без войн, помогают воспитывать активное отношение к жизни, вырабатывать высокие идеалы.

В 1967 году на базе детской редакции Азербайджанского государственного издательства в Баку было организовано издательство «Гянджлик» («Юность»). С возникновением специального детского издательства во много раз вырос выпуск книг для детей и юношества на азербайджанском языке, увеличилось число переводов, изданий классики, произведений современных (в частности, молодых) авторов. Появились продолжающиеся многотомные издания: «Школьная библиотека», «В помощь изучающим русский и иностранные языки», «Жизнь замечательных людей» и т. п. Значительно поднялись тиражи выпускаемых книг.

Уже к началу 70-х годов «Гянджлик» издал в переводе на азербайджанский язык сборник «Рассказы о Ленине», поэму С. Михалкова «В Музее Ленина», двухтомник А. Гайдара, повести В. Голявкина, рассказы Е. Драбкиной, повесть М. Трублаини. Массовыми тиражами вышли издания национального эпоса, произведения Низами, Физули, Дж. Мамедкулизаде, М. Сабира, А. Сиххата, Дж. Джабарлы, Самеда Вургун, С. Рагимова, А. Велиева, Р. Рзы, современных авторов. Отвечая на просьбы и пожелания юных читателей, издательство широко практикует «социальный заказ» на книги актуальной тематики, посвященные советскому образу жизни, патриотизму и интернационализму наших современников. «Эта литература, — говорит директор «Гянджлика» прозаик Азиза Ахмедова, — активно вторгается в действительность наших юных современников, вместе с ними думает о счастье, о долге перед Отчизной, о смысле жизни»².

¹ Тофик Махмуд. «Голубь» воспитывает орлов. — Детская литература, 1982, № 4, с. 48.

² Ахмедова А. Книги «Гянджлика» рассказывают... — «Детская литература», 1982, № 4, с. 45.

Самым благотворным образом на положении дел в детской литературе Азербайджана сказало принятое 26 марта 1969 года постановление Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии детской и юношеской литературы».

«Весьма внушительно выглядят цифры изданных книг, — отмечал, выступая на VII съезде писателей СССР Максуд Ибрагимбеков. — В предыдущей пятилетке (девятой. — З. Х.) в Азербайджане было издано для детей шесть с половиной миллионов книг, в последней (десятой. — З. Х.) — девять с половиной миллионов»¹. В настоящее время «Гянджлик» выпускает более 200 названий книг ежегодно общим тиражом, превышающим 2 миллиона экземпляров.

Но дело, разумеется, не в одном количестве, а в том, что благодаря постоянно проявляемой заботе ЦК Компартии республики, благодаря крепнущим творческим связям между литературами и национальными культурами народов Советского Союза, азербайджанская литература для детей и юношества в 60—80-е годы уверенно идет по пути народности и партийности, становится более зрелой в идейном и художественном отношении.

«Сейчас в нашей детской литературе активно работают писатели самых разных поколений, в том числе и молодые литераторы, — говорила на VI писательском съезде СССР Х. Гасилова. — Они ведут серьезные творческие поиски, обогащают детскую литературу решением интересных тем, разрабатывают новые формы. Свежее дыхание жизни составляет основу их произведений»².

Начало процесса обновления, характерного для азербайджанской детской поэзии последних десятилетий, связано прежде всего с именем Али Керима. **Али Керим** (Али Паша оглы Керимов) прожил недолгую жизнь (1931 — 1969), но оставил в литературе яркий след — прекрасные произведения, в которых органически слились эпическое и лирическое начала, элементы романтические и реалистические, живой, благозвучный народный язык и новаторство образной системы, современность взгляда, оригинальность формы и верность классической традиции.

Уже в одном из первых своих стихотворений «Верни свой долг матери» Али Керим обратился к одной из «вечных» тем восточной литературы — теме сыновьяго долга. Но если поэты прошлого ограничивались указанием на то, что мать дает своему ребенку жизнь, Али Керим эту мысль поэтически развил и конкретизировал. Ребенок сделал первый шаг, засмеялся, сказал первое слово — все это от матери. От матери берет малыш первые уроки любви и добра. «Посмотри внимательнее в себя, в свою душу, — как бы говорит поэт, — и ты увидишь, как много из того, что ты считал безусловно своим или ничейным, как много в тебе — от матери, как велик и неплатен наш долг перед нею».

Тему материнства поэт продолжил в стихотворении «Матери плачут». Пули, сразившие в годы войны сыновей, и сегодня, много лет спустя, по-

¹ Седьмой съезд писателей СССР. Стенографический отчет. М., 1983, с. 359.

² Халида Гасилова. Об идейно-художественном росте азербайджанской детской литературы. — «Детская литература», 1976, № 11, с. 70.

ражают материнские сердца, переплавляются в слезы, свинцовой тяжестью наполняют глаза.

Вот почему борьбу за мир Али Керим считал важнейшим сыновним долгом. Страстным призывом к торжеству разума, яростным протестом против войны звучит его стихотворение «Камень». Лежащий в основе стихотворения образ камня, брошенного первобытным человеком в своего врага, приобретает в контексте произведения значение символическое, глобальное. Камень тот не упал на землю, он летит сквозь наши дни, превратившись в меч, снаряд, атомную бомбу. Обращаясь к современникам, поэт говорит: тот, кто первым бросил когда-то этот камень, был глуп. Но неужели века и тысячелетия истории не сделали нас мудрее, ничему не научили? Неужели у нас не хватит ума и решимости перехватить страшный камень в полете и отбросить в сторону, чтобы не случилось непоправимого?!

С начала 60-х годов чрезвычайно популярной в детской литературе становится романтическая поэма-сказка. Как всегда, мода породила немало эпигонов-подражателей, в творчестве которых жанр претерпевал девальвацию; преувеличенная забота о форме вела к выхолащиванию, измельчению содержания. Снова подтверждалась истина: в искусстве нет плохих или хороших, новаторских или архаичных форм, а есть талант и посредственность. Настоящий, большой талант во всякую форму умеет вложить дыхание жизни, остроту ощущения современности.

До какой высоты может подняться жанр сказочной романтической поэмы, показывает поэма Али Керима «Исцелить детей». Она посвящена подвигу великого польского педагога и писателя Януша Корчака, погибшего вместе со своими воспитанниками в фашистском застенке.

Детский врач, руководитель сиротского приюта, автор прекрасной сказочной повести о короле Матиуше, Корчак предстает в поэме Али Керима как добрый волшебник, в буквальном смысле слова живущий одной жизнью с детьми всего мира. Когда болит его сердце, Корчак знает: где-то сорвали цветок или ударили ребенка. Если какой-либо ребенок голоден, Корчак сам испытывает муки голода. И последний кусок хлеба делит с детьми.

На попечении Корчака — двести осиротевших детей, которым он старается хотя бы частично вернуть утраченное счастье детства и тем самым воспитать их для утверждения добра в будущем, когда они станут взрослыми. Но враги детства, враги человечества — фашисты — хотят уничтожить детей и их воспитателя. Они арестовывают воспитателя и его воспитанников, привозят их в газовые камеры смерти.

В реальной жизни, мы знаем, детей отправили на казнь, предложив самому Корчаку свободу. Он с презрением отказался от милости детоубийц. Он был с детьми в радости и в испытаниях. Он учил их честности и справедливости. Мог ли он жить после того, как мимо проведут на казнь его малышей, которым он заменил отца и старшего друга? Он думал о том, что в страшный смертный час эти малыши не должны остаться одни. Что он обязан быть с ними до конца. И он пошел с ними и умер.

Но Али Керим пишет не историю Корчака. Он пишет сказку. В сказке добро торжествует не потом, не в будущем, а сейчас, в настоящем. В сказ-

ке происходит то, что должно случиться по справедливости. Сказка выражает главную, конечную правду. В поэме Али Керима Корчак, как мы уже говорили, — волшебник. Он делает большую книгу, а детей превращает в слова этой книги. И фашисты не могут найти малышей. Эти дети, которые в нежности — песня, а в жестокости — скала, остаются самими собой, пока убийц нет поблизости. Они живут, играют, растут — они счастливы. Но приближается опасность, враги рыскают в поисках детей, и малыши возвращаются в книгу.

Высшая правда, утверждаемая поэмой-сказкой, в том, что живого человека можно убить, но человеческие чувства и мысль бессмертны. Выраженные в Слове, они продолжают жизнь тех, кто чувствовал и думал как человек. Бессмертен Януш Корчак в своем творчестве, в делах, в подвиге. Бессмертно добро, жившее в его сердце и заложенное им в сердца его маленьких питомцев. Убийцы детей убивают прежде всего самих себя. Они сгинули бесследно, и нет такого черного колдовства, которое могло бы воскресить в человечестве память о них.

Как и в других своих произведениях, Али Керим в поэме «Исцелить детей» выступает новатором стиха. Его образы, метафоры, рифмы свежи, неожиданны, современны. И в то же время все они почерпнуты из живого, повседневного народного языка — в них нет никакой нарочитости, искусственности, вымученности. В какой-то степени по новизне и вместе с тем естественности, созвучности разговорному языку рифмы Али Керима можно уподобить каламбурным и ассонансным рифмам Е. Евтушенко. Вот несколько примеров: логманы — лохманы (исцелители — кусок), етими — дедими (сироту — сказал ли), тялясим — тябяссюм (поспешу — улыбка), дюшмяйим — дюшмяним (не спускаться мне — мой враг), гудурдулар — готурдулар (взбесились — они чесоточные), джибини — чибини (его карман — муху), гаядырлар — гайндырлар (они скала — они возвращаются).

Новое слово сказал Али Керим и в стихах для дошкольников. Его стихотворение «Гнездо песен» — будто мостик, перекинутый от творчества для подростков и юношества к малышей поэзии. В этом стихотворении дети спрашивают у отца, где песни спят по ночам, где у них гнездо. Отец отвечает, что ночью песни спят в людских сердцах. Потом отец видит своих детей спящими. Они лежат, прижав маленькие ручки к сердцу. Видно, хотят сохранить песни, чтобы они не разлетелись.

Очень точно передает поэт мироощущение младшеклассников в стихотворении «Чинара и клен»:

Когда мы еще
Первоклашками были,
Чинару и клен
Под окном посадили.
Стоим, в подоконник
Уткнув подбородки.
Они — первогодки,
И мы — первогодки.
Весной из окошек
Глядит целый класс:

Чинара, смотри,
 Подросла,
 Поднялась.
 Уже к третьеклассникам
 В окна стучит.
 А клен под окошками
 Нашего класса
 Один второгодником
 Грустно стоит.

В этих стихах нет ничего назидательного. Вообще, казалось бы, об учении нет и речи. А между тем это стихи о пользе учения, о том, что учение есть рост, развитие человека. Это стихи о том, как тяжело и грустно отстать от своих сверстников. Говорится, правда, о деревьях, которые были посажены одновременно, но растут неравномерно. Читатель, однако, понимает или, по крайней мере, чувствует: речь идет и о нем самом.

Воспитательное действие подобных стихотворений можно назвать комплексным. Али Керим одним из первых в азербайджанской литературе вводит в поэзию для детей дошкольного и младшего школьного возраста подтекст. Образующие этот подтекст ассоциации предельно просты, взяты из окружающего ребенка мира, естественны и оттого вполне доступны детскому пониманию. Именно потому, что они общедоступны, они дают читателю чувство интеллектуальной удовлетворенности, уверенности в своих силах, в своей способности думать, делать выводы. Так формируется оправданно высокая самооценка, помогающая маленькому человеку овладевать знаниями, совершенствоваться духовно и нравственно. Одновременно стихи эти пробуждают в душе ребенка чувство общности с природой. В чинаре и клене он видит нечто живое и потому родственное себе. Наконец, стихотворение способствует укреплению желания ребенка учиться.

Один из «секретов» исключительной популярности детской поэзии Али Керима, ее неотразимого и глубокого влияния на читателей в том, что поэт видит в ребенке равноправного собеседника, доверяет его уму, уважает в нем личность. Вот стихотворение «Человек». Герой его, мальчик по имени Фауд, из озорства пишет мелом всякую чепуху на классных партах, на доске, на полу, подбадривая себя рассуждением: «Людей нет, поступай как хочешь». Поэт не ругает героя стихотворения, не грозит ему какими-то карами или неприятностями в будущем. Он просто задает ему вопрос: «Людей нет. А ты сам — разве не человек?» Стихи рассчитаны на то, чтобы оживить в маленьком человеке его второе, критическое, «я», способное оценивать как бы со стороны поступки и мысли «я» первого. Это стихи о самом главном человеческом судье — его личной совести.

Творческий путь Али Керима безвременно оборвался на пороге 70-х годов. Но стихи его оказали мощное воздействие не только на современную ему поэзию. Их влияние продолжалось и в 70-е годы. Можно сказать, что без стихов Али Керима азербайджанская детская поэзия была бы не только беднее — она была бы другой. Али Керим как бы задал ей новые, более высокие, параметры. После него писать так, как писали до него, было уже нельзя.

Нередко в азербайджанской литературной и педагогической критике

шли споры о том, все ли идеи и темы доступны детской литературе, в частности поэзии. «Ведь читатель этих стихов — ребенок, а при детях не принято говорить обо всем!» — аргументируют свою позицию сторонники тематических и иных ограничений в детской литературе.

Словно отвечая на эти споры, Самед Вургун писал:

«Ребенок — человек! В его кажущейся простой, игровой, всегда счастливой и свободной природе есть все качества взрослых людей.

Думать, чувствовать, любить, обижаться, плакать, смеяться, гневаться, вспоминать, размышлять, верить в надежды и мечты, порядочность, уважение — все человеческие качества есть в мире ребенка.

Хочу сказать, что, разговаривая с ребенком, мы не должны забывать, что говорим с человеком; когда пишем для детей, не забывать, что пишем для людей».

Эта мысль классика азербайджанской советской поэзии, отвечающая практике всей советской литературы для детей в ее высших достижениях, нашла широкую поддержку и воплощение в творчестве многих поэтов и прозаиков.¹

Одному из наиболее талантливых представителей азербайджанской детской поэзии последних десятилетий **Ильяс Тапдыгу** (Тапдыгов Ильяс Орудж оглы, р. 1934) доступны практически все проблемы, волнующие общество, в том числе и те, с которыми ребенок пока вплотную, может быть, еще и не сталкивается, но с которыми он непременно встретится по мере взросления в будущем.

Ильяс Тапдыг по образованию — учитель, окончил Азербайджанский педагогический институт им. В. И. Ленина. Печатается с 1952 года. Первый сборник стихотворений поэта «Чабан нашего села» вышел в 1955 году. Книжки 50-х годов — «У родника», «Глаза», «Хумар» — явились как бы начальными ступенями профессионального роста поэта. Настоящее признание принесла ему книга «Чимназ танцует» (1967), превосходно переведенная на русский язык Аллой Ахундовой. В этой книге впервые наиболее ярко выразились достоинства детской поэзии Ильяса Тапдыга — зрелого мастера.

Пожалуй, лучшую характеристику творчества этого своеобразного поэта дала М. Прилежаева. «Ласковы и улыбчивы стихи Ильяса Тапдыга о детях и для детей, — пишет она. — ... Читаете ли вы забавный рассказ о маленьком Тахсине, который не выговаривает «р» и оттого попадает в комические ситуации, или о крошке Кямале, или о маминной помощнице в стихотворении «Домашняя работа» — вы узнаете живых детей, и вам весело их узнавать, и вы благодарны автору за его чуткую доброту»¹.

Что же главное в стихах поэта? «Прежде всего любовь к жизни, поэтическое восприятие жизни, природы, людей, — отвечает М. Прилежаева. — В воображении читателя возникает край своеобразный — Азербайджан, влюбленно описанный влюбленным поэтом. Здесь равнины, горы, рощи, озера и море, здесь солнечной силы набирается виноградная лоза и зреет золотой инжир, здесь на просторе

¹ Прилежаева М. Здравствуйте, Ильяс Тапдыг! — «Детская литература», 1972, № 12, с. 31.

Куда ни глянешь,
 Повсюду вышки...
 Они за нефтью
 Идут рядами.
 Они грядами
 Уходят в море,
 Уходят в небо...¹

Поэтически воспринимаемая мир, Ильяс Тапдыг умеет изобразить его предметно и точно. В его стихах нет приблизительных описаний и общих мест»².

Приведем цитаты из двух стихотворений поэта на извечную для детской литературы тему природы:

ГРОЗА

В небе
 Молнии
 Вырос вьюнок голубой.
 Перепутанных
 Туч
 Распустились клубки.
 Как по нитке,
 Дождинки
 Наперегонки
 Побежали к земле...

МОЛНИЯ

Огненное дерево
 В небе расцвело...
 Огненные корни,
 Ветви и ростки
 Располосовали
 Небо на куски...

Критик Алла Марченко пишет о том, что для этих стихотворений И. Тапдыга характерен «способ живописного соображения, дающий ребенку в руки золотой, но простой ключик от таинственного храма природы. Ветры — веселые бродяги... Горы — станове богатырей, которые куда-то отлучились, оставив свои шатры без присмотра, но ненадолго... Гроза — цветение и увядание то голубого вьюнка, то огненного дерева, смотря по силе ее наступления...

Да, молния страшна, но посмотри, как она похожа на голубой вьюнок! Да, молния опасна, но ведь и ее можно приручить, сделав соответствующую

¹ Здесь и далее стихи И. Тапдыга приводятся в переводе А. Ахундовой. — *Ред.*

² Прилежаева М. Здравствуйте, Ильяс Тапдыг! — «Детская литература», 1972, № 12, с. 31.

щую — доступную пониманию очень-очень маленького человека — расстановку... Например, через сравнение с огненным деревом! Ведь дерево, даже огненное, всего лишь дерево, и значит, его, как всякое дерево, можно срубить — заставить рухнуть, что, кстати, и делает маленькая героиня стихотворения Ильяс Тапдыга «Молния».

Способность превращать материал повседневного опыта в сказку, метафору, миф, — пишет далее А. Марченко, — вовсе не мешает азербайджанским детским поэтам прочно стоять на земле, правильно ориентировать своих читателей в бытовом, конкретном, а значит, и нравственно-практическом направлении. Я не случайно соединила эти два понятия через дефис — речь идет именно о практической нравственности, а не о той, что не требует никаких духовных и практических усилий, не об идеальной-абстрактной...»¹.

Поэт не рассказывает придуманных историй: все темы, сюжеты, коллизии стихов он берет из жизни, окружающей ребенка, говорит о них очень просто, но эта простота ничего общего не имеет с голой констатацией, поверхностным описанием того или другого факта, свойства, явления. И Тапдыг неизменно обращает внимание маленького читателя на связь даже самых простых и ясных вещей: связь причинную, логическую, ассоциативную, по сути, всеобщую. В этом легко убедиться на примере стихотворения «Бабушкин ковер»:

Бабушкин внучек
Сидит на бугре.
Этот бугор
На верблюжьей
Спине.
Этот верблюд
На красивом ковре.
Этот красивый
Ковер
Во дворе.
Бабушкин
Двор
На зеленом
Бугре.

Казалось бы, как мал и тесен мир, окружающий малыша: бабушкин двор и ковер во дворе, на который посадили мальчика. Но на ковре есть рисунок: там выткан верблюд. У верблюда на спине бугор: горб. А если приглядеться, можно, помимо горба, разглядеть и множество других замечательных подробностей. Так рождается мысль, что ковер не просто предмет, на котором можно посидеть и поиграть, а вещь красивая, интересная сама по себе, без мысли о ее практическом применении. Но ведь и двор — не просто двор. Он на высоком месте, на бугре. Бугор покрыт зеленой травой и тоже, как и ковер, очень красивый. А с бугра еще и видно

¹ Алла Марченко. Приглашение к роднику. — «Детская литература». 1982, № 4, с. 21—22.

далеко. Мир не кончается бабушкиным дувалом, а распахнут вверх и вширь — до солнца и облаков, до линии горизонта.

Вот как много сказано в маленьком стихотворении. Разные вещи связаны в нем по цепочке по принципу близкого соседства. Однако связь эта не кажется случайной. Два бугра, композиционно окольцовывающие стихотворение: нарисованный верблюжий горб, на котором сидит маленький герой, и настоящее возвышение земли, на котором стоит бабушкин дом, — эти два бугра словно бы и в самом деле накладываются один на другой, как камни, образующие башню. Малыш находится на самом верху. Он поднят над миром. Мир его расширяется.

Конечно, это пока еще главным образом мир игры, беспечной радости, познания и самопознания в их изначальной, первичной стадии. Не случайно многие стихи И. Тапдыга так напоминают народные детские игровые песенки (охшама), считалки:

Раз — пригорок, два — пригорок.
Три, четыре — верблюжонок.
Раз — гора, два — гора,
Три, четыре — два горба.
Раз — холм, два — холм,
Три, четыре — мы верхом.

Игра? Несомненно! Но показательно, что и в этой забавной считалке предметы счета — пригорок, гора, холм и маленький герой поднимается — пусть пока только на спину верблюжонка. Как важно сызмала пробудить это стремление к высоте. Недаром же про человека, уверенно чувствующего себя в жизни, хозяина внешних обстоятельств, говорят: «Он на коне»!

Критики единодушно отмечают необыкновенную ритмичность, музыкальность стихов И. Тапдыга, свойственную им детскую непосредственность и чистоту. «Теплым юмором согрето стихотворение «Серая шапка», — пишет С. Гусейнова. — Перед нами миниатюра — собака Топлан приняла маленького Гасана, надевшего заячью шапку, за зайца и принялась на него лаять.

О том, как воспринимает ребенок хлопковое поле, говорится в стихотворении «Хлопок»:

Хлопья снега на меже
Летом не растаяли.
Хлопья снега на меже
В поле не оставили.
Снег собрали, просушили,
В горы белые сложили,
Увязали снег в узлы
И в машине увезли¹.

Одно из лучших стихотворений И. Тапдыга, по мнению его собрата по перу Тофика Махмуда, «Севиль обиделась». В нем речь о девочке, которая

¹ С а р а Г у с е й н о в а. Антология азербайджанской детской литературы. — «Детская литература», 1977, № 9, с. 25.

обижается на друзей, делающих ей справедливые, хотя и не всегда приятные и вежливые замечания. Стихотворение заканчивается следующим четверостишием (перевод подстрочный):

Севиль обиделась на Гюлер,
Севиль обиделась на Джафара.
Напрасно в течение одного дня
Она обиделась на стольких ребят!

Стихотворение это не поучает — оно предупреждает героиню, а вместе с тем и читателей, что подобного рода обидчивость грозит человеку одиночеством, невольной изоляцией от общества.

«Добрый, содержательный свет, — пишет Т. Махмуд, — освещает стихи поэта. В поведении мальчика, который ждет порицаний от отца за рисунок, набросанный на стене, а взамен получает похвалу, в стремлении девочки вернуть назад отрезанные косички, в поведении ребенка, которого мучит зубная боль, мы предельно четко ощущаем этот добрый, ясный свет»¹.

Радостное видение жизни, оптимизм, юмор, ясность и простота, умение передать все особенности, тонкости, оттенки детских чувств, мыслей — все это в высокой мере присуще стихам И. Тапдыга:

...Ах, как на цыпочки я привставала
И головою красиво качала!
Я рукавом ото всех закрывалась —
Это как будто я очень стеснялась.
Это уж так полагается в танце —
Девочке нужно немного стесняться.

«Удивительно достоверная картинка-переживание! — комментирует эти строки из стихотворения И. Тапдыга «Чимназ танцует» исследователь детских литератур народов СССР В. Александров. — В данном случае поэт абсолютно точно знает, что «полагается в танце» маленькой кокетке. Мы понимаем это без труда»².

Об этом же стихотворении восторженно высказывается Мария Прилежаева: «Как прелестен образ танцующей девочки, полной грации, еще не ушедшего детства и уже возникающей женственности, как непринужденно окрашены народным, национальным колоритом движения, как мил и естественен юмор!»³.

Исполнено веселого и лукавого смеха стихотворение И. Тапдыга «Стрижка волос». Лысый парикмахер, увлеченный своим делом, очень коротко подстриг волосы маленькому герою стихотворения, и тот, недо-

¹ Тофик Махмуд. И. Тапдыг, «Чимназ играет». — «Детская литература», 1969, № 7, с. 70.

² Александров В. В желуде — целое дерево (Из опыта современной советской многонациональной детской литературы). — М., 1981, с. 39.

³ Прилежаева М. Здравствуйте, Ильяс Тапдыг! — «Детская литература», 1972, № 12, с. 31.

вольный, требует постричь его заново. Эта юмористическая ситуация, как и всякая «лепая нелепица», вызывает не насмешку над наивностью персонажа, а укрепляет уверенность читателя в правильности его собственной ориентировки в действительности.

Герои стихотворений И. Тапдыга не только дети и те взрослые, что непосредственно воспитывают и обслуживают детей, вроде упомянутого лысого парикмахера. Герои поэта — люди самых разнообразных профессий: нефтяники, хлопкоробы, кузнецы, доярки, ученые. Его стихи подчас назидательны. И это понятно: ведь дидактичность, воспитательный прицел — в природе детской литературы. Но обычно назидательность И. Тапдыга не навевает на юного читателя скуки, ибо одухотворена поэзией, растворена и перевоплощена в художественном образе, как в этих, например, «диалогических» строчках:

— Садись-ка! — говорит мне дед.
 А что мне? Я сажусь...
 — Возьмись-ка, — говорит мне дед.
 А что мне? Я возьмусь...
 — Возьмись за книжку, — скажет дед, —
 Возьмись, дружок, за ум!
 Хочу услышать я в ответ:
 На небе сколько лун?

Однако, по мнению А. Марченко, такая поэтическая переработка прозаических образов поэту удается не всегда. «...Когда тот же Ильяс Тапдыг, — пишет критик, — в стихотворении «Знаете, а я из нефти» пытается переложить стихами страничку из «Детской энциклопедии», популярно разъясняющую, какие вещи, знакомые ребенку, «сделаны из нефти», стихи перестают быть стихами. И никакая игра в игру их не спасает, даже рьяная поддержка львов и волков, спрятанных в шкафу для игрушек и имеющих то же самое происхождение, что пылесос и хлебница... Едва ли такое родство будет принято ребенком — уж больно утилитарно, а вторых — игра в вещи, сделанные из нефти, даже если бы это была интересная игра, не может ничего сказать о главном, о том, как же все-таки из этой черной нефти выходят все эти разные разности. Оправдать этот ход — можно. Технологический процесс переработки нефти слишком сложен, может быть, вообще невоспроизводим с помощью художественного слова. А тут еще стих для детей дошкольного возраста, то есть форма, в силу своей специфики не обладающая необходимой грузоподъемностью... Но отказываться по этой причине, — не забывает подчеркнуть А. Марченко, — от изображения самого процесса труда все равно нельзя, ибо воспитывать интерес к вещи, уже сделанной где-то там и неизвестно кем, — значит воспитывать лишь потребительство»¹.

Стало быть, дело не в теме нефти, как таковой, а в том, чтобы найти для выражения избранной темы столь же подходящую форму, как в свое время нашел С. Маршак в стихотворении «Война с Днепром» для темы электри-

¹ А л л а М а р ч е н к о. Приглашение к роднику. — «Детская литература», 1982, № 4, с. 24.

фикации или Маяковский в стихотворении «Конь-огонь» — для разговора с малышом о коллективном характере общественного труда.

Молодой азербайджанский критик Вагиф Гусейнов считает, что от скучного морализаторства не свободны и стихи И. Тапдыга «Пчела и внучек», «Милиционер», «Злюка», «Сказки».

«Например, пространное, с сюжетом и диалогами стихотворение о мальчишке, который, обзаведясь красивой курточкой, загордился и перестал узнавать друзей, — считает В. Гусейнов, — могло бы заинтересовать маленького читателя, если бы автор не свел его смысл к поучающей сентенции: дескать, не одежда важна, а «то, что в куртке — злюка». И уж совсем бессодержательным кажется стихотворение, где малыш слушает по радио сказки, а бабушка приговаривает:

Расти, расти, внучек,
Расти, старайся,
Учи, учи сказки,
Ума набирайся!

Пожалуй, маленьким читателям этого стихотворения даже покажется немножко обидным, что столь любимые ими сказки поэт приравнивает к чему-то скучному, что надо учить, стараясь, как бы через силу, с похвальной целью набраться ума»¹.

Ильяс Тапдыг — автор двадцати книг. После книги «Чимназ танцует» он выпустил сборники «Холмы», «Есть у меня дом», «Бутоп одного цветка», «Мои цветы» и др. Основные произведения поэта для детей вошли в книгу «Лесная песня». Поэт много работает. Его творческому росту весьма способствует широкая переводческая деятельность. В числе переведенных им на азербайджанский язык книг — «Зайчик-мальчик» Э. Межелайтиса, «Виноград и два деда» М. Стельмаха, «Умные и хитрые» М. Зошенко, «Утренняя песня» В. Берестова, стихотворения Р. Бернса, Саят-Новы, Л. Украинки, Я. Райниса, Е. Чаренца, А. Кунанбаева, П. Бровки, Айбека, Уйгуна, М. Шейхаде, Зульфий и других поэтов разных времен и народов.

Книги самого И. Тапдыга переведены на русский, украинский, белорусский, узбекский, грузинский, киргизский, туркменский, латышский, эстонский, армянский, молдавский, литовский языки.

И. Тапдыг — лауреат премии Ленинского комсомола Азербайджана. Поэт в расцвете творческих сил. Похоже, что его главные творческие высоты еще впереди.

С конца 50-х годов в азербайджанской детской литературе выдвинулось имя **Хикмета Зия** (р. 1930). В одной его автобиографической заметке читаем:

«Каждый азербайджанец с младенчества слышит слова радующей душу и сердце колыбельной песни матери, мугамы и гошма, которые поют певцы и ашуги. Из глубины веков дошли до нас мугамы. В них положены на музыку газели Низами, Физули и других больших поэтов. Они воспиты-

¹ Вагиф Гусейнов. «Открытые уроки»; обретения и потери. Заметки об азербайджанской детской поэзии. — «Детская литература», 1983, № 12, с. 23.

вают нравственную чистоту, высокую духовность, благородство. И в то же время пробуждают в слушателях поэтическое чувство...

В своем творчестве ашуги часто обращаются к фольклору. Особенно выразительно в их устах звучат созданные народом дастаны... В стихах, слагаемых ашугами, в их беседах, в рассказываемых ими дастанах находит свое отражение мудрость поколений, живой народный язык.

И я тоже с самого раннего детства питан мугамами, песнями ашугов, дастанами. Со временем у меня появилось большое желание писать стихи. Конечно, одного желания мало, главное — природное дарование. Я понял это под влиянием книг, которые начал читать с детства. Наибольшее впечатление произвели на меня стихи незабвенного Самеда Вургуня, одного из знаменосцев нашей классической советской поэзии, творчество Абдуллы Шаига, классика нашей поэзии для детей...»¹.

Еще учась в седьмом классе школы, Хикмет начал писать и даже рискнул послать стихотворение «Красное знамя» в республиканскую газету «Азербайджан пионери». Вскоре на редакционном бланке пришел ответ из редакции. Очень вежливо юному стихотворцу сообщили, что стихи его слабоваты. Автор не соблюдает законов стихосложения. В произведении нет новых поэтических мыслей, образов. Однако ответ этот не только не обескуражил подростка. Он еще больше укрепил его страсть к стихотворству. Хикмет был горд, что в редакции к нему отнеслись с уважением, как к взрослому. Что ответ прислали не как-нибудь, а отпечатанным на машинке, на официальном разноцветном бланке. «Именно после того ответа, — вспоминает Х. Зия, — я решил, что должен еще много стараться и пока никому не показывать написанного. Так я и сделал»².

После окончания в 1952 году Азербайджанского государственного университета имени С. М. Кирова Хикмет Зия начал работу заведующим отделом в газете «Азербайджан пионери». Лишь теперь его стихи появляются на страницах газеты. Они-то и составили первые книги поэта — «Подарок отца», «Весна лучше чем зима», «Облака», «Мой заяц», «В голубых волнах», «Беседа звезд». Уже эти книги показали, что поэт близок к миру детей, что стихи его глубоко национальны и вместе с тем в них органически сочетаются традиционная орнаментальность восточного стиля и острое чувство современности.

Он например, так описывает маленькую девочку в стихотворении «Берегите» (перевод подстрочный):

Носик у Айтян — фундук,
Берегите от белок.
Пухленькие ручки — вата,
Берегите от ветров.
Родинки на лице — просо,
Берегите от цыплят.
Глазки — вишня,
Берегите от воробьев.

¹ Хикмет Зия. Анкета «ДЛ». — «Детская литература», 1982, № 4, с. 37.

² Там же.

Фисташковые губы — мед,
 Берегите от пчел.
 Щеки — красный гранат,
 Берегите зимой от снега.
 Волосы — шелковая нить,
 Берегите, чтоб не запутались.
 А зубы — что? Угадайте!
 Берегите от оскомины.

Стихи эти близки к народному жанру охшамы. Есть в них также и веселая игра в загадки — отгадки. Вполне учтена психология адресата: ребенка старшего дошкольного или младшего школьного возраста. Но ведь речь-то не о нем идет: об Айтян, которой, судя по описанию, нет еще и двух годочков. Здесь перед нами, конечно, не простая потешка, а просьба к маленькому читателю проявлять заботу о еще более маленьком брате или сестренке. Смешное, с яркой метафорической, временами сказочной образностью стихотворение несет серьезное содержание. Оно пробуждает не только чувства родного слова и красоты, но и чувства нежного покровительства, любви к маленькому, беспомощному и прекрасному человеческому существу, укрепляя тем самым в шести-семилетнем читателе сознание собственной «взрослости», значимости, ответственности.

Х. Зия — автор поэтических сборников для детей «На рыбалку шли два брата», «Гнездо аиста», «Воспоминание», поэм «Морские звезды», «Луноход», пьес для детского театра «Близнецы», «Испытание», сценариев игровых фильмов «Гариб в стране джинов», «Приключения Джыртдана, пришедшего из сказки» и мультфильма «Сила ума». В этих произведениях Х. Зия поэтично и увлекательно рассказывает о Нефтяных Камнях, о Сумганте, о временах года, творчески интерпретирует азербайджанские народные сказки и сказки народов мира. В его книгах живут и загадки, и скороговорки, и считалки. Но главным его призванием стала басня.

Жанр этот стал весьма популярным в азербайджанской литературе еще в конце прошлого века. Интересные образцы басен создали Энвер Алибейли, Гусейн Надир, Аллахверди Гаджиев и другие. Но Хикмет Зия выделяется среди них не одной лишь приверженностью к басенному жанру по преимуществу, не числом написанных им басен. В его творчестве азербайджанская басня достигает нового, более высокого уровня.

Для Хикмета Зия, пишет Тофик Махмуд, «басни не были простым, случайным увлечением, они стали смыслом его творческой жизни. Басни оставили в тени написанные им сатирические, лирические стихи, песни. Новизна басен Х. Зия, их разнообразие были оценены как заметное явление не только в жизни поэта, но и в азербайджанской литературе. Басни Х. Зия очень лаконичны. Изъяны человеческого характера раскрываются через какое-то локальное событие — узнаваемое, предельно ясное»¹.

Более трех тысяч басен написано поэтом. Они печатаются в периодике. Из них составились книги «Стихи и басни», «Ревнивый муравей», «Басни» и др. Своими учителями в этом жанре поэт считает Мирзу Алекпера Саби-

¹ Махмуд Т. Пристрастие — басня. — «Детская литература», 1979, № 4, с. 45.

ра, Ивана Андреевича Крылов, Сергея Михалкова, а в какой-то степени и Якова Акима, переведшего многие из его басен и лирических стихотворений на русский язык. Но эта учеба отнюдь не подражание. От названных поэтов Х. Зия отличается краткостью своих басен. Часто все произведение умещается в размеры одного двустушия, а бывает порой — и в размеры единой строки, как в басне «Удивительный цыпленок», где только и сказано, как цыпленок на вопрос, почему он не слушается маму, отвечает, что он родился в инкубаторе. Вот еще типичный пример:

Роль кнопки выполняет он умело:
Нажмешь — сработает, а нет — торчит без дела.

Или:

Зонт на виду у всех раскрытым быть стремился,
Поэтому мечтал, чтоб вечно дождик лился.

Сюжеты таких басенок не развернуты в действии, в фабуле; их богатство — в многообразии порождаемых ими ассоциативных связей, образов, мыслей. Конечно, это не совсем детские басни, поскольку требуют от читателя для полного их понимания достаточного житейского опыта и определенной зрелости мышления.

Ближе к юному читателю басни с развернутым «новеллистическим» сюжетом, хотя лаконизм является и их неизменным свойством:

Лиса однажды сказала мужу:
— Ты знаешь, зайцу стало обидно.
Он просил меня узнать, почему
Ты не ответил ему на поклон.
А муж удивился: — А он кто — Слон,
Чтоб я отвечал ему на поклон?

От традиционной басни подобные произведения отличаются также и тем, что «мораль» в них не вычленяется в виде четко сформулированного в конце вывода-поучения. Этот вывод читатель легко делает сам, испытывая после чтения, например, вышеприведенной басни неприязнь к лисьему мужу, который высокомерен и хамоват с более слабыми и готов гнуть спину перед сильнейшим. Басня эта вызывает отвращение к хамству и раболепию — низменным и настолько взаимосвязанным человеческим качествам, что они обычно всегда уживаются в одном лице.

Когда поэт прямо адресует басню детям, он вводит в нее сказочные элементы. В таких баснях обычно больше смешного («Обезьяна без изьяна», «Пингвин-дирижер» и т. п.).

На всем, что делает поэт, даже на таком шутилом по форме и очень глубоком, серьезном по смыслу стихотворении, как «На рыбалку шли два брата», лежит отпечаток его любви к басне. Младший из братьев увлечен рыболовным азартом, но отпускает обратно в реку каждую попавшуюся на крючок рыбу: ему кажется, что одна из них рыба-мама, другая рыба-сын или рыба-дочка. Он и старшего брата, поймавшего большую рыбку, уговаривает:

— Отпусти ее назад.
Видю, вижу по усам —
Это рыбий папа сам...

Х. Зия перевел на родной язык многие басни С. Михалкова, закончил перевод полного собрания басен И. А. Крылова. Но есть у него и замыслы, не связанные с басенным творчеством. В интервью журналу «Детская литература» он говорил в 1982 году:

«...Самая большая моя мечта — создать книгу для юных читателей о невиданном подъеме сегодняшнего дня республики, о подвиге героев труда...

Я хочу рассказать о человеке по имени Ахмед Ахмедов, о котором мы с композитором Шафигой Ахундовой написали песню. Он работает бригадиром в колхозе имени Шаумяна Ждановского района. Герой Социалистического Труда, кавалер четырех орденов Ленина, депутат Верховного Совета республики. В 1981 году из бункера хлопкоуборочной машины, которой управляет Ахмед, было выгружено 740 тонн хлопка. Это — героизм больший, чем подвиги сказочных богатырей, сдвигающих горы, выжимающих воду из камня. Число таких героев у нас растет год от года. Я чувствую насущную внутреннюю потребность художественно воплотить их подвиг. Если смогу это сделать, буду считать себя счастливым»¹.

О месте, занимаемом в детской поэзии **Мастаном Алиевым** (р. 1935), говорит факт присуждения ему за сборник стихов «Песня тополя» премии Ленинского комсомола республики и Государственной премии Азербайджанской ССР — за книги стихов «Птицы-музыканты» и «Ох, уж этот Ибрагим». На вопрос о том, что привлекает его в детской литературе, М. Алиев отвечает:

«Во-первых, взрослые художественную информацию воспринимают в некоторой степени осторожно, с сомнением, дети же — абсолютно искренне, и потому так приятно быть их собеседником. Во-вторых, я другой такой священной песни, как колыбельная матери, не знаю. Моя мать была первым мастером колыбельной в нашей деревне. Еще будучи малышом, я заметил, что к словам известных колыбельных песен она прибавляла свои слова. И любовь к колыбельной в какой-то мере привела меня в детскую литературу. В-третьих, все мы были детьми, и нельзя забывать мечты детства. Но однажды почувствовал, что эти прекрасные мечты я могу превратить полнее всего в детских произведениях. В-четвертых, во мне утвердилась мысль, что человека надо готовить для высоких помыслов и дерзаний еще с детства. Значит, необходима прекрасная детская литература»².

В детстве Мастан Алиев зачитывался стихами А. Шаига, С. Маршака, К. Чуковского, А. Барто, С. Михалкова. Любит их перечитывать и сейчас. Но главными своими учителями в литературе для детей считает собственное сердце и фольклор.

Его творческая позиция отличается ясным пониманием целей и специфики детской литературы, четкой гражданской ориентацией.

¹ Хикмет Зия. Анкета «ДЛ». — «Детская литература», 1982, № 4, с. 38.

² Мастан Алиев. Анкета «ДЛ». — «Детская литература», 1982, № 4, с. 35.

«Многие стихи о собаке, кошке, о домашних делах мне не нравятся, — говорит он. — Они не всегда могут поднять груз большой мысли. Простое воспевание, описание чего бы то ни было не в силах ответить высоким требованиям искусства. Надо вывести ребенка на широкие просторы жизни, поднять к ее вершинам, говорить о добре и зле, о счастье и горе.

Некоторые поэты воспевают в своих произведениях научно-техническую революцию, полеты в космос. Каждое произведение, точно так же и детское, должно опережать науку, опережать время. Тот, кто избегает этого, не сможет создать по-настоящему современное произведение. Однако нельзя в детской литературе ограничиваться только описаниями достижений современной науки и техники. Разговор должен идти о том, чтобы вылепить мышление человека, и писателю суждено стать его скульптором»¹.

В 1957 году Мастан Алиев закончил Азербайджанский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина. Первый сборник его стихов «Орел» вышел в 1961 году. Затем последовали книги «Первая встреча», «Дочь полей», «Моя Наргиз», «Шаги, шаги» и другие.

Книга «Птицы-музыканты» (куда вошел и цикл «Правдивое заведение Ибрагима» — в русском переводе: «Ох, уж этот Ибрагим») — новая страница в азербайджанской детской литературе. Герой цикла, охотник Ибрагим, или просто Ибиш, рассказывает о дивном диве, которое он якобы видел в горах Гобустана:

Я видел на скалах
Рогатых быков,
Быков, на меня
Не поднявших рогов,
Я видел на скалах
Оскаленных львов,
Могучих баранов,
Огромных коров...

При таких необыкновенных стадах и дичи пастухи и охотники тоже невиданные:

И вдруг я увидел нездешних людей...
Один из людей
Натянул тетиву,
Пуская в меня
С опереньем стрелу,
Но только стрела
Никуда не летела...

«Завириание? Да еще какое! — комментирует эти цитаты Алла Марченко. — В горах Гобустана — не где-нибудь в африканских джунглях — и вдруг заснувшее, заколдованное царство-государство. Но это «зави-

¹ Мастан Алиев. Анкета «ДЛ». — «Детская литература», 1982, № 4, с. 35.

рание» и в самом деле совершенно правдивое, ибо в конце концов оказывается, что Ибрагим рассказывает о наскальных рисунках, сделанных нездешними людьми, вернее, их детьми... Так полагает Ибрагим, ибо и допустить не может, чтобы рисунки, так похожие на рисунки детей, сделали взрослые люди, охотники — до того ли им было? Видел ли в горах Гобустана Ибрагим дивные изображения оскаленных львов или слышал о существовании подобных и щедро населил ими и свои родные горы — неважно... Важно, что его «завирание» вполне в духе нашего времени»¹.

В азербайджанской литературе Ибрагим — образ новый, неожиданный и одновременно узнаваемый в своей народности, в близости к человеку именно сегодняшнего мироощущения, берущего под свою защиту и живую природу, и всю окружающую нас экологическую среду. Известный у себя в деревне и во всей округе охотник Ибиш вдруг устраивает такую охоту, что

И гуси, и утки,
Скворцы, перепелки
Бросятся сами
На дула двустволки...

Быть может, Ибрагим, этот горский Мюнхгаузен, как называет его А. Марченко, и впрямь придумал такую хитрость против увертливых и пугливых птиц, перед которой бледнеют все ловкие приманки героя Э. Распе? Но нет: все объясняется весьма просто и даже прозаично:

Да, странные выстрелы
В поле гремят.
Такого еще
Не видали, не знали!
А гомон стоит,
Как на птичьем базаре:
— Га-га-га-га-га!
— Кря-кря-кря-кря-кря! —
Видать, Ибрагим наш
Стреляет не зря.
Вороны разинули клювы,
Дивятся.
Уже воробьи
Начинают слетаться.
Толкаясь, толпясь,
Пробиваясь вперед,
Сбежался туда
Любопытный народ.
А в поле черно
От взлетающих птиц.

¹ Алла Марченко. Приглашение к роднику. — «Детская литература», 1982, № 4, с. 23.

А в поле светло
 От смеющихся лиц.
 Я все объясню,
 Не спешите с вопросом.
 Стрелял Ибрагим наш
 Пшеницей и просом,
 Пшеном, коноплей...
 Вот так он охотился
 Прошлой зимой!

Формулируя свои требования к детской литературе и, стало быть, прежде всего к себе самому, М. Алиев писал: «Я бы хотел, чтобы в детской литературе каждого народа были сильные характеры. Сильный характер, положительный или отрицательный, — это всегда конкретно и типично. Сильный отрицательный характер рождает силу ненависти, сильный положительный характер пробуждает глубину восхищения. Когда есть сильный характер, воображение ребенка никогда не станет блуждать среди хорошего и плохого»¹.

Ибрагим-Ибиш — бесспорно сильный положительный характер. Нельзя не согласиться с А. Марченко, которая полагает, что «у охотника и враля Ибрагима есть все возможности для того, чтобы занять в азербайджанской детской литературе пустующее пока место Главного Великана...»².

А вот еще один положительный герой детской поэзии — дедушка Подсолнух из одноименной поэмы-сказки М. Алиева. На все цветы полевые дедушка Подсолнух смотрит как на своих любимых внуков, делает им красивые игрушки, играет с ними, защищает от бед. Однажды, расшалившись, внуки тайком от дедушки отправились в горы, разбрелись по ущелью, попали под дождь.

Подсолнух в тревоге за детей зовет на помощь Солнце. Оно делает из радуги мост, переходит по нему через бурный поток, перекрывающий дорогу в горы, и рассыпает по всем склонам свои лучи-тропинки. По этим тропинкам и по мосту-радуге внуки дедушки Подсолнуха возвращаются домой. Они счастливы, что все кончилось благополучно. Повернувшись лицом к Солнцу, дедушка Подсолнух сушит мокрые рубашки своих шаловливых внучат. Дедушка Подсолнух вообще всегда смотрит лицом на Солнце: ведь они друзья!

Мастан Алиев — поэт яркой, живописной образности. Цветы в его стихах излучают свет. Ребенок, заблудившийся ночью, идет по лугу при свете гвоздики, и маки освещают ему дорогу, словно красные лампы. Кажется, будто и сами строки стихов М. Алиева светятся, озаряя душу маленького читателя теплым сиянием радости и добра.

«Это поэт, — пишет о Мастане Алиеве Эльчин, — который никогда не забывает о «разноцветности» детского мира, о ребячьей психоло-

¹ Мастан Алиев. Анкета «ДЛ». — «Детская литература», 1982, № 4, с. 35.

² Алла Марченко. Приглашение к роднику. — «Детская литература», 1982, № 4, с. 23.

гни, умеет найти ответы на бесчисленные вопросы детей и отлить их в художественную форму, близкую детскому мышлению. Тематическое богатство выражается Мастаном Алиевым во множестве оригинальных вариаций. Он творчески использует все формы устного народного творчества — пословицы, поговорки, загадки, баяты, герайлы, смело воплощает современное содержание способами поэтической изобразительности, свойственными фольклору, вплетает в мелодию стихотворения узор народной песни. Лукаво-мудрые его герои напоминают персонажей азербайджанских народных сказок — таких близких и понятных детям, и в то же время таких «чудных», вроде доброго охотника Ибрагима, который и сам-то почище ребенка выдумщик и забавник¹.

Однажды М. Алиев напомнил о мальчике Джыртдане — герое азербайджанских народных сказок. «Пройдя через века, он дошел до наших дней, и нет сомнения, что придет и в будущее. «Домик», в котором живет Джыртдан, очень маленький, но зато сам он великий. Интересно, какая сила искусства вместила великого Джыртдана в маленький дом? Древняя эта сказка очень проста, но я ставлю ее выше многих современных произведений.

Ведь Джыртдан не мудрый, мудрецы сделали его героем, и «домик» его немудреный, но построили его мудрецы. Нетрудно заметить, что в лучших детских произведениях, словно в простом маленьком «домике», живет большой герой. Мне нравится широкое описание жизни, глубокое наблюдение, бесконечные поиски. Бывает, что рядом ребенок — герой, а ты ищешь его в мечтах, отрешившись от реального. Не лучше ли брать его из жизни и окрылять своей мечтой?»²

И в критике Мастан Алиев, как видим, — поэт. Какой верный и емкий образ всей детской литературы: большой герой, настоящий богатырь в маленьком домике, который порой иным недалеким взрослым все еще кажется игрушечным! И какая прекрасная творческая программа — не терять масштабов и глубины жизни, даже входя в маленький домик детской литературы, насыщать эту малую форму дыханием, ритмами, серьезной сутью и болью большой, взраждающей жизни.

К талантливым представителям поколения, о котором идет речь, принадлежит поэт **Тофик Муталибов** (р. 1929). Свою первую книгу «Счастливые дети» он издал еще в 1953 году, и она была настолько удачной, что ряд стихотворений из нее и сегодня включается в хрестоматию для начальных классов. После появившихся за первой книгой сборников — «Елка в детском саду», «Ишыг», «Встреча» в творчестве поэта наступил довольно значительный перерыв — почти десятилетие. Поэт стремился осмыслить происходящие в жизни и в литературе перемены, и его собственная поэзия постепенно обрела иное, более высокое качество, о чем свидетельствовали вышедшие в конце 60-х годов книги «Стихи» и «Сердце любит красоту».

Для зрелого творчества Т. Муталибова характерно стихотворение

¹ Эльчин. Без трудностей нет побед. — «Детская литература», 1982, № 4, с. 16.

² Мастан Алиев. Анкета «ДЛ». — «Детская литература», 1982, № 4, с. 35—36.

«Джуджяллярим» («Мои цыплята»), ставшее любимой детской песней и переведенное на 23 языка народов СССР и мира:

Цып-цып, мои цыплята,
Цып-цып-цып, мои цыплята,
Золотистые маслята,
Голосистые писклята...

За внешней непритязательностью содержания и подчеркнутой простотой его выражения, как это обычно бывает в подлинно народных поэтических созданиях, здесь ощущается и глубина истинного чувства, и гармоническое единство, цельность художественной формы.

Стихи, построенные на звукоподражательных аллитерациях (в них — как в подлиннике, так и в переводе — слышится писк, бесполокковая суетня ищущих корм и радующихся жизни цыплят), своей необыкновенной популярностью у ребят разных стран доказывают особо возрастающую в наши дни актуальность любви к живому, неизбежность исконного стремления человека заботиться о малом, слабейшем, нуждающемся в защите, облагораживающее воздействие этой заботы на человеческую душу.

Т. Муталлибову принадлежит более двадцати книг. Среди них — «Мои цыплята», «Ради тебя», «Говорящие картинки», «Мои родные». Книги и стихи Т. Муталлибова переведены на узбекский, таджикский, туркменский и киргизский языки.

О **Тофике Махмуде** (Мехтиев Тофик Махмуд Оглы, р. 1931) уже шла речь как о редакторе журнала «Гейрчин» и критике детской литературы. Но конечно, главное в этом талантливом человеке то, что он — поэт. «Моя мечта, — сказал он однажды, — чтобы детская поэзия удостоилась такого народного признания, какого достигали истинно народные поэты. Когда я был еще мальчиком, я видел, как в далеком горном селении, после того, как Али Ага Вахид¹ прочитал стихи, старики торжественно поднесли ему мешок риса. За его труд они отблагодарили его плодами своего труда. И это наивное, трогательное свидетельство признания поэтической работы запомнилось мне на всю жизнь»².

Если сам народ приравнивает труд поэта к труду хлебороба, то как же высока должна быть ответственность пишущего! Не к тому ли должен он стремиться, чтобы каждая его строка была поистине духовным хлебом насущным для маленьких читателей? Т. Махмуд — автор многих поэтических книг для ребят: «Цветочный горшок», «Застенчивый мальчик», «Альпинисты», «Голос в лесу», «Материнские объятия», «Вопросы моей дочери», «Ветка, касающаяся окна», «Красота бабочки» и др. В них он стремится, наследуя и продолжая фольклорную традицию, использовать в то же время все новейшие завоевания азербайджанского стиха.

Чрезвычайно плодотворна учеба Т. Махмуда у классиков русской

¹ Вахид Али Ага (1895—1965) — азербайджанский поэт, заслуженный деятель искусств АзССР.

² Тофик Махмуд. «Голубь» воспитывает орлов. — «Детская литература». 1982, № 4, с. 49.

советской детской поэзии, творческое применение опыта которых несколько не мешает поэту оставаться глубоко национальным. Поэма Т. Махмуда «Дядя Степа в Баку», разумеется, не могла бы появиться, не будь михалковского дяди Степы. Но и сам С. Михалков не мог бы написать историю пребывания своего героя в столице Азербайджана так, как написал ее азербайджанский поэт. Т. Махмуд по праву считается лучшим в республике переводчиком стихов А. Барто. Но думается, уроки, полученные историей пребывания своего героя в столице Азербайджана так, как написал ее азербайджанский поэт. Т. Махмуд по праву считается лучшим в республике переводчиком стихов А. Барто. Но думается, уроки, полученные историей пребывания своего героя в столице Азербайджана так, как написал ее азербайджанский поэт. Т. Махмуд по праву считается лучшим в республике переводчиком стихов А. Барто. Но думается, уроки, полученные историей пребывания своего героя в столице Азербайджана так, как написал ее азербайджанский поэт.

В стихах Т. Махмуда для маленьких особенно примечательна языковая звукопись, сливающаяся с темой стихотворения, выражающая ее. Так, в стихотворении «Дождь» мы слышим звуки, которые производят капли, падающие в лужи, стучащие по желобкам водостоков. Точно так же в другом стихотворении звучание слов имитирует стук летящих на землю градин (что отчасти сохраняется даже в переводе на русский язык):

Выпал град,
Перекрыл дорогу,
Выпал в горах,
Выпал в саду.
Стучал таг-таг,
Тараг-тараг.
Падал в воду —
Шлепал,
Падал на землю —
Топал.

Нетрудно заметить, что переводчица А. Ахундова сумела донести до русского читателя звукопись оригинала через характерные для русского языка аллитерации на «р» и «л» (когда градины падают в воду), а также через прямые звукоподражания: «таг-тараг».

Стихи Т. Махмуда отличаются также четким, выразительным ритмом, бурным темпераментом, созвучным радостному, оптимистическому мироощущению раннего детства, что хорошо видно хотя бы по стихотворению «Гусенок-велосипедист» (пер. А. Ахундовой):

Ах, гусенок,
Вот бесенок!
Ох, гусенок,
Вот артист!
Поглядите на гусенка:
Ай да велосипедист!

В последнее время Т. Махмуд пишет и прозу. Его повесть «Бусы, рассыпанные по земле» хорошо встречена читателями и критикой.

Несколько интересных поэтических книг для детей выпустил **Фикрет Садыг** (Садыгов Фикрет Аббас-оглы, р. 1930), пишущий также и для

взрослых. Его стихотворение «А это что?» напоминает детскую игру в вопросы-ответы. Игра занимательна сама по себе, и за этой занимательностью удачно скрывается дидактический замысел автора — не только удовлетворить естественную любознательность ребенка множеством разнообразных сведений, но и подогреть любопытство, разбередить ищущую мысль. Суть в том, что этой дидактической цели поэт достигает вполне художественными средствами, отказываясь от ходячих образов-штампов и банальных, стертых рифм, неустанно обновляя форму поэтического высказывания:

— А это что?
 — Дерево!
 — Разве бывают такие деревья?
 Где же его яблоки?!
 — Его яблоки собрали,
 Чтобы ветви не обломались.

Отметим необычность, новизну и вместе с тем просторечную разговорность рифм Ф. Садыга, характерную как для стихотворения «А это что?», так и для других произведений поэта. Например, в стихотворении «Что есть в небе...» рифмуются слова и словосочетания: кёчарляр — дяджалляр (переселятся — шалуны), сонсузлур — онсузда (без конца — и без того), улдуздур — удуздун (это звезда — ты проиграл), гёйдадир — гёй нядир (в небе — что такое небо) и т. п.

Учить родному языку, расширять словарный запас, сферу его активного применения — первейшее свойство детского стиха. Садыг помогает своему маленькому читателю овладевать языком, наглядно демонстрируя в стихе многозначность родного слова:

Я красивая девочка, мое имя Гиля (адым Гиля).
 Я поехала в гости к моему дяде (дайымгиля):
 Дождь пошел крупными каплями (гиля-гиля).
 Башмачок мой испачкался в глине (гиля).

Здесь слово «гиля» четырежды употреблено в разных значениях: это и имя, и направление действия, и капля, и глина.

В стихотворении «Четыре слова» поэт находит весьма остроумное, хотя и далекое от научного, зато отвечающее духу языка «объяснение» словам, обозначающим четыре времени года — весну, лето, осень, зиму:

Когда приходит весна,
 Полившие горы расписывает она зеленым,
 Сады расписывает зеленым,
 Поля расписывает зеленым.

По-азербайджански «весна» — «яз», а «писать» — «язмаг». Поэт отнюдь не сбивает читателя с толку, навязывая ему ложную этимологию. Ведь в стихах и речи нет о происхождении слова «весна». Но, обращая внимание малыша на явное звуковое родство слов «яз» и «язмаг» с их

производными, поэт одновременно дает воображению ребенка и поэтическую ассоциацию, образ: Весна — художник, творец, расписывающий опустошенную зимой землю в радостные краски жизни. Подобным же способом раскрывает Ф. Садыг и другие времена года, оттапливаясь от звучания обозначающих их слов и от близких, доступных ребенку смысловых ассоциаций.

Ф. Садыг часто приближает ритмы своей поэзии к непринужденной структуре живой разговорной речи. В этом смысле характерно стихотворение «Библиотека с картинками»:

Это здание
Со всеми его книгами.
Большой друг
Ребят
Поэт Корней Чуковский
Подарил детям.

Литературный опыт азербайджанской детской поэзии последних полутора десятилетий свидетельствует, что особенностью современной литературной сказки является зыбкая, практически неуловимая граница между сказочной фантастикой и существующей реальностью. Характерный пример — поэма Ф. Садыга «Куда уходил Джыртдан?».

Ржавый лес,
Тропка в увядших листьях.
Какой-то храбрый мальчик
Взбирается на склон горы.
На его плече
Вязанка дров,
В черных глазах
Сияние солнца.

Перед нами, кажется, хорошо знакомый читателям герой популярных народных сказок — веселый, находчивый, умеющий в трудную минуту выбраться из самого запутанного и опасного положения Джыртдан.

Интересно, как это
Произошло, что Джыртдан
Не испугался волка,
Не испугался собаки,
Не испугался дива —
Вышел из дому один?

На этот раз, однако, юный герой заблудился, дороги домой не нашел и попал из сказки... в нашу сегодняшнюю действительность. Ничего страшного с ним, конечно, не происходит. Вот он в Шемахинской обсерватории наблюдает со своими сверстниками, юными астрономами, звездное небо. Вот ночует в обычном городском доме, а вечером, перед сном, слушает по телевизору сказки дедушки Пири. Обычная советская жизнь.

Ребята и взрослые, неизменно доброжелательные к незнакомому и растерявшемуся от обилия свалившихся на него впечатлений мальчику. Но Джыртдан думает:

Если то, что я увидел,
Расскажу моей бабушке,
Она не поверит,
Назовет это сказкой.

Вторая часть поэмы-сказки еще более убеждает читателя в том, что самые смелые фантазии прошлого бледнеют перед человеческими свершениями наших дней. Ее герой — мальчик, обладающий замечательной игрушкой.

Этот мальчик
День и ночь
Хвастался:
— На семицветный,
В семь долек,
В семь полосок,
На круглый
Мяч мой посмотри!

И дохвастался: ветром подхватило чудо-мяч, унесло в облака. Чтобы догнать и вернуть игрушку, герой садится на ковер-самолет. Но мяч летит быстрее. Герой пересаживается на птицу-феникс. И та не в силах угнаться за мячом. Только когда мальчик догадался воспользоваться ракетой, цель была достигнута.

Высокая патриотическая мысль лежит в основе поэмы Ф. Садыга «Камень родины моей». Дорогие ему черты отчизны поэт узнает даже в заброшенном поле, даже в камне «величиной с ладонь».

Из повседневной жизни, из окружающего ребенка быта берет темы, идеи, образы своих стихотворений **Мамед Аслан** (р. 1938). В 1962 году он окончил Азербайджанский педагогический институт им. В. И. Ленина, работал учителем в школе, ответственным секретарем редакции районной газеты. В 1970 г. выпустил первую книгу стихов — «Сердце гор».

Сегодня М. Аслан — автор многих книг для детей и взрослых: «Ежевика», «Кто открывает утро», «Дай голос мне», «После нас что остается?», «Почему верблюды жуют», «Дало бы сердце гарантию» и др.

Большинство детских стихов поэта посвящены родной земле, природе, нравственным аспектам проблемы взаимоотношения человека с миром животных, птиц, рыб, растений.

Ой, белка, белка,
Не просыпайся пока,
Завернись в одеяло,
Укутай голову.
Не работай весной,
Подожди осени,

Тащи бесплатно орехи
В свое дупло.

В этом ироническом стихотворении через советы, даваемые белке, разоблачается лирический герой, человек потребительских, даже тунеядских наклонностей, который и белке завидует потому, что она имеет возможность спать и не трудиться целую зиму, питаясь осенними припасами.

А вот еще одна картина из жизни природы:

Дождь прошел проливной,
Поток наполнил ущелье.
Храбрый баран оказался впереди,
Стадо пошло за ним.
От ноги барана
Один камень сорвался, полетел,
Поднял крик:
— Бегите, эй!
Сам заговорил, пошел...

В этой картине все живое — и дождь, и поток в ущелье, и стадо горных баранов, и, самое удивительное, камень, сорвавшийся в пропасть из-под ноги животного. Именно камень не только наделяется речью, но и психологией: ведь он, падая, заботится не о себе, а о том, чтобы не зашибить кого ненароком.

Тот же взгляд на природу проявляется и в стихотворениях М. Аслана «Весна», «Земляника», «Песня цветов», «Упрямец».

Не всякий образ может быть доступен детскому пониманию. М. Аслан умеет находить сравнения и метафоры, близкие, понятные юным читателям. В одной из загадок он сравнивает яйцо с камнем:

Круглым-прекруглым камнем был,
Белому камню другом был.
Странное дело произошло —
Камень однажды птицей стал.

Поэт плодотворно учится у народной поэзии. В ритмической структуре его стихов, в характере рифм, часто омонимических и каламбурных, можно узнать особенности таких устных поэтических форм, как гаджинсы, джинс-баяты и др.

М. Аслан известен и как переводчик детских поэтов народов СССР.

Серьезный вклад в азербайджанскую поэзию для детей внесли такие «взрослые» поэты, как Габиль, Сабир Мамедзаде, Халил Рза, Рефик Зека.

Имамвердиев Габиль Аллахверди оглы (р. 1926), более известный читателям под псевдонимом **Габиль**, удостоен республиканской государственной премии за большую лирико-философскую поэму «Насими», посвященную трагической судьбе азербайджанского поэта и мыслителя XIV в. Имадеддина Насими. Поэтические сборники Габилы «Завтра моя

свадьба», «В ветреные дни», «Рассвет», «Береговые огни» ценимы молодостью за эмоциональность, лиризм, глубину и богатство ассоциаций.

Сохраняя все качества его «взрослой» поэзии, детские стихи Габилы привлекают неожиданностью аллитераций, каламбурных рифм, когда далекие по значению слова, оказавшиеся рядом в силу их фонетического подобия: нагара — магара (барабан — пещера), ляпаляр — тапаляр (волны — сопки), — обнаруживают в контексте сходство образно-содержательное.

В стихотворении «Сальваторе» создан жизненный образ сынишки хозяина небольшой гостиницы, в которой, будучи за рубежом, останавливается автор. Этот мальчик похож на всех мальчишек мира: такой же веселый, озорной, непоседливый, любопытный и простодушный. Ему нравятся искренние, приветливые люди, приезжающие из далекого Советского Союза. И он не скрывает добрых чувств к советскому народу, стараясь по возможности проявить внимание и доброту к кратковременным гостям отцовской гостиницы.

Стихи Габилы о мальчике Сальваторе углубляют советский патриотизм юного читателя. И в то же время они помогают формировать интернационалистское сознание, воспитывают детей в духе гуманизма, уважения и любви к другим народам.

Сабир Мамедзаде (Мамедов Сабир Магомедали, 1935 — 1984) в своих детских стихах изображает картины природы, жизнь городских ребят, доблестный труд морских нефтяников. Его сказочная поэма «Потерянный ключ» — одна из любимых детских книг. Героиня поэмы Солмаз теряет ключ от квартиры. Она рассказывает о своей беде Коту, Петуху, Собаке, Утке:

Петушок, петушок,
Золотой сапожок,
Гребешок алый,
Глазки — кораллы.
Ключик у меня пропал,
Ты бы сбегал поискал.
(Пер. А. Ахундовой)

Четвероногие и пернатые друзья девочки с готовностью включаются в поиски. И вот Утка находит ключ в воде и приносит его Солмаз.

С. Мамедзаде — автор около десятка книг для малышек («Белый цыпленок и черный цыпленок», «Я моряк» и др.), вышедших в Баку и Москве.

Стихотворения **Халила Рзы** (Халилов Халила Рза оглы, р. 1933) продолжают классическую поэтическую традицию. В стихах, написанных для детей, поэт умело использует старинные размеры *аруза*¹, достигая при этом особой виртуозности звучания и разнообразия ритмики. Его книжка «И олени соль едят» — одна из любимых детских книг. В ней

¹ А р у з — арабо-персидско-тюркская система стихосложения, сложившаяся к VIII в. и основанная на чередовании кратких и долгих слогов.

поэт раскрывает перед маленькими читателями волшебный мир природы, поэтически прославляет горы, леса, луга Родины.

К традиционным размерам аруза обращается в своих стихах и **Рефик Зека** (Гаджиев Рефик Зека Джафар оглы, р. 1938). Детские стихи поэта богаты юмором. Из тридцати книжек, написанных Рефиком Зека для ребят, особенно популярна книжка «Дети — цветы».

На русском языке пишет веселые детские стихи сотрудник республиканской газеты «Вышка» поэт **Тофик Агаев** (р. 1933). Особенно успешно переводит Т. Агаев на русский язык стихи азербайджанских детских поэтов.

Если уподобить азербайджанскую детскую литературу прекрасному дворцу, то окажется, что и мраморные глыбы, лежащие в его основании, и ажурная резьба отделки — это поэзия. Узоры, нанесенные первыми зодчими дворца — М. А. Сабиром, А. Сиххатом, А. Шаигом, Р. Б. Эфендиевым, С. М. Ганизаде, и ныне продолжают радовать своим искусством, непревзойденным мастерством. М. Рзакулизаде, Т. Эльчин, Х. Алибейли, Х. Зия, М. Алиев, Т. Махмуд, И. Тапдыг, С. Мамедзаде, Эльдар Бахыш, Мобиль Гулузаде, Юсиф Гасанбек, Тофик Агаев достойно продолжают традицию классиков.

Сегодня им наследует большой отряд поэтов идущего за ними поколения — Мамед Намаз, Кямал Искандер, Аслан Кямярли, Алямзар Ализаде, Тофик Мирза, Рафик Юсифоглу, Алескер Алиоглу, Шахин Халилов, Тофик Мамед, Тофик Велибеков и др. Стихотворение одного из этих поэтов **Сабир Худу оглы Рустамханлы** (р. 1946) «Родник» дало название сборнику-антологии азербайджанской детской поэзии, вышедшему в Москве на русском языке в 1981 году и названному Эльчиным одним «из самых примечательных явлений в азербайджанской детской литературе последних лет»¹.

«...Сравнивая Родину с животворящим родником, испив из которого человек становится чистым, мудрым и сильным, — пишет Эльчин, — поэт очень естественно, безо громких деклараций сумел донести до маленького читателя смысл высшего понятия любви к Родине»².

Око зоркое родника,
Слово звонкое родника.
Живое бьющееся сердце,
Живая вечная вода,
Им не напиться, не напеться,
Не наглядеться никогда.
Око зоркое родника!
Слово звонкое родника!
Его цветущие следы:
Следы-луга, следы-сады.

¹ Эльчин. Без трудностей нет побед. — «Детская литература», 1982, № 4, с. 18.

² Там же, с. 16.

Его простертая рука:
 Рука-ручей, рука-река.
 И капля в капле повторится,
 И слово в слове отразится,
 И к роднику придет написать
 Людей великая семья...

(Пер. А. Ахундовой)

Да, нарисованный поэтом прекрасный образ чистого животного родника сливается с образом родной земли, становится ее символом. Но всякий символ многозначен. Не случайно и антология азербайджанской детской литературы, куда вошло это стихотворение С. Рустамханлы, получила название «Родник». Роднику можно уподобить и детскую литературу. В душе маленького человека «слово звонкое родника» тоже оставляет свой неизгладимый след: добрый след любви к миру, к людям, духовного (а значит, как следствие, и практического) участия в жизни Вселенной.

Поэтический образ, смелый и точный, — едва ли не самый эффективный путь приобщения растущего человека к действительности. В стихотворении «Остров революции» Фикрет Годжа (р. 1935) сравнил Кубу с крейсером «Аврора», возникшим вблизи берегов Америки. Желтизну осенних листьев он объясняет их желанием быть похожими на солнце.

Фикрет Годжа — псевдоним Фикрета Геюш оглы Годжаева. Поэт родился в крестьянской семье. Еще будучи студентом Литературного института им. М. Горького, выпустил первый стихотворный сборник «Чайка». Затем появились книги «У всех в долгу», «Бессонные ночи», «В один прекрасный день» и др. Характерные черты поэзии Ф. Годжи — гражданственность, чувство современности, интернационализм, органичность сочетания традиций национальной поэтики с культурой европейского стихосложения.

В стихотворении Ф. Годжи «Я — азербайджанец» есть такие строки:

Я сын огня, в огне рожден —
 Нет пламеннее знака.
 Как солнце, по весне зажжен,
 Как алый пламень мака.
 И потому в моих глазах
 Огонь, а не багрянец.
 Я — Азери! Я — Азери!
 Да, я — азербайджанец!

Высокий пафос этих гордых строк в творчестве поэта вполне естественно уживается с интересом к будничным, рядовым, даже заурядным фактам повседневной действительности. Поэт не боится показаться кому-то «непоэтичным», когда пишет, например, о продаже молока в городе:

— Молока! Кому молока?
 Половина каймака,
 Половина сливок?

Кому пять бутылок?
 Кому на пышки?
 Кому на пончики?
 Разве это молоко?
 Это ж мед...

Вот образец власти слова. Оно может, будучи само немощным и равнодушным, даже самый высокий предмет «приземлить» настолько, что тот лишится всякого смысла и значения в человеческой жизни. А может открыть в малом великое, возвысить обычное до исключительного, показать сложность простого.

Фикрет Годжа, замечает Алла Марченко, в своих стихах о молоке не просто «обыгрывает утратившее выразительность понятие, а потому и слово, — он распахивает его как окно в мир, и оказывается: в стандартной молочной бутылке, если ее и закупорили и откупорили талантливые руки, ущемляется очень много, но прежде всего вкус и запах родной земли»¹.

В этой бутылке, словно в каком-нибудь волшебном кувшине из восточной сказки, спрятаны

И родных полей прохлада,
 И дыханье ветерка
 С нежным запахом цветка.
 Тяжесть горного тумана,
 Свежесть снежного бурана,
 Медленные облака —
 В белом цвете молока.
 Зелень трав, потоков всплески,
 Тихий вечер деревенский,
 Петуха гортанный зов,
 Вздохи частые коров,
 И немного лунных бликов,
 Блеск отточенной косы
 Ну, и капелька росы...

Поэт, комментирует А. Марченко эти строки, «нагружает опорные слова и тяжело и многосмысленно, и верит, что его читатель выдержит эту тяжесть. Все выдержит: и тяжесть горного тумана, даже если никогда сам не испытывал этой тяжести, и смелость великолепной метафоры — «медленные облака — в белом цвете молока», — оценит, и, думаю, тоньше и чутче, чем те, кому перевалило за десять и кому уже объяснили на уроках литературы, что значит это понятие — метафора... Ведь тут, в пространстве стиха, надо не столько понимать, сколько ощущать всем существом своим — не слово, но тот мир, который это слово открывает!

Можно было, конечно, пойти и по другому пути, чисто познавательному, рациональному, — продолжает критик. — Взять малыша за руку, от-

¹ Алла Марченко. Приглашение к роднику. — «Детская литература», 1982, № 4, с. 23.

правиться на высокогорную ферму и, не прибегая к помощи поэтических образов и иносказаний, показать, как делается молоко. Совершать подобные экскурсии можно и даже очень нужно, но, думается, для этого лучше искать другие сюжеты и другие жанры. А у поэзии свое назначение: информацию, которую она несет, удовлетворяя жажду маленького человека охватить целое, не заменишь конкретным аналитическим знанием...»¹.

Именно в такой — поэтической — информации сила стихотворения **Тофика Байрама** (Байрамов Тофик Гулам оглы, р. 1934) «Шагающие дома», где поэт вначале описывает свое огорчение по поводу того, что долгожданная полученная им квартира оказалась далеко от центра города. А затем прошло несколько быстротечных лет, город вырос вширь, и дом лирического героя стихотворения, словно по волшебству, переместился из окраины в центр, ибо само понятие городского центра изменилось.

Не биологическое понятие старости является предметом стихотворения о матери **Джабира Новруза** (р. 1933). Рисуя увядшую красоту, спадающее с высохшего пальца обручальное кольцо, темное одноцветное платье матери, которую он помнит и красивой, и нарядной, поэт прежде всего стремится пробудить в маленьком читателе чувства любви и сочувствия, уважения и жалости одновременно.

Джабир Мирзабек оглы Новрузов (таково настоящее имя Джабира Новруза) — лауреат премии Ленинского комсомола Азербайджана. Он автор сборников лирических стихотворений «Мои мугамы», «Человеческая любовь», «Годы мои...», «Простые истины», «Судьбы», «Мой мир» и др. Многие его стихи вошли в детское чтение. Существен его вклад в азербайджанскую детскую литературу и как переводчика стихов С. Маршака.

Своеобразно преломляется тема Великой Отечественной войны в творчестве поэтов, чье детство пришлось на военные годы. **Алекпер Салахзаде** (р. 1937) в стихотворении «Рост» говорит о том, что он и его сверстники навсегда остались низкорослыми. Но ведь на засушливой земле Азербайджана деревья, которые не поливают, никогда не вырастают большими. Война перекрыла воду, дающую детству силу и рост, обрекла целое поколение детей на лишения, недоедание, слишком ранний, сильный лишь взрослым труд. Стихотворение звучит проклятием войне.

Другой поэт **Агасафа** (Яхьяев Агасафа Гафур оглы, р. 1942) выражает сходные мысли в стихотворении «1942 год», описывая обстановку всенародной беды, стоявшей у его колыбели.

У Агасафы есть несколько интересных книжек для малышей («Первый день в садике» и др.). В них поэт воспевает красоту окружающей действительности, поэзию счастливого мирного детства. В стихотворении «Желобок» он дает возможность читателю расслышать нехитрую, но по своему прекрасную мелодию в стуже и журчании стекающих по желобу крыши дождевых капель. Стихотворением «Мне беспокойно» Агасафа пробуждает в читателе доброту, умение сочувствовать другим, отзывчивость.

¹ Алла Марченко. Приглашение к роднику. — «Детская литература», 1982, № 4, с. 23—24.

К сожалению, в некоторых стихах этому интересному поэту все же не удается избежать прямолинейного, а стало быть, и навевающего скуку на маленьких читателей морализирования. Нельзя не согласиться с критиком Вагифом Гусейновым, когда он пишет о стихотворении Агасифы «Кто первый?»: «Поэт многословно описывает соперничество двух маленьких братьев Ахмеда и Сехада, каждый из которых стремится к первенству, хотя оба ленивы и непослушны. И значит, подытоживает автор стихотворения, ни тот ни другой первым быть не может. Ради такого вывода создавать стихотворение вряд ли стоило»¹.

Много пишет для детей **Юсиф Гасанбек** (Гасанбеков Юсиф Ганах оглы, р. 1932). У этого поэта определенно есть редкий дар детскости — способность, не впадая в нравоучительный тон, как бы непосредственно доносить до сознания и чувства малыша разлитую повсюду поэзию жизни. Теплым юмором, радостным восхищением красотой, любовно-ласковым отношением к живому пронизано, будто солнечным светом, стихотворение «Бабочки»:

Что это?
Бабочки
Крылышко нежное
Или цветка
Голубой лепесток?
Лучше спрошу
Осторожно
И вежливо:
— Кто же вы:
Бабочка
Или цветок?

(Пер. А. Ахундовой)

А как непосредствен и вместе с тем психологически точен «диалог» малыша и котенка в стихотворении Ю. Гасанбека «Мяу»:

— Мяу!
— Что ты? Хочешь пить?
— Мяу!
— Молока налить?
— Мяу!
— Снова замаяукал.
Перестань, разбудишь кукол.
— Мяу!
— Ох уж это «мяу»!
Что тебе, не понимаю...
Ой, совсем меня запутал,
Сам едва не замаяукал.

¹ Вагиф Гусейнов. «Открытые уроки»: обретения и потери. — «Детская литература», 1983, № 12, с. 23.

— Мяу!
 — Что о ноги трешься?
 — Мяу!
 — Что ты в дверь скребешься?
 Ах, да ты же не гулял!
 Чем мяукать bestолково,
 Так бы сразу и сказал:
 «Мяу!»

Читая стихотворения Ю. Гасанбека «Скворечники для песен» или «Я спокоен за ягненка», даже взрослый, по словам В. Гусейнова, испытывает чувство ребячьей очарованности жизнью, природой, ее пернатыми и четвероногими обитателями. «Если такова реакция взрослого читателя, — замечает критик, — то детям в этих стихах еще яснее послышится и дыхание свежего ветерка, и пение птиц, и запах отогревшейся земли. Эти стихи, легкие, изящные, ритмичные, не могут не понравиться детворе»¹.

Известно, сколь неимоверно трудно написать для малышей такие стихи о труде, чтобы они действительно участвовали в том великом процессе, который мы называем трудовым воспитанием, то есть не твердили бы маленькому человеку, что работать хорошо, а бездельничать плохо, но перекидывали бы крепкий мостик между игрой и полезной деятельностью, зажигали бы детское сердце восторгом и радостью творчества, жаждой сделать что-то нужное самостоятельно.

Примером настоящего детского стихотворения о труде может служить стихотворение Ю. Гасанбека «Получилось в первый раз». Ведь ликование маленького героя по поводу удачного завершения им простых для взрослых, но отнюдь не простых для малыша дел заразительно именно потому, что убедительно в своей естественности и правде, что оно истинно:

Неужели получилось?
 Получилось в первый раз!..
 Гвоздь, гвоздь в доску вбил!
 Сам я санки починил..
 Сам оделся, сам обулся,
 Сам на санках покатил!

(Пер. А. Ахундовой)

Популярными детскими песнями стали стихотворения **Джангира Мамедова** (р. 1935) «Кукла», «Пила», «Книга», «Шофер» и некоторые другие, положенные на музыку талантливыми азербайджанскими композиторами. «Кукла», «Пила», «Почтальон», «Вечный памятник», «Разве это друг?», «Школа на колесах» — таковы названия поэтических книг Д. Мамедова для маленьких.

¹ Вагиф Гусейнов. «Открытые уроки»: обретения и потери. — «Детская литература», 1983, № 12, с. 22.

Известен Д. Мамедов и как драматург — автор пьес в стихах и в прозе для детского и взрослого театра.

Гражданская и политическая тематика присуща стихам **Медины Гюльгюн** (Медина Нурулла кызы Алекперзаде, р. 1926). Прочно вошла в юношеское чтение ее поэма о национальном герое Азербайджана Сириду Ибрагиме.

«Для талантливых произведений азербайджанской детской литературы, особенно для ее поэтической ветви, — отмечал Эльчин, — характерны предельно простые, но ярко эмоциональные краски, запоминающиеся образы, полная свобода от претенциозности»¹. За доказательствами этой мысли, как говорится, далеко ходить не надо. Помимо творчества поэтов, о которых шла речь выше, можно сослаться на стихи Исы Исмаилзаде, Алямзар Ализаде, Мамеда Намаза, Сабир Мустафьева и других еще более молодых авторов.

В стихотворении **Исы Исмаилзаде** (Исмаилов Иса Мустафа оглы, р. 1941) «Дождевая лужа» капли, словно шаловливые дети, перестают держаться за облака и, желая посмотреть на себя, зеркалами расставляют лужицы по земле. А в это время настоящие, реальные дети скачут по дождевым лужам на камышах-лошадках. Они отражаются в водных зеркалах вместе с облаками, и кажется, будто дети скачут по небу. Конец камышинки, превращенной детским воображением в коня, как конское копыто, разбивает непрочное, похожее на сон, водное зеркало. Сказка кончается. Но сама ее эфемерность становится залогом бессмертия. Ведь подобное повторяется вечно.

И разве не продолжает ту же сказку в одном из своих стихотворений **Алямзар Ализаде** (р. 1954), когда устами героини-бабушки говорит внучке, что, взявшись за кончик дождевой нити, можно взобраться на небо? Та искренне удивляется. Но не потому, что никакая дождевая нить не удержит даже былинки, а потому, что дождь — штука непостоянная:

Разве, за дождь
Держась, на небо
Можно взобраться?
Дождь перестанет —
Человек на половине
Пути останется.

Находящаяся под сильным обаянием поэзии А. Барто, молодая поэтесса свои первые стихи напечатала в журнале «Гейрчин», еще будучи ученицей десятого класса. В книге «Обиженные цветы» А. Ализаде в традициях сатирико-юмористических стихов А. Барто и С. Михалкова весело высмеивает различные ребячьи недостатки. Стихотворения из этого сборника «Лопата Али», «Подушка моей сестры», «Нежный мальчик» и другие привлекают юных читателей правдивостью, гротеском, лукавой

¹ Эльчин. Без трудностей нет побед. — «Детская литература», 1982, № 4, с. 16.

неожиданностью сюжетных ходов. Творческий путь талантливой поэтессы только начался, и, надо думать, ее главные и лучшие детские книги еще впереди.

Поэт **Мамед Намаз** (Намазов Магомед Али-оглы, р. 1942) сочетает в своих стихах смелость и новизну ярких поэтических образов с патриотической, гражданской тематикой. Герой его стихотворения «Мой дедушка» — ветеран Великой Отечественной:

Одна его рука в Польше
В окопе осталась,
Другой рукой в Берлине
Он одержал победу.

Этой единственной оставшейся рукой победителя дедушка посадил и вырастил прекрасный сад. Внук видит по праздникам на груди деда ордена и медали. И понимает так, что осколки и пули, когда-то поразившие на фронте бойца, со временем обратились в яркие знаки отличия — вещественную память о героическом прошлом.

Тема «Моего дедушки» получает дальнейшее развитие в цикле стихов М. Намаза «И я буду солдатом». Стихотворения этого цикла участвуют в военно-патриотическом воспитании будущих защитников Родины.

Три важнейшие темы азербайджанской детской литературы — мать, Родина, природа — составляют в творчестве **Мамеда Исмаила** (Исманлов Мамед Муршуд оглы, р. 1941) органическое единство. За свои произведения поэт награжден премией ЦК ВЛКСМ им. Н. А. Островского и премией республиканского комсомола Азербайджана.

Еще в первых поэтических опытах он осознал «срубленные в лесах ветви» как собственную сломанную руку, упавшую на землю. В период зрелого творчества это ощущение себя частью огромного мира стало у поэта особенно обостренным.

В поэме «Нас было четверо» М. Исмаил рассказывает о том, что в тяжкие военные годы мать и ее ребенок остались живы только потому, что были не одни в доме. С ними были овца, дававшая молоко, и яблоня, делившаяся с людьми плодами. «Мать, овца, яблоня — вот почти притчевая нравственная основа поэмы Мамеда Исмаила, — пишет Е. Евтушенко. — Три развития одного и того же корня, глубоко входящего в землю»¹.

В сборник «Мир — наш дом» М. Исмаил включил циклы «Песни труда», «Песни кочевья», «Девочки, мальчики и неповторимые мгновения», в которых воплотились лучшие черты национального характера и народного самосознания.

Более десятка книг, изданных в Баку, в Москве и на языках народов СССР, на счету **Чингиза Алиоглы** (Алиев Чингиз Али оглы, р. 1946). Поэт удачно сочетает в своем творчестве продолжение традиций национальной литературы с плодотворной учебой у современных русских и европейских мастеров поэзии. «У поэтов, которые думают сердцем и чувствуют мыслью,

¹ Евгений Евтушенко. Предисловие к поэме М. Исмаила «Нас было четверо». — «Литературный Азербайджан», 1985, № 2.

поэзию не отделишь от человека, от личности, — замечает Е. Исаев. — Вот к такого рода поэзии я отношу темперамент, жест, слово, мысль Чингиза Алиоглы»¹.

В своих стихотворениях для детей Ч. Алиоглы широко использует действительные случаи, взятые из жизни малышей, рассказывая о них весело, забавно и не забывая при этом сделать воспитательные выводы. Его стихи «Сделал «гопп», «Гагаш, Гашга и Муравей», «Красный мяч», «Счет», «Лысина», «Белый дождь», «Черешня», «Пловец», «Игра с мячом» радуют гармонией поэтической формы, изобретательным юмором, богатством аллитераций.

Эльдар Бахыш (Агаев Эльдар Бахыш оглы, р. 1946) — автор пока лишь трех книг. Но опубликованные им стихи дают основание ждать от поэта выдающихся произведений. В детских стихах Э. Бахыша — богатство и неповторимый колорит разговорной народной речи, щедрый и сочный, искрящийся множеством граней и оттенков юмор. В них нет лишнего слова, выражения, которое не имело бы идейно-художественной нагрузки.

О чем бы ни писал поэт, все в его стихах обретает подлинную жизненность, становится значительным, наполняется смыслом. Вот отрывок из его стихотворения «Тропа»:

Отчего смотрю я на тебя,
уходящая вдаль тропа?
Я не мог подняться —
ты вершины достигаешь,
проползая
возле скал и камней.
Легко преодолеваешь
перегородившую тебе путь реку.
С этого берега прыгаешь,
на другой берег опускаешься...

«Три сестры», «Плаксивая Севда», «Алая, лохматая, медовая девочка», «Родина», «Голубое дерево» и другие стихи поэта могут считаться удачей нашей детской литературы.

Немало веселых, остроумных, запоминающихся загадок и стихотворений других жанров в сборнике молодого поэта **Сабир Мустафаева** (р. 1938) «Подарок». Однако значительную часть книжки составляют стихи прямолинейно дидактические, что в поэзии 70—80-х годов уже воспринимается как глубокий анахронизм.

Критика сегодня никому не прощает подобных ошибок. «В самом деле, — пишет В. Гусейнов, — ну что интересного для маленьких читателей, например, в стихотворении «Фазиль»? Ведь смысл его лишь в том, что поэт с почти педантической дотошностью перечисляет добродетели примерного мальчика: он-де и чистюля, и отличник, и вежлив, и вся родня души в нем

¹ Егор Исаев. Предисловие к стихам Ч. Алиоглы. — «Литературная учеба», 1979, № 4.

не чаёт... Право, не мудрено, если маленький читатель даже невзлюбит этого образцового Фазила, которого ему так настойчиво ставят в пример. Ходулен, необедителен и образ пятиклассника Яшара («Яшар»), который бойко отвечает на такие мудреные вопросы, как «что есть сердце мира», «крылья мира», «украшение мира», «что дороже жизни» и тому подобные. Малолетний мудрец, не задумываясь, изрекает, что сердце мира — человек, крылья — наука, украшение — школа, а слаще жизни — Родина... Причина неудачи поэта, — считает критик, — в том, что, желая внушить малышам такие непростые понятия, он использует крайне примитивный прием: вкладывает сии сентенции в уста ребенка. Естественно, что творческую задачу подобной сложности и глубины невозможно решить посредством одного незатейливого сюжетного хода. При этом стихотворение неизбежно теряет непосредственность, кажется скучным и даже фальшивым»¹.

К сожалению, сказанное выше имеет отношение не только к некоторым стихотворениям С. Мустафаева. Забвение истины, широко известной еще со времен В. Г. Белинского, что «дети просто ненавидят» сентенции, нравоучения и резонерство, «как и все, навещающее скуку, все сухое и мертвое»², — до сих пор еще встречается в азербайджанской детской поэзии, в том числе и в творчестве молодых поэтов. И тогда, как отмечает Эльчин, «детям преподносят набившую оскомину смесь, составленную из скучных наставлений, назиданий, полных натужного пафоса и утомительно шумных. Мы нередко сталкиваемся с бесцветными, вялыми строками, с пережевыванием общих мест...»³.

В то же время нельзя не видеть очевидных успехов азербайджанской поэзии для детей, особенно в последние десятилетия. Более того, как свидетельствует тот же Эльчин, «азербайджанская детская поэзия по сравнению с прозой ушла далеко вперед, и, говоря «детская литература», мы чуть ли не подразумеваем «детская поэзия»⁴.

Говоря о современной азербайджанской детской поэзии, нельзя не сказать об **Алле Нуриевне Ахундовой** (р. 1939). По ее сценарию был снят фильм «Хлеб поровну», удостоенный республиканской премии Азербайджана. На студии им. Дж. Джабарлы поставлен ее фильм «Живите, девочки!». А. Ахундова выпустила несколько собственных поэтических книжек («Белое, желтое, красное яблоко» и др.), которые, будучи написаны на русском языке, являются в равной мере фактом русской и азербайджанской детской поэзии.

«...Веселые, озорные стихи А. Ахундовой, где создаются образы мастеров своего дела — повара, слесаря, — пишет критик В. Гусейнов, — учат ребят уважать эти прозаические, незаметные профессии. Уважать не толь-

¹ Ва г и ф Г у с е й н о в. «Открытые уроки»: обретения и потери. — «Детская литература», 1983, № 12, с. 23.

² В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов о детской литературе. М., 1983, с. 94.

³ Э л ь ч и н. Без трудностей нет побед. — «Детская литература», 1982, № 4, с. 16.

⁴ Там же, с. 17.

ко потому, что без них нельзя обойтись, но и потому, что всякое дело требует вдохновенного мастерства»¹.

Стихи А. Ахундовой потому «работают на тему», что о мастерстве и вдохновении труженика поэтесса пишет вдохновенно и мастерски:

Окна настезь, двери настезь,
В доме ржавые замки,
Кран течет, у крана насморк,
Дуют в доме сквозняки.

Мажорный, игровой настрой стихотворения «Песенка слесаря» отнюдь не умаляется в этом стихотворении с исцеляющим заболевший дом доктором. Главное — герой «показан почти волшебником. Маленьким читателям представляется увлекательным его труд, его мастерство внушает любопытство и зависть. Поэтесса понимает, что почтение ко всякой работе, потребность трудиться может возникнуть у ребенка лишь тогда, когда он осознает, что для настоящего мастера труд — в радость»².

Если вызвать докторов,
Будет снова дом здоров.

Согласимся с критиком: дело даже не в том, что слесарь-сантехник сравнивается в этом стихотворении с исцеляющим заболевший дом доктором. Главное — герой «показан почти волшебником. Маленьким читателям представляется увлекательным его труд, его мастерство внушает любопытство и зависть. Поэтесса понимает, что почтение ко всякой работе, потребность трудиться может возникнуть у ребенка лишь тогда, когда он осознает, что для настоящего мастера труд — в радость»².

Как мы уже отмечали, подлинным и отрадным событием в истории советской азербайджанской детской литературы стал составленный А. Ахундовой и ею же в основном переведенный на русский язык сборник-антология азербайджанской поэзии и прозы для детей «Родник» (1981).

Заслуга поэтессы не только в том, что она познакомила (нередко впервые) массового всесоюзного читателя с произведениями азербайджанской фольклорной детской поэзии, а также со стихами М. Рзакулизаде, Н. Рафибейли, М. Сеидзаде, И. Тапдыга, Т. Эльчина, С. Мамедзаде и многих других азербайджанских детских поэтов. Главная заслуга А. Ахундовой в том, что она сумела донести до русскоязычного читателя всю талантливость, неповторимое национальное своеобразие, даже звукопись переведенных ею стихотворений. В них бережно сохранены и переданы звонким и выразительным русским стихом динамичность и ритмичность азербайджанского стиха, основывающиеся «на принципах рифмовки гласных и согласных, на игре слов, повторах, присущих устному народному стихотворчеству...»³.

¹ Вагиф Гусейнов. «Открытые уроки»: обретения и потери. — «Детская литература», 1983, № 12, с. 22.

² Там же.

³ Эльчин. Без трудностей нет побед. — «Детская литература», 1982, № 4, с. 15.

По единодушному признанию критики, пересказы Аллой Ахундовой народных азербайджанских колыбельных, прибауток, считалочек, составившие опубликованную в Москве книгу «Ласковые песенки» (1967) и азербайджанский раздел книги «Чудесный клад. Детские песенки народов Кавказа» (1975), характеризует умение «выявить национальный характер... найти в русском стихе... адекватные народной азербайджанской поэзии формы»², «обнаружить и передать на русском языке» «сходство — несходство» славянского и восточного фольклора для детей².

Вот пример азербайджанской считалочки:

Эй, барашек, эй, двурогий,
Ходишь-бродишь по дороге.
Тебя девочка с бадейкой
Ждет — напейся, черноногий.

А это — колыбельные:

Спи, сказала, спи, малыш,
Утро не проспи, малыш,
Ты одна моя надежда,
Только подрасти, малыш.

Или:

Бай-бай, мой сыночек, спи,
Бай-бай, колосочек, спи.
Есть много в саду цветов.
Один ты, цветочек, спи.

«Работу Ахундовой, — пишет В. Александров, — характеризует завидная словесная сдержанность, что убеждает в смысловой точности, выверенности пересказов. Поэтесса, несомненно, стремится воспроизвести и просодию фольклорных произведений, то есть приближается к органической связи перевода с национальными «языковыми ресурсами». (Что уже было доказано А. Ахундовой в переводах из И. Тапдыга.)»³

Выражая радость по поводу успехов азербайджанской детской поэзии, Эльчин в 1982 году в то же время замечал: «Когда вспоминаешь, что это развитие имеет оборотной стороной отставание прозы — охватывает сожаление и досада...

¹ Лялин Н. Чудесный клад. Детские песенки народов Кавказа. — «Детская литература», 1976, № 5, с. 51.

² То к м а к о в а И. Ласковые песенки. — «Детская литература», 1968, № 7, с. 74.

³ А л е к с а н д р о в В. В желуде — целое дерево. (Из опыта современной советской многонациональной детской литературы). М., 1981, с. 58.

Азербайджанская детская проза имеет давние прекрасные литературные традиции, идущие от Джалила Мамедкулизаде, Абдуллы Шаига, Сулеймана Сани Ахундова. Почему же сегодня им не развиваться и не крепнуть? Литературная критика о том умалчивает...»¹

Назвав в числе несомненных удач последних лет «На яйлаге» Байрама Гасанова, рассказы и повести Азизы Ахмедовой, отдельные рассказы Габобы, Наримана Сулейманова, Амраха Амрахова, Эмина Махмудова, Агаддина Мансурзаде и некоторых других авторов, Эльчин как самую привлекательную черту этих произведений отметил «умение и горячее желание привить детям понимание природы и любовь к ней»². К сожалению, куда реже, по мнению Эльчина, встречается у писателей-прозаиков другое умение — «найти незримые нюансы единственно верного тона разговора с маленькими читателями»³, то есть ту самую «детскость», то органическое единство идейно-эстетической направленности, которые отличают лучшие произведения для детей всех времен и народов — от «Алисы в Стране Чудес» и «Тома Сойера» до «Тимура и его команды» и «Пеппи Длинныйчулок».

Эта способность, — пишет Эльчин, — проявляется в отдельных произведениях, однако для всей детской прозы в целом она, к сожалению, не характерна, и это обстоятельство не может не вызывать тревогу»⁴.

Необходимо подчеркнуть, что столь суровая оценка относится в первую очередь к прозе, адресованной собственно детям, то есть ребятам дошкольного и младшего школьного возраста. Тут действительно нередко еще преобладают примитив, мелкотемье, голая назидательность, отрыв от действительности, надуманность ситуаций и конфликтов, подражание далеко не лучшим образцам, бедность фантазии, повторение избитых шаблонов и схем.

Весьма типичен для массовой детской прозы рассказ Гасана Гусейнова «Хохлатый петух». В нем бабушка посылает заболевшего внука к «святылицу», чтобы он принес жертву и исцелился «божьей волей». А герой идет, конечно, в больницу к врачу и вскорости выздоравливает. Бабушка все это понимает по-своему. Во-первых, она убеждена, что причина заболевания внука — школа: он «столько глядел в писанину, что у него неладно с головою стало». Во-вторых, старушка верит, что вылечили мальчика «высшие силы». Читателю предлагается убедиться: внук — хороший, передовой, так сказать, герой положительный; бабушка — отсталая, темная.

В какое время происходит действие рассказа? Может быть, в 20-е годы, во времена ликбезов? Ничуть не бывало! Автор уверяет, что описанные люди и события — дело наших дней. «Положим, — соглашается критик Бекир Набиев, — что бабушка из рассказа неграмотна. Даже и неграмотные бабушки за последние 40—50 лет на примерах своих сверстниц, детей, родных имели сотни случаев убедиться в том, что означает школа и гра-

¹ Эльчин. Без трудностей нет побед. — «Детская литература», 1982, № 4, с. 17.

² Там же, с. 17.

³ Там же, с. 18.

⁴ Там же.

мотность»¹. Но дело не только в том, что «образ бабушки» в рассказе Г. Гусейнова явно анахроничен. Надуман, а значит, и лишен подлинного драматизма конфликт, лежащий в основе произведения. Искусственна вся сюжетная ситуация. Нелепо выглядит главный герой, которому вменяется в достоинство то, что он идет лечиться... к врачу. Обыкновенный, само собой разумеющийся поступок выдается чуть ли не за подвиг.

К сожалению, недостатки «Хохлатого петуха» в какой-то мере являются типичными в азербайджанской прозе для младшего возраста. Последняя явно отстает от прозы, обращенной к подросткам и юношеству, которая, по справедливому утверждению Эльчина, стремится «увидеть всего человека — с его достоинствами и слабостями, возвышениями и падениями» и которую «интересует человек не как некая известная, неизменная величина, но как становящаяся, открытая сущность — человек в его развитии»².

Это не столько собственно детская проза, сколько проза о детстве, отрочестве и ранней юности, наследующая великие традиции национальной классики и — одновременно — традиции Л. Толстого, С. Аксакова, Н. Гарина-Михайловского, М. Горького, А. Толстого.

«Особенность современной азербайджанской прозы о детстве, — пишет Эльчин, — в том, что в ней есть и фантазия, и юмор, и игра — то, без чего любая детская литература покажется пресной (и чего, добавим мы, так часто недостает собственно детской национальной прозе. — З. Х.), но по сути своей она глубоко серьезна: проблемы, которые она поднимает и пытается решать, касаются не только и даже не столько детства, сколько вообще жизни, людских взаимоотношений, социальных и духовно-нравственных процессов в современной действительности.

Эта особенность связана с общей тенденцией в современной азербайджанской прозе — с углублением в ней аналитического начала. И имена писателей, так или иначе обращающихся в своих произведениях к детству, давно закреплены именно за той «взрослой» литературой, которой присущ пафос исследования»³.

Имена эти нынче у всех на слуху. Это и сам автор вышеприведенных строк. И Анар, Акрам Айлисли, Максуд Ибрагимбеков, Сабир Азери. Было бы в высшей степени нерачительно числить названных писателей только по «взрослому» ведомству. Ибо многие их книги, подобно «Отрочеству» Л. Толстого или «В людях» М. Горького, прочно и, по всей видимости, надолго «присвоены» юными читателями, стали эталоном подростково-юношеской национальной прозы, определили на ближайшее будущее тенденции ее развития.

Сын поэта Расула Рзы и поэтессы Нигяр Рафибейли прозаик Анар (Анар Расул оглы Раев) родился в 1938 году. Окончил филологический факультет Азербайджанского государственного университета

¹ Бекир Набиев. В поисках свежего слова. — «Детская литература», 1972, № 6, с. 10.

² Эльчин. Без трудностей нет побед. — «Детская литература», 1984, № 4, с. 19.

³ Там же.

им. С. М. Кирова и Высшие сценарные курсы в Москве. Он автор повести о Дж. Мамедкулизаде «С думой о вас я пришел», повестей «Круг», «Белый лиман», «Юбилей Данте», «Контакт», сборников повестей и рассказов «В ожидании праздника», «Дождь перестал», «Молла Насреддин-66», «Я, ты, он и телефон» и др., ряда сценариев художественных фильмов, очерков, публицистики.

В 1980 году в издательстве «Детская литература» вышла на русском языке повесть Анара «Деде Коркут», написанная по мотивам народного эпоса. С эпосом «Китаби Деде Коркут» Анар, по его собственным словам, познакомился, когда ему было одиннадцать лет. С тех пор, неоднократно перечитывая, будущий писатель открывал в нем для себя каждый раз новые слои содержания. На вопрос корреспондента журнала «Детская литература» Н. Павловой, какую творческую задачу ставил писатель, обрабатывая сказания давно минувших эпох для современных подростков, Анар ответил:

«Главная задача... — не переложить древний эпос, а реставрировать его. Что я имею под этим в виду? «Книга моего деда Коркута» дошла до нас в записи XVI века. Есть в ней и бродячие сюжеты. Например, огузский Тепегёз (темя — глаз) точно совпадает с образом одноглазого Полифема из «Одиссея» Гомера. Видимо, какие-то формы древнегреческого эпоса бытовали в Малой Азии. Это очень древний пласт. Но есть в памятнике и то, что, безусловно, не могло возникнуть раньше X века, — мусульманский слой, связанный с идеями и мироощущением ислама. А ведь по своему существу «Книга моего деда Коркута» — памятник языческий, значит, надо было счистить верхний, наносный слой и пробиться к первоисточнику»¹.

Отыскивая в сказаниях «Деде Коркута» то вечное, что никогда не перестанет волновать людей, — жизнь и смерть, любовь и верность, высокое чувство долга перед родиной, гармоническое единство с природой, — Анар исходил из того, что острая сюжетность, динамизм, ябность языка, наивная однозначность характеров, пластичность и зрелищность этих дастанов наилучшим образом отвечают требованиям, которые предъявляет к книге детский читатель.

«Вот сражаются двое джигитов, гонят коней навстречу друг другу, — рассказывает Анар. — Сшиблись. Кони взвились на дыбы. Один всадник, схватив другого за пояс, швырнул его наземь. Но смерть настигла того, кто сбросил его с седла. Стрела со свистом вонзилась в грудь его. Он простер руку, обнял шею своего коня, соскользнул на землю. Еще одна шальная стрела попала в коня. Конь вытянулся рядом с джигитами. Или мать ищет сына на поле брани и находит его по тому, что вороны над ущельем, где он лежит, то взвиваются, то снова падают вниз...»²

Главным, объединяющим героем книги Анара стал сам легендарный автор сказаний Деде Коркут — человек, которому, по словам Анара, «удалось уйти от смерти, потому что он играл на сазе и пел о жизни, и искусство победило смерть»³.

¹ Анар. Второе рождение. — «Детская литература», 1982, № 4, с. 30.

² Там же, с. 30—31.

³ Там же, с. 31.

Кандидат филологических наук А. Алиева писала: «В свою повесть Анар включил почти все сюжеты, эпизоды и даже отдельные мотивы эпического памятника. Вместе с тем это оригинальное произведение, целостное по своей композиции и подчиненное одной идее — показать стремление огузов жить в мире и между собою, и с соседями.

Анар как бы переосмыслил историю далеких предков нынешних азербайджанцев и создал произведение об их жизни, нравах, обычаях, этических и эстетических представлениях»¹.

В поэтике своих произведений Анар часто прибегает к той условности, которую так любит юный читатель, ибо кто лучше может оценить игру писательской фантазии, как не тот, для кого игра еще не утратила значения серьезной деятельности, одного из основных способов приобщения к миру, к жизни?

В «Рассказах гардеробщицы» пальто становятся как бы «заместителями» людей, выразителями их отношений. Их молчаливый «язык» хорошо понятен женщине, которая работает в гардеробе. Она рассказывает о пальто, но мы, благодаря ее рассказу, видим их владельцев, ощущаем их радости и печали. Перед нами вырисовываются их судьбы и характеры.

Одна из историй — о желтом и черном пальто. Обычно они сдавались вместе и висели рядом — два скромных недорогих пальто, женское и мужское. И один белый шарф, который вообще-то относился к черному мужскому пальто, но в холодную погоду неизменно оказывался в пальто девушки. Гардеробщице нравятся эти пальто. И она всегда, вешая их, укрывает желтое пальто черным, как бы тем самым защищая и оберегая хозяйку желтого пальто, не имеющую, очевидно, ни средств, ни умения заботиться о своих удобствах.

А потом случается неожиданное. Дорогое шикарное пальто, всегда висевшее отдельно, начинает сдаваться в гардероб вместе с желтым. А черное теперь — отдельно. Однажды владелец черного пальто попросил у гардеробщицы крепкое, взял его в крепкие и нежные руки, подержал, вдохнул его запах, вернул гардеробщице и ушел. Больше рассказчица его никогда не видела.

Эта поэтическая новелла о любви и неверности — первое опубликованное произведение Анара. С той поры писателем создано немало произведений, героями которых являются совсем юные люди или подростки. В этих людях, при их развитом чувстве социальной дисциплинированности и ответственности, нас привлекает внутренняя свобода, раскованность сознания, не связанного предрассудками и рабской покорностью авторитетам, привлекает способность видеть мир добрым и одновременно критическим взглядом, оценивая окружающее с позиций нравственного идеала общества, строящего коммунизм.

В высокой степени эти качества присущи героям рассказа Анара «Я, ты, он и телефон» — одного из самых поэтичных в современной азербайджанской прозе. «Порой я поднимала телефонную трубку так, словно я открывала крышку рояля, — говорит героиня рассказа. — Иногда эту чер-

¹ Алиева А. Анар. «Деде Коркут». Повесть по мотивам азербайджанского эпоса. — «Детская литература», 1982, № 8, с. 69.

ную трубку я опускала так, будто закрывала крышку гроба». «Вчера твой телефон умер» — это наиболее типичная для прозы Анара форма: своего рода метонимический стиль, позволяющий, говоря о предметах, связанных с тем или иным человеком, характеризовать его глубже, ярче, эмоциональнее, чем если бы разговор шел непосредственно о нем самом.

Говоря о том, что социально-психологический анализ становится в последнее время доминантой азербайджанской прозы, Эльчин отмечает: «...юные герои осваиваются не только в окружающей их действительности, не только в повседневном быту, — азербайджанские писатели выводят их в систему более широких координат, и здесь их художественные поиски совпадают с главным направлением современной советской литературы, в русле которого рождаются самые значительные произведения.

Внутренний мир человека исследуется не только в контексте быта, но — бытия, и непосредственность детского восприятия, юношеская субъективность, способность легко сослужить с общепринятой точки зрения помогают не только как бы заново открывать общечеловеческие ценности, но и ставить важные философские и нравственные проблемы»¹.

В связи с этим Эльчин вспоминает об одной из наиболее зрелых художественно вещей Анара — повести «Контакт», в которой «фантастика почти неразлично смыкается с реальностью. В центре внимания писателя находится человеческое сознание, столкнувшееся с загадочными, таинственными явлениями, пораженное ими и лихорадочно ищущее им рационального объяснения, чтобы сохранить в равновесии уже вроде бы сложившуюся картину мира. И наверняка, не случайно, что Анар сделал главным героем своей повести не взрослого, сложившегося вполне человека, а юношу, только что закончившего школу и поступающего в институт»².

Исследование внутреннего мира подростков и юношей не только в контексте быта, но — бытия, притом главным образом сегодняшнего сельского, лежит в основе рассказов и повестей автора приведенных выше рассуждений. Эльчин (Эфендиев Эльчин Ильяс оглы, р. 1942) — сын писателя Ильяса Эфендиева. Он окончил филологический факультет Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова и аспирантуру по теории литературы; печатается с 1963 года. Об особенностях его прозы можно судить по рассказу «Ходят по земле поезда...».

Герой рассказа — сельский мальчик Абили, восторженными взглядами провожающий мчащиеся мимо его деревни железнодорожные составы. Выросший на лоне природы, среди людей, знающих истинную цену труду и хлебу, Абили романтичен, бесхитроу, чист сердцем. Он с завистью смотрит вслед проносившимся в поездах Красным, Зеленым и Розовым детям, от которых пахнет парикмахерской, пряниками и другими запахами больших городов. Подобно Петьке и Ваське на первых страницах гайдаровской повести «Дальние страны», Абили думает, что поезда со всеми их пассажирами — посланцы какой-то иной, красивой, интересной и удивительной жизни, ничем не похожей на ту, которая окружает его каждый день. Но вот однажды из-за неполадки на железной дороге дальний поезд

¹ Эльчин. Без трудностей нет побед. — «Детская литература», 1982, № 4, с. 20.

² Там же, с. 20.

на несколько часов останавливается возле их деревни. И Абили видит жизнь, казавшуюся ему загадочной и непостижимо прекрасной, вплотную.

Роскошная Розовая девочка сходит с поезда, знакомится с Абили и высокомерно смеется над его нелепым, по ее представлениям, именем и над его деревенским обликом. Она показывает Абили другим девочкам из поезда — Красным и Зеленым — и предлагает им тоже посмеяться над неотесанной деревенщиной. Но Абили не обижается: ведь он и сам уверен, что он — обыкновенный, а дети из поезда — особенные.

Однако, когда Розовая девочка бросает под ноги плитку шоколада и начинает играть ею «в классики», в душе Абили вспыхивают возмущение и обида. Автор словно бы просит извинить герою подобные чувства, говоря, что «Абили был такой Абили». Мол, что уж тут поделаешь, раз он такой по натуре.

Но мы-то отлично понимаем, что натура у Абили — нравственно здоровая, цельная, трудовая. «Такой Абили» вызывает у нас уважение и даже восхищение. Органичным свойством подобных натур является развитое чувство достоинства. Когда Розовая девочка, поиграв плиткой шоколада, убегает, равнодушно оставляя городское лакомство на земле, Абили, хотя ему и очень хочется отведать шоколад, не только сам не прикасается к нему, но и сироте Сафару запрещает его есть. Хотя шоколадка, благодаря тщательной фабричной упаковке, совсем не запачкалась, внутренний голос подсказывает Абили, что поднимать ее не надо, что, сделав так, они с Сафаром как бы признают превосходство Розовой девочки над собой.

Зато, увидев на насыпи выброшенную из поезда и запачканную в грязи книжку, Абили поднимает ее, очищает, приносит домой. На обложке книжки стоит имя автора — С. Есенин. А на обороте титульного листа некий Руфат написал добрые слова девушке, которая по непонятному умыслу или по небрежности выбросила книжку из окна поезда. Читая сердечную надпись Руфата, Абили вспоминает Розовую девочку, и ему становится не по себе.

Точно так же неловко становится Абили, когда он видит жадную суету, с какой некоторые мальчишки и девочки из деревни, поняв, что поезд остановился надолго, обирают фруктовые деревья возле своих домов, все подряд — от абрикосов до алычи, чтобы успеть продать пассажирам, как назойливо предлагают им свой товар, торгуются из-за копеек, лихорадочно считают вырученные деньги.

Критик Яшар Гараев верно отметил, пожалуй, главную особенность Эльчина-прозаика, говоря, что писатель, «действуя по принципу: «прекрасное — не вдали, а в нашей жизни, в нашем быту», превращает для всех нас в эстетическое богатство спрятанные внутри нравственные качества простых людей». Маленький Абили в рассказе «Ходят по земле поезда...» выступает как нравственный камертон окружающей его жизни.

О том, что настоящие добрые чувства выявляют лучшие стороны человеческой сущности, писатель говорит в рассказе «Первая любовь Баладаша». Баладаш — подросток, который носит кепку «аэродром», парусиновые брюки, играет с младшими по возрасту ребятами или сидит на улице, вырезая узоры на тросточке и о чем-то мечтая. Он производит впечатление человека вялого, нерешительного, инфантильного.

Но вот он влюбляется в девушку чуть старше себя, у которой есть «со-

лидный» жених — парень самостоятельный, работающий, разъезжающий на собственном «Москвиче». Чтобы только увидеть любимую, Балададаш готов часами носить воду в ее дом. И он чувствует себя оскорбленным, когда жених девушки протягивает ему в благодарность за работу металлический рубль. В буквальном смысле слова он платит этому парню той же монетой. Жених подвозит Балададаша. Выходя из машины, герой бросает на сиденье всю свою наличность — три двадцатикопеечные монеты, а затем, не обращая внимания на крики хозяина машины, идет к морю.

Образ Балададаша завершает его привязанность к старшему другу, который уже служит в армии. Балададаш мечтает поехать в Амурскую область, где служит друг, и поступить там на курсы.

На перепутье между детством и юностью находится и Аллахверди — герой рассказа Эльчина «Голубой, оранжевый...». Влюбившись в одноклассницу Сядаф, Аллахверди начинает видеть цветные сны. Они наполнены голубыми, оранжевыми и другими красками.

Еще Расул Рза — первый в азербайджанской поэзии — в стихотворном цикле «Краски» сумел искусно передать поэтическое содержание каждого из основных цветов. Эльчин не просто переносит элементы поэзии в прозу — он дает цветам собственную, часто оригинальную трактовку. Так, в рассказе «Ходят по земле поезда...» розовый цвет в описании Розовой девочки имеет оттенок явно отрицательный.

В рассказе «Голубой, оранжевый...» различные цвета выражают испытываемые Аллахверди чувства гордости, эгоизма, любви, уходящее ощущение детства и наступающую зрелость.

Одна из лучших вещей Эльчина, обращенных к юношеству, — повесть «Кумган». Кумган — кличка собаки, в образе которой отчасти как бы повторен характер ее хозяина, шофера Агабабы. Внешне простая, не избивающая событиями, в чем-то патриархальная жизнь Агабабы и его семьи по своей внутренней сути глубока и сложна. «Обыкновенный» шофер размышляет о жизни и смерти, о смысле человеческого существования и о других вопросах бытия. У него сердце сжимается от боли и жалости при мысли о всех населяющих землю людях, оттого что они неизбежно и скоро уйдут навсегда, тогда как море, песок, скалы останутся навечно.

И вот в доме Агабабы поселяются временными жильцами дачники из Баку, «вселенная» которых замкнута на пятачке потребительства, чувственных наслаждений, праздности и стяжательства.

Два противоположных духовно-нравственных мира, два типа отношения к жизни не просто сосуществуют. Они неизбежно приходят в глубокое, антагонистическое противоречие. Как справедливо пишет критик Е. Красикова, мирок дачников, казалось бы, намертво отгороженный от своего окружения, становится очагом агрессии. «Внешне пассивный, равнодушный по отношению к окружающим, он на самом деле, помимо воли его обитателей, постоянно давит на окружающих, словно пытаясь расширить, распространить, захватить новые пространства, стать хозяином новых владений. Тяжелые испарения, исходящие из него, впиваются предметами и живыми существами...»¹

¹ Красикова Е. Не расплескай сосуда бытия. — «Детская литература», 1982, № 4, с. 29.

В то время как мир чувств и мыслей Агабабы огромен, фактически распределен, мирок его жильцов спрессован в маленький грязный комочек.

Агабаба отнюдь не аскет. Писатель рисует сцену, как шофер со всей семьей посещает шашлычную Серебряного Малика. Вкусный обед, играющие в шашлычной музыканты доставляют Агабабе и его близким поистине праздничную радость. Но это именно праздник — отдых после тяжелого, честного, нужного людям труда, а никоим образом не цель, не идеал будничной жизни. В огромном духовном мире героя всему находится место: и всечеловеческим болям и такой вот радости. Как, впрочем, и многим другим уладам души и тела.

Агрессивное соседство духовного убожества, потребительской пошлости для таких людей опасности не представляет. Драма происходит с помом Агабабы Кумганом. Дочь дачников Офелия, стараясь завоевать привязанность собаки, кормит ее лакомыми кусочками со своего стола: шашлыком, телячьими котлетками, куриными ножками. И гордый, красивый пес потихоньку перерождается в жалкого, безвольного попрошайку.

«В этом контексте, — пишет Е. Красикова, — особое значение приобретает кличка собаки (кумган — старинный медный сосуд), казалось бы, выбранная случайно. Она становится символом бессилия против наступления порока, вызванного неспаянностью содержания и оболочки, символом-предостережением: не стань сосудом, который каждый по своему усмотрению может опустошить и наполнить заново, не расплескай сосуда бытия. Предостережение звучит как заповедь, особенно важная в начале жизненного пути, когда фундамент личности еще только формируется и поэтому существует опасность, что под сильным давлением извне может вытесниться истинное»¹.

Эльчин — мастер психологического рассказа. В азербайджанской литературе его проза имеет новаторское значение. На первый взгляд писатель не выражает своего отношения к событиям и персонажам, — он лишь честно, правдиво изображает их. Но это не объективизм натурализма, а объективность подлинного реализма, притом реализма социалистического. Самим изображением жизни в ее революционном развитии, в движущих ее закономерностях автор выражает идейно-нравственную позицию, которая отличается гуманизмом, демократизмом, народностью.

Премиию Союза писателей СССР и еженедельника «Неделя» за лучший рассказ 1982 года Эльчин получил за «Свадебное путешествие Балададаша», являющееся продолжением «Первой любви Балададаша». В новом рассказе герой показан после службы в армии. Он собирается жениться.

Однажды в чайхане Балададаш дает достойную отповедь пытавшемуся его унижить Серебряному Малику, одному из тех, кто убежден, будто в этой жизни деньги — все и на них все можно купить. Близкий родственник Серебряного Малика — Алекпер заведует сельской баней. После ссоры все в деревне убеждены, что Алекпер из мести ни за что не откроет баню в день свадьбы Балададаша и тем сорвет свадьбу.

¹ Красикова Е. Не расплескай сосуда бытия. — «Детская литература», 1982, № 4, с. 29.

Действительно, перед свадьбой, найдя благовидный предлог, Алекпер закрывает баню. Молодежь, приглашенная на торжество, возмущена. Она готова силой заставить Алекпера работать. Кое-кто даже угрожает выпустить банщику кишки. И тут появляется с ружьем жених. Деревня замирает в тревоге. Но Балададашу ружье нужно, чтобы отогнать разъяренную молодежь к морю. Там герой бросает ружье, раздевается и первым ныряет в волны. Его примеру следуют остальные. Прыгая и плескаясь в воде, молодые люди громко выкрикивают имя банщика.

Это «свадебное омовение» Балададаша в море знаменует одновременную и победу юного героя рассказа над заносчивостью и спесью Серебряного Малика и Алекпера, и общую победу над всевластием обычая, который, как оказалось, можно, не нарушая, изменить.

Среди произведений Эльчина для юношества — повести «Смоковница», «Серебристый фургон», «Чудеса в почтовом отделении». Анализируя их, Е. Красикова пишет: «Есть в повестях Эльчина... одна особенность, благодаря которой контрасты не рвут ткани повествования, не преследуют назойливо читателя. Почти у каждого героя, противопоставленного некоему положительному началу, под темными, тяжелыми напластованиями злобы, алчности, зависти скрывается крохотный огонек, «искра божия» человечности. У Зубейды из «Смоковницы» это любовь к ней погибшего на фронте Закира, у Мирзоппы из «Серебристого фургона» — его собственное трогательно-нежное отношение к больному брату. Искра не возгорается, но и не гаснет, мешая герою превратиться в законченного злодея или подлца, не давая образу стать одноцветным и завершаемым в рамках произведения. А как это важно во все времена, на всех этапах жизненного пути, но особенно в юности, когда категоричность приводит к жестокости»¹.

Нельзя не упомянуть и цикл рассказов Эльчина «Гюнай, Нигяр, Ялчин и Салим», в которых писатель талантливо создает образы веселых, находчивых, чутких ко всему доброму детей. Обращает внимание мастерство автора в воспроизведении событий, его умение через живую, колоритную речь диалогов передать характеры героев и динамику сюжета. В этих рассказах Эльчина о детстве угадывается манера изложения, во многом характерная для народных сказок.

К числу наиболее талантливых создателей произведений для подростков и юношества принадлежит и **Акрам Айлисли** (Наибов Акрам Наджаф оглы, р. 1937). Он печатается с 1955 года. В 1964 году А. Айлисли окончил Литературный институт имени Горького. Широкую всесоюзную известность принес ему сборник повестей «Люди и деревья», опубликованный в переводе на русский язык в 1971 году.

Выражая свои взгляды на литературу для детей, А. Айлисли однажды заметил: «Я не сторонник нарочито «воспитывающей» детской литературы, поскольку уверен в том, что такой литературный продукт на практике не в силах затронуть душу, столь ясную и чувствительную, которой владеет человек с малым сроком пребывания в жизни — молодой читатель. Об-

¹ Красикова Е. Не расплескай сосуда бытия. — «Детская литература». 1982, № 4, с. 28.

щеизвестно, что литература призвана расширять круг духовных интересов людей. А детская литература имеет дело с такими читателями, которые порою богаче нас, взрослых, в той области нравственности и духовности, где нет ничего от нас, думающих и расчетливых, и где полным-полно нас, мечтающих, чувствующих, удивляющихся... И детская литература должна, прежде всего, уметь удивить человека, будь то в детском или вовсе не в детском возрасте, и только в этом случае ее можно считать достоверно существующей и нравственно действенной»¹.

В чем-то это высказывание может показаться полемическим. Бесспорно, однако, что оно исходит из верной посылки: органического единства воспитательного и эстетического в детской литературе. Известно, что теория не только сама исходит из практики, но и оправдывается вытекающей из нее практикой. Творчество Акрама Айлисли доказывает, что мысли его о детской литературе плодотворны, ибо, опираясь на них, писатель достигает гораздо больших успехов, чем те, кто его рассуждения оспаривают.

Свои повести А. Айлисли нередко называет сказками: «Сказки тети Медины», «Сказка о гранатовом дереве», «Сказка о серебряных щипчиках». Хотя по жанру это, конечно, не сказки, как не имеют отношения к сказкам и другие произведения писателя — сборники рассказов «Черешня» и «С сердцем не шути», повести «В горах туман», «С отцами и без них», «Люди и деревья». И все же слово «сказка» в прозе Айлисли не случайно. Ведь то, что писатель именует «сказками», хотя и происходит по преимуществу в реальной жизни взрослых людей и не сопровождается чудесами или фантастическими видениями, показано через восприятие ребенка, для которого реальность и сказка еще не вполне отделены друг от друга, потому что граница между ними зыбка, неопределенна, а окружающая действительность видится сквозь призму навеянных сказками представлений и даже отчасти наделяется вымышленными свойствами.

Вот, к примеру, сияя бабочка кружится под яблоней как раз в том месте, где покойная бабушка маленького Садыка потеряла серебряные щипчики. И тетя Шансте говорит племяннику: «Это бабушка твоя щипчики поискать явилась!..»

«Так сказка с ее замечательной способностью наделять все окружающие предметы, весь окружающий мир живой душой проникает и в реалистический художественный мир Акрама Айлисли, — пишет критик Е. Шкловский. — Она входит, как это часто бывает, через трогательную близость старого и малого, двух крайних полюсов человеческой жизни, один из которых — связующее звено с прошлым, другой — с будущим, один знает и слышит больше, потому что прожита долгая, долгая жизнь, другой — потому что только еще в самом ее начале»².

Критик Светлана Алиева видит пушкинскую традицию в конкретности и стремительной динамичности уже начальной фазы произведений А. Айлисли и некоторых других писателей его поколения. Такие зачины

¹ Цит. по статье Р. Баруздиной «Золотая роза». — «Детская литература», 1982, № 4, с. 9.

² Шкловский Е. Дорога детства. — «Детская литература», 1982, № 4, с. 24—25.

мгновенно вводят читателя в круг последующих событий, не дают ему времени «на раскачку», как знаменитое пушкинское: «Гости съезжались на дачу»¹.

Таковы начальные фразы «сказок» Айлисли:

«Моя мать умерла в тот день, когда я родился и первые два месяца тете Медине пришлось носить меня по домам, где были грудные дети» («Сказки тети Медины»).

«В первое послевоенное лето, в тот самый день, когда нас отпустили на каникулы и я вприпрыжку мчался домой, счастливый тем, что уже пятиклассник и что впереди свобода, соседка, тетя Набат, остановила меня у ворот и очень строго сказала, что теперь я уже взрослый парень и кончилась моя пора без дела гонять по улицам» («Сказка о гранатовом дереве»).

«Отец торговал в районе колхозными дынями, и видели мы его лишь по вечерам» («Сказка о серебряных щипчиках»).

Не забудем, однако, что пушкинский лаконизм и стремительность развития действия в его прозе одним из существеннейших своих источников имеют фольклор, народную русскую сказку. Характерные интонации азербайджанской народной сказки слышны и в прозе А. Айлисли, например в «Сказке о серебряных щипчиках»:

«Был я, и была у меня бабушка, и мы с ней хорошо понимали друг друга. Когда в кронах деревьев чирикали воробьи или кричали сороки, мы были уверены, что они говорят между собой; и я был уверен, и бабушка была уверена. По вечерам, когда солнце опускалось за горы, мы оба нисколько не сомневались, что солнышко отправилось спать. Сорочьих птенцов, что гнездились на старой груше, мы оба знали наперечет — и я, и бабушка. Завидев летучую мышь, мы оба обмирали со страху — и я, и бабушка...»

Рассказчиком этой были, чем-то напоминающей сказку, является мальчик Садыг, вернее, бывший мальчик, сумевший сохранить во всей отчетливости не только память о мельчайших подробностях своего детского окружения, но и ощущение тончайших нюансов своих чувств и мыслей той поры. Эта близость к детству, несомненно, родственна и близости к фольклору: тот же открытый, непосредственный, лишенный предвзятости взгляд на мир; тот же произвольный отбор самого существенного; то же простое до душевное непонимание и неприятие какой бы то ни было конъюнктуры; та же установка на устную передачу, что обуславливает близость живому разговорному языку и в словаре, и в синтаксисе, и в интонации.

Прав Е. Шкловский, говоря, что «сказка для Акрама Айлисли — это поэзия. И прежде всего поэзия детства, зачарованно глядящегося широко раскрытыми, удивленными глазами в окружающий мир. Поэзия доверчивой открытости и любовной привязанности героев Акрама Айлисли к своей деревне, к яркой, многокрасочной природе, в которую неотъемлемо вписан ее по-восточному пестрый и не всегда благообразный быт»².

¹ Светлана Алиева. Человек в меняющемся мире. Литературно-критические заметки и размышления о новой азербайджанской прозе. Баку, 1980, с. 196—197.

² Шкловский Е. Дорога детства. — «Детская литература», 1982, № 4, с. 25.

«В деревню, во времена моего детства, — говорит Садыг, чей образ проходит через все повести-«сказки», объединенные в цикле «Люди и деревья», — я возвращаюсь не по рассудочному умыслу. Те времена сами зовут меня. Те времена, когда горы улыбались, когда в мире было бесчисленное множество красок...» И те времена, добавим мы, когда на улыбку гор и яркую многокрасочность мира вдруг надвинулась мрачная, страшная тень войны.

Память Садыга рисует ему светлый, весело лопочущий родник в его родной деревне и возле родника — маленькую девочку Халиду в светлом платье. Даже тень, падающая от Халиды на землю и неразлучно сопровождающая ее в солнечные дни, — одна эта тень вызывала у Садыга непонятное волнение, властно притягивала его, одаряла неизъяснимой радостью. Халида умерла во время войны, как бы истаяв по непонятной тогдашнему Садыгу причине. Но читатель знает, что этой причиной был голод, не обошедший и сироту Садыга.

«Сказки тети Медины» непосредственно связаны с событиями военных лет. Садыг еще настолько мал, что, слыша и запоминая почти все разговоры взрослых, многого в них не понимает, а мир видит главным образом в тех подробностях, какие открываются ему с высоты его роста. Так, когда отец Садыга уходит на войну и перед расставанием о чем-то нервно и сурово говорит с мужем тети Медины Мукушем, Садыг внимательно наблюдает за отцовскими ботинками, которые ни минуты не остаются на месте, резкими движениями сминают и втаптывают в землю брошенный окурок. Позже читателю откроется содержание того сердитого разговора: отец Садыга говорил Мукушу, что тот всегда плохо относился к его сестре, что Медина из-за него несчастна, и теперь, когда отец Садыга уходит на войну и сестре не у кого больше искать понимания и защиты, он просит Мукуша стать, наконец, человеком.

Постепенно читатель понимает и причину всегдашнего молчания тети Медины, когда к ней обращался отец Садыга, — молчания, не раз удивлявшего маленького героя. Оказывается, тетя Медина в обиде на старшего брата за то, что он вынудил ее выйти против ее воли замуж за Мукуша, обрек на жизнь с нелюбимым и недобрим человеком. Хотя сам Садыг и не задумывается над такими проблемами, драматическая судьба тети Медины, показанная через его восприятие, — гневный протест против религиозно-феодалных пережитков в семейных отношениях, против фактического унижения и закрепощения женщины, не преодоленных до конца обычаев.

«Я не любил, когда Мукуш бывал дома, — рассказывает Садыг, — потому что когда он бывал дома, моя тетя ходила насупленная и грустная. Когда Мукуш бывал дома, тетя не поджаривала для меня на печи кукурузу. Когда Мукуш бывал дома, она не вырезала мне из бумаги узорчатых цветов. Ей не хотелось ни говорить, ни рассказывать сказки...»

Из деталей, доступных детскому взгляду и памяти, возникает отталкивающий образ Мукуша — человека, внутренне чуждого советскому строю. Садыг, например, знает, что большой колхозный сад когда-то принадлежал местному богачу — отцу Мукуша. Мальчик замечает, как Мукуш часто подолгу лежит в этом саду, мечтательно глядя в небо, погруженный в сладкую грезу. Читателю отсюда нетрудно самому сделать вывод, что

Мукуш не расстался с надеждой вернуть отцовское добро. Эта догадка подкрепляется, когда осенью 1941 года Садыг по складам читает газеты, а Мукуш пытается выяснить у племянника, взяли немцы Москву или еще нет. В его нетерпении прорывается желание поскорее увидеть, как фашисты восстановят в России дореволюционные порядки.

Боясь призыва на фронт, Мукуш прикидывается больным. Но когда его все-таки мобилизуют, тетя Медина обнаруживает в подвале дома солидный запас продуктов. Патологическую жадность Садыг наблюдал в Мукуше и прежде, когда тот скармливал ослу или выбрасывал в мусорную яму переросшие огурцы, лишь бы не отдать их голодающим соседским детишкам.

И нам понятно поведение тети Медины, которая, проведив ненавистного мужа на войну, пустила по ветру все его кулацкое хозяйство, все годами скопидомства нажитое добро, даже сам дом спалила в печи, по бревнышку разобрал на дрова. Она вернулась с Садыгом под кров своего отца и как бы начала жизнь заново.

«Акрам Айлисли, — пишет Е. Шкловский, — видит жизнь в ее сложности и противоречивости, такой он и изображает ее, высветляя те пласты, которые доступны детскому сознанию героя, но и умея очертить, дать почувствовать ее глубины, находящиеся за его пределами»¹.

Это хорошо видно на судьбе Садыгова друга Азера, отец которого погиб на фронте, а мать вышла замуж. Азер не может простить матери ее нового замужества, ему даже не хочется возвращаться домой. Между ним и Садыгом происходит следующий разговор.

«— Давай, сбежим из этой деревни, — говорил он.

— Куда побежим?

Он показывал мне на горы.

— А волки? — Я не скрывал, что боюсь волков.

Азер поднимал железный лом и угрожал им волкам.

— А что мы будем там есть? — говорил я.

— Дичь, мясо джейрана, — говорил он.

— Мы не поймаем джейрана.

— Ну и что, поголодаем. Я могу месяц быть голодным, не веришь — давай поспорим!

Я не верил. Мы спорили об заклад. Потом он и сам не верил. Азер поднимал голову и грустно-грустно спрашивал:

— Что же тогда делать?»

Путь Садыга по ступеням времени и опыта к душевной и гражданской зрелости художественно прослежен автором из повести в повесть на протяжении многих лет, — по сути, от младенчества, о котором герой вспоминает со слов взрослых в «Сказках тети Медины», до тех дней, когда он оканчивает среднюю школу, получает золотую медаль за успехи в учении и оказывается на пороге уже иной, взрослой жизни.

Сталкиваясь со сложностью, многомерностью, противоречивостью действительности, юный герой не только делает полезные для себя на будущее открытия, учится различать в душах окружающих его людей доброе и злое, любить человека в его лучших качествах и ненавидеть бездушные,

¹ Шкловский Е. Дорога детства. — «Детская литература». 1982, № 4, с. 26.

жестокость, ложь, подлость. Герой учится еще, быть может, самому трудному: преодолевать собственный эгоизм (пусть и стихийный), конформизм (пусть и неосознанный), складывавшийся в сознании веками. Герой учится стыдиться своих заблуждений и ошибок, хотя бы они и совершались из самых лучших побуждений.

Ведь это он, Садыг, помешал любви тети Медины и солдата-узбека Авеза, квартировавшего по соседству. Садыг порвал письмо Авеза, выбросил оставленные солдатом для него и Медины продукты. Конечно, тетя Медина и без письма знала о любви Авеза, сама чуть было не позвала его на свидание. Но опомнилась, уничтожила свое письмо-признание. Легкого толчка не хватило, чтобы усилить решительность Медины, направить жизнь ее в счастливое русло. Вот Садыг и позаботился, чтобы этого толчка не было. Словно чувствуя, что племянник — одна из причин ее грядущего одиночества, тетя Медина перед сном, обнимая мальчика, спрашивает: «Ты не бросишь меня, Садыг? Не забудешь? И когда большой станешь, женишься?.. Не бросишь? Мы хорошо будем жить. Дочка у тебя вырастет, мы ее замуж выдадим... Не бросишь меня, Садыг? Не бросишь?»

Всю тяжесть поступка, совершенного в заботе о своем и тетушкином спокойствии, Садыг осознает много позже, когда уедет продолжать образование в Баку, а гонимая страхом одиночества Медина согласится стать женой отвоёванного на фронте и отсидевшего в тюрьме Якуба, которого она никогда не любила.

Еще большую вину ощутит Садыг за судьбу бывшего председателя колхоза Эльмурада, который, вернувшись с войны, восстановил разоренное хозяйство, но отказался объединять колхоз с другими во время кампании по укрупнению, потому что понимал: эта мера в условиях горной глубинки не усилит, а лишь подорвет экономические основы с таким трудом возвращенного благосостояния. Ему удалось убедить колхозников голосовать против укрупнения. А затем Эльмурада заклеили как афериста, идущего против решений партии, вместо него избрали другого, более послушного председателя. А Садыг и другие мальчишки, чтобы наказать бывшего председателя за якобы антиколхозную и антигосударственную деятельность, решили повернуть речную воду в арык и смыть с лица земли терпеливо взращенный Эльмурадом фруктовый сад.

Хотя преступление мальчишек порождено недалекостью и конформизмом взрослых, и сами дети здесь не более чем наивные жертвы общего заблуждения жителей деревни (не говоря о том, что Садыг действует не самостоятельно, а в группе и поступает «как все»), автор воспроизводит этот эпизод, чтобы показать, что никакие объясняющие поведение мальчишек обстоятельства не могут снять ответственности, а значит, и личной вины ни с одного из участников этой истории. Дело не в отыскании причин, отчего такое могло произойти, а в том, чтобы люди учились на опыте прошлого и не повторяли совершенных ошибок.

Литературные симпатии Акрама Айлисли достаточно полно очерчены кругом переведенных им на азербайджанский язык авторов, среди которых — писавшие для детей и о детстве А. П. Чехов, И. С. Тургенев, В. Г. Короленко, К. Г. Паустовский, В. М. Шукшин, Ч. Айтматов, Г. Бёльль. Глубоко национальное по содержанию и форме творчество А. Айлисли развивается в русле европейской и мировой гуманистической традиции,

оно созвучно вершинным достижениям современной советской прозы.

Пожалуй, во всей современной азербайджанской прозе для детей и юношества наиболее широкий всесоюзный отклик получило творчество Максуда Ибрагимбекова. Только в журнале «Детская литература» отрецензированы изданные писателем в Москве книги «Последняя ночь детства», «Пусть он останется с нами», «За все хорошее — смерть», «Прилетела сова», напечатаны обширное интервью с писателем и посвященный ему критический очерк-портрет. Многие произведения М. Ибрагимбекова выпущены издательством «Детская литература», опубликованы в журнале «Юность». И это справедливо, ибо Максуд Ибрагимбеков — один из наиболее внимательных и талантливых исследователей детства в сегодняшней азербайджанской литературе.

Максуд Мамед Ибрагим оглы Ибрагимбеков (р. 1935) в 1959 году окончил строительный факультет Азербайджанского политехнического института, а затем Высшие сценарные (1964) и Высшие кинорежиссерские (1972) курсы. Печатается с 1960 года. Он — автор сценариев кинофильмов «Последняя ночь детства», «Я помню тебя, учитель», «Главное интервью», «Пусть он останется с нами» и др. Пьеса М. Ибрагимбекова «Мезозойская история» получила 1-ю премию на Всесоюзном конкурсе на лучшую пьесу, посвященную рабочему классу. М. Ибрагимбеков — лауреат Государственных премий Азербайджанской ССР и СССР. Многие его произведения переведены на языки народов СССР и других стран.

При всем жанрово-тематическом многообразии творчества Максуда Ибрагимбекова, его основные жанры — рассказ и повесть, а главная тема — детство.

Эта тема органична для писателя. Ему было двенадцать лет, когда он сочинил приключенческий «роман» о том, как несколько мальчиков сбежали из дому. Конечно, это была еще детская игра в писательство. Однако в 25 лет М. Ибрагимбеков написал несколько детских рассказов. «Я хорошо знал психологию возраста, покинутого мною не так давно, и старался рассказать истории, которые мучительно требовали выхода и, как мне казалось, были самой судьбой предназначены для детей, — говорил писатель. — В них нашли выражение нравственные уроки, полученные мною к тому времени от жизни»¹.

Что же это были за истории? Одна из них — об учителе химии по прозвищу Кролик, который в трудные годы войны под нажимом жены варит мыло для продажи на рынке. Эту спекулятивную деятельность не может остановить даже визит милиции. Но вот Кролик встречается со своими учениками, уезжающими на фронт. Он узнает в этих ребятах свои самые чистые и высокие чувства и помыслы, которые всегда старался передать воспитанникам. И одновременно видит себя перед учениками — жалкого, потерянного, с тяжелым чемоданом самодельного мыла, которое несет перекупщику. Эта встреча вызывает в нем нравственное потрясение. Он раздает содержимое чемодана отправляющимся на войну юношам и, прощая отходящий поезд, испытывает давно забытое чувство душевной независимости и легкой радости. Его ждут слезы и упреки жены, и детям

¹ Ибрагимбеков М. Урок воспитания чувств. — «Детская литература», 1982, № 4, с. 34.

придется ту же подтянуть пояса, но зато совесть его чиста. Учитель вновь обрел себя самого, прежнего.

Другая история — о мальчишке Намике, благоговейно преданном старшему товарищу Македону, в котором он видит свой идеал. Но Македон облил бензином и поджег живую крысу. Намик не любит крыс, однако еще более отвратителен ему Македон, в котором сквозь маску героя проступает звериный лик фашистских палачей. И Намик в отчаянии бьет приятеля по лицу: ведь Македон не только оказался жестоким и бессердечным, — он предал Намика, обманул его любовью и доверие.

В первой детской книге М. Ибрагимбекова «Последняя ночь детства» еще много от расхожих штампов детской литературы. Ребята обнаруживают нефтяной фонтан неподалеку от родительской дачи и спешат сообщить о своем открытии. На проверку же оказывается, что это всего-навсего лопнул нефтепровод. В другой раз, посмотрев фильм «Три мушкетера», они играют в благородных героев Дюма, спасают жизнь бродячему псу, попавшему под машину, и не прощают «миледи» — девочку Саидку, по вине которой пес этот все-таки сдох...

Но даже несмотря на традиционные, вторичные сюжетные ходы и коллизии, уже в ранних рассказах М. Ибрагимбекова виден его собственный взгляд на действительность, не приемлющий нравственных компромиссов, смело разводящий действующие в ней силы по разным духовно-идейным полюсам.

По мере наступления творческой зрелости стиль писателя становится более отчетливым и определенным. В нем возрастает удельный вес условности. Обращает внимание сюжетная необычность его детских книг, когда мера вымысла порой даже превосходит границы реального, привычного-возможного. Так, в повести «Пусть он останется с нами» говорится о льве, который убежал из цирка и, спасаясь от облавы, нашел прибежище в доме начальника городской милиции — того самого, кто возглавляет поиски беглого зверя. А в повести «За все хорошее — смерть» рассказано о четырех подростках, обнаруживших в горах оставшийся со времен войны фашистский бункер, бронетранспортер, склад оружия, золото. Старинное поверье, будто ночной крик совы возле дома предвещает близкую смерть кого-нибудь из его обитателей, создает внутреннее напряжение повести «Прилетела сова».

«В подчас маловероятных сюжетах М. Ибрагимбекова, которые тем не менее могут быть вполне органичными для детской фантазии, есть и элемент иронии — игра, не отрицающая серьезности и важности поставленных проблем, — считает Е. Шкловский. — Похоже, что писатель просто не хочет слишком далеко отступать от присущей его юным героям наивности и непосредственности. Да и как, впрочем, входя в мир детства, пусть не совсем безоблачный, пусть со своими коллизиями и надрывами, обойтись без игры, без свободного полета фантазии?»¹

Война тяжело взрывающим жизненным пласт плугом прошла через детство многих юных персонажей М. Ибрагимбекова. Конечно, это объяс-

¹ Шкловский Е. От лица жизни. Штрихи к портрету Максуда Ибрагимбекова. — «Детская литература», 1981, № 6, с. 18.

няется в первую очередь тем, что детство самого писателя пришлось на суровое военное четырехлетие, и острая память мальчика во всех мельчайших подробностях запечатлела (как первые, наиболее сильные впечатления бытия) лишения и потери, слезы и надежды тех бесконечно долгих лет. Однако автобиографизм творчества М. Ибрагимбекова имеет и другую грань. «...Ничто из того, что произошло в детстве или юности, в дальнейшем не проходит бесследно»¹, — напомнил однажды писатель старую истину.

Война превратила нравственную границу между людьми в границу социально-политическую. Она выбросила на поверхность, на всеобщее обозрение всю грязную накипь — ловчил, карьеристов, разного рода спекулянтов, открыто поднявших знамя потребительского делячества. Но она же и высоко подняла престиж истинных духовно-нравственных ценностей, доказав самим фактом победы над фашизмом, что патриотизм, самоотверженный героизм и другие добрые, гуманные качества советского трудового народа не миф «коммунистической пропаганды», а явная и притом массовая реальность.

Война, как никакое иное время человеческой истории, уравнивает детей и взрослых не только в страданиях, потерях, горе, но и в ответственности. Похоже, эта, воспринятая с военных дней, неразделенность детской и взрослой жизни, определив личность писателя, вошла в его книги художественной концепцией, таким взглядом на сегодняшнюю действительность, в свете которого взаимосвязь поколений выступает и как их взаимопроверка и взаимосуд.

Повесть «Прилетала сова» начинается с ночного крика совы под окнами дачи, где живут мальчик, герой повести, и его бабушка. Бабушка убеждена, что это примета ее скорой смерти. Внук протестует против суеверия. Но, чтобы успокоить бабушку, говорит ей, будто сова кричала не на их участке, а по соседству, где живет со своей женой Наиля инженер и неудачливый писатель Кямил, чьи рукописи неизменно возвращаются редакциями.

Со своей стороны, бабушка убеждает внука, что сова никогда не прилетает понапрасну. Она приводит в пример Шахлар-Бека, другого их соседа по даче. Накануне его смерти у него в саду действительно кричала сова. Мальчик вспоминает этого тихого, молчаливого, вечно игравшего в нарды старика, славившегося безупречной честностью и никому не сделавшего зла. От Шахлар-Бека его мысль перекидывается на того, кто купил стариковский дом и живет в нем теперь, — на Рашида и его жену Адель.

Герой боится — а чем черт не шутит! — что дурная примета может оправдаться в отношении Кямила, которого он очень любит. И он размышляет о странных, не во всем понятных и объяснимых, с его точки зрения, отношениях, в которых пребывают две соседствующие супружеские пары: Кямил с Наилей и Рашид с Аделью.

Рашид и Адель со стороны кажутся образцовыми супругами. Они прекрасно ладят между собой, прилюдно внимательны и неизменно ласковы

¹ Речь М. Ибрагимбекова. Седьмой съезд писателей СССР. Стенографический отчет. М., 1983, с. 359.

один к другому. Но чем больше о них рассказывает герой, тем явственнее вырисовывается их подлинный облик. Благополучие их семьи предстает как благополучие обывателей, — агрессивных и самодовольных хищников, презирающих или ненавидящих всех, из кого нельзя извлечь какой-нибудь выгоды, и тех, кто живет по иным нравственным законам и меркам.

Рашид и его жена презирают Кямила за то, что тот «не умеет жить», занимается «не своим делом». Нас же, читателей, Кямил привлекает своей естественностью, порядочностью, честностью во всем; той очарованностью красотой мира, которая свойственна детям и мудрецам; своей дружбой на равных с героем-рассказчиком и тем, что материальные выгоды не играют в его жизни определяющей роли, как, впрочем, и соображения так называемого престижа. Располагает к Кямилу и его отношение к Рашиду. Раздражению, плохо скрываемой недоброежелательности последнего Кямил противопоставляет иронию, в отдельных случаях сарказм — оружие благородства и действительной силы.

Максуд Ибрагимбеков одним из первых в азербайджанской детской литературе сделал попытку исследовать природу героического поступка на самых начальных возрастных ступенях. В его повести «За все хорошее — смерть» физически самый слабый из ребят, с которыми он оказался замурованным в старом немецком бункере, Таир-очкарик, когда его товарищам отказали мужество и воля, и ни у кого уже больше нет сил искать выход из очевидно безвыходного положения, и у всех одно желание — лежать и не двигаться, покорно дожидаясь неизбежного, — один Таир в это время найдет в себе силы подойти к рубильнику с надписью «Смерть» и, рискуя собой, повиснуть на нем ради спасения всех.

Образ детства у М. Ибрагимбекова неоднозначен. «Мелькнет на страницах его прозы Сабир, жестоко и несправедливо избивающий слабого, беззащитного Таира в повести «За все хорошее — смерть»; Васиф, набрасывающийся на другого мальчишку только за то, что тому удалось поймать осетра, а ему нет, в повести «Прилетела сова», — пишет Е. Шкловский. — Писатель понимает, что если детство тянется к добру или к злу, то тяготение это стихийно, бессознательно. И все-таки основная, ведущая тенденция в творчестве Максуда Ибрагимбекова выражена достаточно ярко. Большинство его героев именно стихийно, интуитивно добры»¹.

Эта доброта, способность к таким высоким чувствам, как сострадание и милосердие, вместе с пониманием, по какую сторону в мире взрослых находятся добро, справедливость и правда, а по какую — эгоизм, притворство и ложь, не приходят, однако, сами по себе. Их необходимо выстрадать в глубоком, подчас тяжком опыте жизни, или, по крайней мере, воспринять в процессе воспитания. Вот почему не только к собратьям по перу, но прежде всего к себе самому обращен призыв писателя: «Мы говорим, что дети наше богатство, и это действительно так, дети — богатство, от правильного использования которого зависит судьба нашей великой страны, всей нации. Так давайте же сделаем все, чтобы это богатство принесло нам

¹ Шкловский, Е. От лица жизни. Штрихи к портрету Максуда Ибрагимбекова. — «Детская литература», 1981, № 6, с. 21.

и детям в будущем самый ценный капитал в виде ума, благородства и таланта»¹.

С тех пор, как в 1959 году в журнале «Геярчин» был напечатан первый рассказ **Сабира Азери** (Татлыев Сабир Али оглы, р. 1938), растет вклад этого писателя в дело коммунистического воспитания подрастающего поколения.

До окончания десятилетки будущий писатель жил в своем родном селе Дагкесаман, где долина Куры на десятки километров раздвинула горы, дав простор хлопковым полям и виноградникам. Село это находится в западной части Азербайджана. Путь отсюда до Тбилиси вчетверо и до Еревана втрое короче, чем до Баку. Здесь, на стыке трех республик, живут и азербайджанцы, и грузины, и армяне, и русские. Человек издавна определяется не по тому, кто он, а по тому, каков он.

Сабир был старшим ребенком в многодетной крестьянской семье. Уже в школьные годы он сполна познал многие виды нелегкого сельского труда: надо было помогать родителям поднимать на ноги четырех младших сестер и двух братьев. Сабир рано почувствовал ответственность за других и радость взаимопомощи.

Позже, когда учился на отделении журналистики филологического факультета Азербайджанского государственного университета, он овладевал литературным профессионализмом. Но писатель стал складываться в нем значительно раньше. Еще когда мальчишкой, помогая взрослым пастухам, взбирался он со стадами овец на горные пастбища — эйлаги. Когда исподволь учился самой большой и трудной науке — любить людей и быть перед ними честным.

Новаторскими для азербайджанской детской прозы стали рассказы С. Азери «Чайки плачут», «Карагёз» и др. В них проявилось тонкое понимание психики ребенка, умение точно передать сложные движения его души. В рассказах отчетливо ощущается фольклорная основа.

«Уже в сюжетах их, — писал критик И. Мотяшов, — есть что-то от легенды и от народной притчи. Вместе с тем традиционный для восточного фольклора мотив праведного возмездия переосмысливается автором и наполняется новым — в духе времени — содержанием.

Прекрасная и добрая к человеку природа — река, ночь, журавли, чайки, бык — становится вдруг грозной, вселяет тревогу и ощущение таящейся в ней опасности. Она и в самом деле неотвратимо наказывает всякого, кто по жестокосердию (как Кявы или пастух Меджид в «Карагёзе») или же по беспечности и недомыслию (как Билал и Джамиль в рассказе «Чайки плачут») причиняет ей зло.

И вовсе не потому, что существует какое-то мифическое «проклятие журавлей».

А потому, что зло, творимое человеком, неумолимо оборачивается против него самого, становясь проклятием нечистой совести, страха, чувства вины, не искупаемой полностью даже добрыми делами.

Джамиль и Давуд — маленькие герои рассказов С. Азери — учатся

¹ Речь М. Ибрагимбекова. — Седьмой съезд писателей СССР. Стенографический отчет. М., 1983, с. 360.

пониманию главного: быть мудрым — значит быть человеческим, добрым и справедливым во всем — в отношении к людям и к миру»¹.

Большое значение на пути к созданию азербайджанской прозой для юношества современного положительного характера имел образ восемнадцатилетнего Гияса — центрального героя повести-трилогии Сабира Азери «Глухая скала». Гияс еще очень неопытен в житейских делах. Быть может, именно поэтому его поступки не всегда правильны по форме, подчас граничат с проступками. Но они обязательно продиктованы движениями души, истинными по существу. Поймав Салмана на краже колхозной шерсти, Гияс не идет сообщать об этом начальству. Он возвращает краденую шерсть на место, а сам на последние деньги покупает внуку Салмана Джавиду носки и ботинки, объяснив Салману, что выменял их на шерсть. Конечно, это не самый лучший способ борьбы с хищениями общественной собственности. Но кто сможет сказать, что действия Гияса идут не от чистого сердца?

Пожалуй, самое привлекательное в этом юноше — позитивный характер почти всех его поступков, что роднит его с героями А. Алексина, А. Лиханова, А. Айлисли, Эльчина, М. Ибрагимбекова. Всюду, где это ему посылно, он борется со злом не путем отрицания и обличения, а действительным, активным добротворчеством.

И еще одна черта в высокой мере присуща Гиясу: развитое чувство человеческого достоинства и как результат — нетерпимость к хамству, наглости, к стремлению иных людей использовать данную им власть для морального подавления подчиненных и зависимых людей.

Образ взрослого человека, по примеру которого можно «делать жизнь» (В. Маяковский), как известно, особенно важен в пионерские и комсомольские годы, когда формируются основные гражданские черты личности. Такой положительный образец становится стократ убедительнее, если ему предшествует реальный жизненный прототип. В этой связи следует вспомнить повесть о герое революции Чингизе Ильдыме прозаика и драматурга **Фирудина Агаева** (р. 1933), автора сборника рассказов «Катер выходит в море» и других книг для подростков.

Один из самых любимых жанров у ребят пионерского возраста — фантастика. Эльчин вспоминает, как однажды он занимался в бакинской библиотеке имени Сабира. «Вошел мальчик в очках, лет двенадцати-тринадцати. Ребята, стоявшие поблизости, зашептали: «Профессор пришел». «Профессор» приблизился к библиотекарю и спросил, далеко ли его очередь. Когда он услышал в ответ, что еще далеко, умные глазенки «профессора» омрачились тенью настоящей детской печали. Естественно, я не удержался и спросил, что это за очередь, которая так расстроила «профессора». Оказалось, что речь идет ни много ни мало о книге Намика Абдуллаева «Приключения Киберика» и что из охотников прочесть эту увлекательную научно-фантастическую повесть для детей образовалась целая очередь...»²

¹ Игорь Мотышов. Сохрани чистым сердце. — В кн.: Сабир Азери. «Глухая скала». Повесть и рассказы. М., 1973, с. 238—239.

² Эльчин. Без трудностей нет побед. — «Детская литература», 1982, № 4, с. 17.

Намик Абдуллаев (р. 1928) — автор многих научно-фантастических новелл и сборников рассказов: «Волшебный мальчик», «Потерянный мир», «Приключения Киберика» и др. Для азербайджанской детской литературы, писал Эмин Махмудов, эти произведения — «определенные достижения в области научной фантастики»¹. Тем не менее надо признать, что жанр научно-фантастической прозы развит в азербайджанской детской и юношеской литературе недостаточно, по своему уровню он явно отстает от общесоюзных достижений.

В азербайджанской прозе для ребят младшего возраста, успехи, как уже говорилось, более чем скромные. Среди тех, кто пришел в прозу для малышей в 70-х годах, заметно выделяется **Фуад Джафар оглы Таривердиев** (р. 1932). В своих рассказах он удачно сочетает серьезность и значительность проблематики с близким и увлекательным для юных читателей содержанием.

Интересен рассказ «Доносится звук...». Он — о судьбе кувшина, который «поет», пока цел и исправно служит людям, и утрачивает дар пения, едва в нем появляется трещина. Но «герой» рассказа Ф. Таривердиева и после того, как его выбрасывают за негодностью, находит в себе мужество «запеть» снова. Это произошло, когда птицы облюбовали его под гнезду и вывели в нем птенцов. Кувшин опять стал нужен, и для него наступили счастливые времена.

В рассказе «Дождь» рисуется конкретная картина природы: «Капли упали на крышу, забарабанили. Постучали в окно, стекли вниз по стеклу. Рассеявшись по поверхности пруда, взволновали, вспенили воду. Смешавшись с волнами, побежали к берегу. Намочили землю, умыли листочки». Наблюдавший днем дождь маленький Фарид видит во сне каплю, даже разговаривает с ней. Капля делится с ним своей мечтой напоить цветы, говорит, что, только принося пользу другим, она чувствует себя счастливой. И Фариду это нравится.

Маленький рассказ «Полечу и найду тебя» начинается как фантастическая история. Его герой Ялчин участвует в космическом рейсе на другую планету, встречает там советский планетоход, испытывает разные приключения. А потом просыпается... в своей постели. Но он уверен, что сон его непременно продолжится в жизни. Вечером он глядит в небо, видит самую яркую звезду и обещает ей: «Вот вырасту, обязательно полечу и найду тебя!»

Природа выступает в рассказах Ф. Таривердиева как добрый друг человека, как храм красоты и мастерская счастья в одно и то же время. Когда у героя рассказа «Станный день» Эльнура хорошо на душе, луга расстилаются перед ним, словно многоцветные мягкие ковры, маки горят в его руке, будто солнце, бабочки ведут вокруг него свои радостные хоры.

Это ощущение природы писатель передает читателю и рассказом «Весеннее утро». «Солнце выглянуло на горизонте, — читаем в нем, — одело небо в розовые одежды. Накинуло золотое покрывало на деревья, растущие на склонах гор. Повсюду рассеяло свои лучи. Разбудило птиц. И они,

¹ Эмин Махмудов. Фантастика страны огней. — «Детская литература», 1972, № 6, с. 18.

не успев раскрыть глаза, стали перекликаться: «Доброе утро! Наступило утро!» Вместе с птицами, со всей природой просыпается героиня рассказа, маленькая Гюльтакин. Радостное солнечное утро бодрит и освежает девочку прохладным ветерком, наполняет песнями ее сердце. И сама Гюльтакин перед лицом этого прекрасного утра похожа на песню.

Однако и в природе в изображении Фуада Таривердиева не все гармонично, как и в человеческой жизни. В рассказе «Красногрудка» нарисованы три завистливых гуся, которые, подобно некоторым людям, не могут простить Красногрудке ее красоты и бранят ее только за то, что она лучше их самих.

Особенно трудно в прозе для маленьких воплотить конкретную социально-политическую тематику. Тем важнее успех таких рассказов Ф. Таривердиева, как «Память» и «Звезда». В первом из них пожилой человек, участник Великой Отечественной войны, рассказывает малышу-слушателю о героизме и дружеской взаимопомощи взрослых и детей в годину тяжелых испытаний для Родины. Во втором с юмором описывается, как маленькая Лаля определила для себя, что такое Герой Социалистического Труда. Знакомого камешника, Героя Труда, она уподобляет октябренку среди взрослых людей. Ведь и у Героя и у ребят-октябрят на груди сверкает один и тот же гордый и почетный знак — пятиконечная звездочка.

Успешно пишет для маленьких и **Али Гафур оглы Самедов** (р. 1930). Его книги — «Сказки дедушки Агиля», «Школьная сцена», «В снежный день», «Звонок ябеды», «Мои цыплята», «У чинары долгий век», «Таргюль и Заргюль», «У каждого песня своя» и другие воспитывают у ребят трудолюбие, патриотизм, интернационализм.

Конкретные научные знания об окружающем мире писатель нередко сообщает детям в увлекательной форме легенды и сказки, в какой-то мере развивая на азербайджанской национальной почве традиции натуралистических сказок В. Бианки. Так, в «Детях Солнца» он рассказывает о том, что Солнце не всегда было таким горячим, как теперь, и у него были дети — Земля и Луна. Однажды эти дети крепко поссорились и никак не хотели мириться. Тогда отец-Солнце распалилось от гнева и прогнало Землю и Луну от себя. Но они далеко не ушли, днем и ночью кружатся в пространстве вокруг Солнца, умоляют простить их. Только Солнце все еще сердится, все никак не остынет.

Конечно, эта сказка не претендует на научную достоверность космогонического очерка. Ее цель куда скромнее — дать малышам первичное представление о вращении Луны вокруг Земли и Земли вместе с Луной вокруг Солнца.

Значительна роль Али Самедова в развитии национального детского театра как автора пьес «Алчность навлечет беду», «Конец мучительных дней», «Волшебный ковер», «Звонок ябеды», «Джыртдан», успешно идущих в Театре кукол имени А. Шаига и на сцене Бакинского театра юного зрителя имени М. Горького.

Нариман Годжа оглы Сулейманов (р. 1930) пишет для ребят всех возрастов. На страницах газеты «Азербайджан пионери» впервые печаталась его повесть «Да здравствует Советская власть» — о становлении народной власти в республике. Но хотя сам он много лет является редактором журнала «Пионери», среди его книг («Маленький всадник», «Цыганка»,

«Подарок», «Подснежник», «Старики и дети», «Бабушка Етар», «Дедушкин сад», «Радуга», «Одинокий цветок» и др.) много таких, что обращены к дошкольникам и младшим школьникам.

У маленьких рассказов Н. Сулейманова есть одна особенность: в основу их обычно берется не событие, не случай, а какой-то отдельный факт жизни, который в произведениях большинства других авторов был бы всего лишь деталью, подробностью. Факт этот художественно «обигрывается», получает символическую окраску, становится обобщением, суть которого доступна ребенку не столько рационалистически, сколько эмоционально и эстетически. По такому принципу написаны рассказы Н. Сулейманова «Одинокий цветок», «Листок», «Мак»...

В рассказе «Мак» весьма заметно влияние А. Платонова. В нем говорится о выросшем возле дороги среди разного мусора цветке мака. Люди, проходящие по дороге, невольно любуются его красотой и, чтобы сохранить ее и сделать еще ярче, доступнее всем, расчищают землю вокруг цветка, убирают мусор. Так в доступной малышам форме реализуется важная мысль об облагораживающем, очищающем воздействии красоты.

Как мастер короткого рассказа и сказки зарекомендовала себя и **Азиза Яхья кызы Ахмедова** (р. 1932) — автор книг «Мохнатые скалы», «Весенний снег», «Ее полюбили цветы», «Разбила я сердце», монографии о творчестве Мирварид Дильбази — «Влюблена я в эти края». А. Ахмедова — директор республиканского издательства детской книги «Гянджлик».

Для ребят младшего возраста Азиза Ахмедова пишет рассказы о природе и лирические по стилю и настроению сказки. Цветы и травы, звери и насекомые, природные явления — Весна, Солнце, Горы, Сель, наделены в них индивидуальными человеческими чертами, способностью чувствовать, говорить и действовать и в то же время сохраняют свои изначальные, на деле присущие им качества.

Такие произведения Азизы Ахмедовой знакомят малыша с тайнами окружающего мира и при этом дают ему образцы морально-нравственного, поведенческого характера. В сказке «Подснежник» заглавный персонаж раньше всех расцветает на весеннем лугу, и все цветы, появляющиеся позже его — Фиалка, Нарцисс, Ромашка и Мак, — слышат от Подснежника сердечные приветствия. Их согревает его простодушная, искренняя радость. Но вот Подснежник отжил свое, завял, и никто в своем счастье и ликовании не заметил его ухода.

Гонимая и презираемая спесивыми цветами Серая птица из одноименной сказки спасает своих недоброжелателей от гибели во время жестокой засухи. Выбиваясь из сил и не ожидая взамен даже простой благодарности, она носит в клюве воду с реки и поит изнемогающие от жажды цветы.

Пышно и бурно расцветающий Мак (сказка «У Мака век короткий») соединяет в себе радостную любовь к жизни с печалью от сознания скорой и неизбежной гибели.

Живые ребячьи характеры создает в своих произведениях **Иса Гумматов** (Гумматов Иса Рустам оглы, р. 1933). В рассказах «Дедушкина память», «Ягнята Зарнигар», «Темной ночью» и др. он высмеивает лень, слабоволие, зависть и другие недостатки. В 1983 году издательство «Детская литература» выпустило книгу И. Гумматова «Возвращение журавля».

Миниатюра — этот весьма распространенный жанр восточной литературы — в наши дни все увереннее завоевывает в «малышовой» прозе права гражданства. Типичный пример — рассказ «Не догадается» поэта и прозаика Тофика Агаева, напечатанный на страницах журнала «Гяярчин»:

«Повадилса в сад волк ходить, долго выслеживал его Гасан, наконец поймал, связал ему ноги и пошел хвастать соседу.

— А руки ты ему тоже связал? — спрашивает сосед.

— Это мне и в голову не пришло.

— Он же развяжет ноги и сбежит.

— Ему это тоже в голову не придет, ведь мы с ним родом из одной деревни».

В подобных миниатюрах, исполненных юмора и мудрой лукавинки, несомненно, есть нечто родственное и с народным анекдотом, и со сказкой, и с басней.

Хотя для маленьких пишут немало, в том числе и такие писатели, как автор многих рассказов и сказок **Тельман Карабаглы** (р. 1931), не говоря уже о молодых начинающих прозаиках, проза для ребят младшего возраста поныне является наиболее уязвимым звеном азербайджанской детской литературы.

Именно в эту область литературы в последние годы, как отмечал Эльчин «хлынул бурный любительский поток»¹, угрожающий размыть идейно-художественные критерии, поднять «удельный вес» таких спутников ремесленной книжки, как штамп, мелкотемье, жанрово-тематическое однообразие, бедность художественных форм.

Знать детей детскому писателю, конечно, необходимо. Но этого мало. Надо еще — и в первую очередь — знать жизнь народа, его думы и чаяния, понимать тенденции развития жизни. Недостаток азербайджанской детской прозы в том, что многие писатели свои произведения предназначают только детям. Есть и такие, кто полагает, будто в произведениях для детей лучше не касаться общественных, социальных проблем. Они никак не могут выйти за пределы ограниченного круга тем и сюжетов. Сколько написано о куклах, о днях рождения! Вместо того, чтобы создавать образы энергичных, добрых, активных ребят, живущих в широком мире, даже одаренные авторы нередко пишут произведения, отражающие узкий мирок ребячьих забав.

Азербайджанской детской прозе в целом, и прозе, адресованной дошкольному и младшему школьному возрасту в особенности, надлежит неизмеримо больше, чем это делалось до настоящего времени, уделять внимания теме семьи, отношениям ребят в детском саду и в начальной школе, образам отца, матери, воспитателей детского сада, старших сестер и братьев, учителей и октябрятских вожатых, темам современного социально-политического звучания. Дальнейшее развитие должны получить в литературе для младших возрастов все жанры и разновидности научно-художественной и научно-фантастической литературы.

¹ Эльчин. Без трудностей нет побед. — «Детская литература», 1982, № 4, с. 18.

Анализируя достижения азербайджанской детской литературы, исследуя тенденции ее развития, нельзя не прийти к выводу, что за годы Советской власти и особенно в последнюю четверть века эта область национального словесного творчества проделала значительный путь в сторону сближения с жизнью, овладения принципами социалистического реализма, освоения новых тем, идей, форм художественного выражения действительности.

Этот прогресс связан с неустанной заботой партии и правительства о подрастающем поколении, о детской и юношеской литературе.

Только в десятой пятилетке по сравнению с предыдущим периодом число изданий детских книг в республике почти удвоилось. Соответственно выросли и тиражи книг для детей. Издана двухтомная антология азербайджанской детской поэзии и прозы. Значительно увеличилось количество передач главных детских редакций азербайджанского радио и телевидения. Развиваются детский театр и кино для детей. Определенных успехов достигло искусство иллюстрации детской книги.

Проведение в Азербайджане Всесоюзной творческой конференции писателей и критиков на тему: «Дружба народов — дружба литератур. Слово писателя — активная сила в интернациональном и патриотическом воспитании советского человека» (1980) — и Всесоюзной недели детской и юношеской книги (1980) значительно содействовало расширению и укреплению плодотворного творческого сотрудничества азербайджанских детских писателей с лучшими писателями Советской страны и прогрессивными деятелями детской литературы зарубежных стран. В Баку и других городах и населенных пунктах республики побывали в последнее десятилетие А. Барто, С. Михалков, М. Прилежаева, А. Алексин, Ю. Коринец, А. Лиханов, С. Алексеев, Ш. Бейшеналиев, К. Тангрыкулиев, индийский писатель Д. П. Бхарти и многие другие мастера советской и зарубежной литературы для детей и юношества. Они встречались с юными читателями, делились опытом и секретами мастерства с товарищами по перу.

Выступая на Всесоюзной творческой конференции в Баку, Агния Барто говорила:

«Наша замечательная многонациональная, истинно гуманная детская литература стремится ответить детям на их вопросы, глубже проникнуть в их духовный мир. К маленьким первой приходит поэзия. На нашей конференции присутствует детский писатель из Индии — Джай Пракаш Бхарти. Он спросил меня, почему я пишу для детей? Я объяснила ему, что именно окончательно утвердило меня в таком решении. Когда в Германии к власти пришел Гитлер, жгли на кострах великие творения марксизма, книги прогрессивных писателей. Была сожжена и моя тоненькая книжка для маленьких детей «Братишки».

И вот, когда я узнала, что мои «Братишки» оказались опасными фашизму, я поняла — значит, детской поэзии дано поднимать и главные идейно-нравственные вопросы времени. Она должна быть не только современной, но и предвидеть завтрашний день; ведь в немалой мере от нее зависит, какими войдут нынешние дети в это завтра. Своими особыми художественными средствами детская поэзия закладывает духовную основу на

донишке детской души. Мне кажется, что ничего не может быть дороже для поэта...»¹

Это выступление прозвучало как завет детским писателям Азербайджана старейшей детской писательницы, классика советской литературы для детей.

Подобно детским литературам России и других братских республик, азербайджанская детская литература сегодня в пути. Она немало успела, многого добилась в деле воспитания. Еще больше ей предстоит сделать.

¹ Содружество литературы и труда. Материалы Всесоюзных творческих конференций писателей и критиков 1978—1980 гг. М., 1981, с. 461.

Игорь Мотяшов

СЛОВО ИЗ ПЕСНИ

(Необходимое дополнение к книге Захида Халила)

Несколько лет назад Эльчин высказал азербайджанской критике, осещающей проблемы детской литературы, весьма серьезный упрек. «Азербайджанская детская литература сегодня, — писал он, — если можно так выразиться, зарождается в изоляции, самостоятельно, развивается на свой страх и риск, и ее слабые стороны, огрехи, ошибки касаются только ее самой, так как эта литература не только не ощущает помощи литературной критики, но и не находит в ней самого простого отражения, освещения; и многие ее промахи проистекают именно оттого, что она «варится в собственном соку», замкнута в себе, отринута от литературного процесса»¹.

Определенное подтверждение справедливости этих горьких, хотя и не лишенных полемического преувеличения слов находим в книге В. Александрова «В желуде — целое дерево» — первом, по сути, обобщающем труде о современном состоянии и тенденциях развития советской литературы для детей как литературы многонациональной. «До обидного мало у нас критиков, имеющих вкус к рассмотрению тех или иных художественных явлений в контексте всей советской многонациональной детской литературы, — свидетельствует автор упомянутого труда, — ...Критикой явно недочитана... детская литература Азербайджана...»²

Думаю, что сегодня В. Александров и Эльчин не были бы столь категоричны. И не только потому, что книга Захида Халила «Детская литература Азербайджана» непосредственно восполняет отмеченные ими упущения. Она сама — порождение и составная часть качественного сдвига, происходящего буквально на наших глазах в азербайджанской литературе для детей и в отражающей ее движенье критике.

Выразить существо этого радующего нас явления удобнее всего подходящим к космическому веку термином «стыковка». Будто летели по общему курсу два корабля, экипажи их переговаривались между собой, встречались в открытом космосе и даже ходили друг к другу в гости, поскольку корабли находились совсем близко. И все-таки было между ними какое-то пространство. А потом наступил момент, когда они состыковались и сделались единым комплексом, одним общим домом, по которому оба экипажа могут теперь свободно перемещаться, как захотят.

Конечно, всякое сравнение условно. Но то, что происходит сегодня

¹ Эльчин. Без трудностей нет побед. — «Детская литература», 1982, № 4, с. 17.

² Александров В. В желуде — целое дерево (Из опыта современной советской многонациональной детской литературы). М., 1981, с. 144.

в азербайджанской детской литературе и критике и чему подтверждение — книга, которую вы держите в руках, я не могу назвать иначе. Ибо и в самом деле корабль детской литературы Азербайджана стыкуется ныне с кораблем русской детской литературы. Причем, разумеется, процесс этот является общим для всех национальных литератур нашей страны, хотя проходит не синхронно и по-разному, в зависимости от особенностей исторического развития той или иной национальной литературы.

С неизбежными трудностями и издержками процесса азербайджанская детская литература успешно справляется, будучи включена в общий поток духовной жизни советского народа.

Именно на этапе зрелого социализма количественные накопления азербайджанской детской литературой опыта художественного постижения и воплощения действительности как национальным, так и многонациональным советским и мировым искусством привели к новому качественному сдвигу: резко увеличившему вклад азербайджанской детской литературы в духовную жизнь детей всей нашей страны и многих других стран.

Этот выход на всесоюзную и мировую арену неизбежно сопровождался гораздо более широкими и основательными, чем раньше, попытками ее критического осмысления. Если вплоть до середины 70-х годов интерес к азербайджанской детской литературе проявлялся почти исключительно самими авторами книг для детей и немногими азербайджанскими критиками и литературоведами, среди которых надо прежде всего назвать Бекира Набиева, Расима Тагиева, Афлатуна Мамедова, Мамеда Джафара и, конечно, Захида Халила, защитившего в 1974 году кандидатскую диссертацию на тему «Азербайджанская советская детская поэзия и фольклор», то во второй половине 70-х годов и особенно в 80-е годы не только значительно расширился круг национальных критиков, пишущих о проблемах детской литературы. О детской литературе Азербайджана все чаще пишут также критики России и других братских республик.

Общесоюзный характер придали критическому разговору о путях развития азербайджанской детской литературы два специальных «азербайджанских» номера журнала «Детская литература», вышедшие с разрывом в десять лет — в 1972 и 1982 году. Даже беглое сравнение этих номеров показывает, как много событий произошло за это десятилетие в азербайджанской детской литературе, насколько серьезнее, «взрослее» стало ее критическое изучение. Высокий уровень требований к детской литературе республики отличает посвященные ее авторам и произведениям статьи Аллы Марченко, Евгения Шкловского, Марии Прилежаевой, Владимира Коркина; Генриха Митина, Ирины Токмаковой, Розы Баруздиной, Марианны Ямпольской, других критиков и писателей.

А в Азербайджане сегодня внимание к детской литературе проявляют Биалал Мурадов, Дурсун Мамедов, Айдын Гаджиев, Солтан Алиев, Теуб Оруджев, Тофик Мирза, Кара Намазов, Ф. Аскеров, Сара Гусейнова, Вагиф Гусейнов... Да и сами писатели — Эльчин, Тофик Махмуд, Анар, Максуд Ибрагимбеков, Азиза Ахмедова, Халида Гасилова — в большой степени способствовали осмыслению проблем национальной литературы для детей, рассматривая последнюю в контексте советской и мировой литературы.

Так что в создании очерков по истории детской литературы Азербайджана у Захида Халила было немало дельных помощников.

В литературе приливная волна всегда возникает из согласных усилий многих талантов. И кандидат филологических наук Захид Халил своей диссертацией, статьями и выступлениями 70—80-х годов («Создадим для детей большую литературу», «Когда детей считают детьми», «О нашей детской литературе» и др.), докладом о современной азербайджанской литературе для детей на VII съезде писателей республики в 1981 году также активно помогал прочтению сегодняшней азербайджанской детской литературы и ее новым идейно-художественным обретениям.

Но Захид Халил не только историк и критик литературы. Прежде всего он — крупный детский писатель, один из наиболее ярких представителей той «новой волны», которая столь весомо заявила о себе в последние полтора-два десятилетия. И говоря о Захиде Халиле как об авторе книжек для детей, мы не просто заполняем пробел, по понятной причине допущенный в очерках азербайджанской детской литературы Захидом Халилом литературоведом. Сам путь З. Халила в детскую литературу, причины и обстоятельства, способствовавшие превращению его творческих поисков в новаторские открытия, во многом типичны для сегодняшней азербайджанской литературы. В этом смысле индивидуальность писательского почерка, своеобразие художественного мира З. Халила лишь контрастно оттеняют то общее, что связывает книги этого писателя с творчеством поэтов и прозаиков его поколения.

Захид Халил родился в 1942 году — самом тяжелом, переломном году Великой Отечественной войны. Война долго давала о себе знать вдвойными слезами, скудным, неустроенным бытом — все его детство.

Родина писателя, город Евлах, можно сказать, географический центр Азербайджана. Он стоит на берегу Куры и в то же время в двух километрах от ее основного русла. «Кура» — по-азербайджански «озорник», «шалун». Тысячелетиями люди не могли уйти от реки, потому что вода в знойном Азербайджане — это жизнь. И тысячелетиями бушующая в паводки река приносила людям множество бед и хлопот, штормовым морем разливаясь по низкой пойме.

Еще и в 50-е годы, вплоть до окончания строительства Мингечаурской ГЭС, когда поезд приближался к Евлаху, проводники шли по вагонам с криком:

— Евлах! Закрывайте окна!

Тот, кто ленился выполнить это требование, бывал жестоко наказан. Едва поезд останавливался, тучи комаров врывались в раскрытое окно. Город был окружен болотами и старицами, которые оставляла после своих разливов своенравная Кура.

В детстве, однако, все сущее принимается как должное. А пойма реки одаривала местных жителей не только несносными насекомыми. Нередко добычей евлаховцев становились замешкавшиеся в обсыхающих протоках большие осетры. Пойменные леса были полны грибами, съедобными травами, ягодой, плодовыми деревьями и разной живностью. Здесь в изобилии гнездились птицы, можно было встретить больших, похожих на пастушью папаху ежей, острокрылого кабана, пугливого зайца, а то и медведя, пришедшего полакомиться спелой ягодой тутовника.

Захид с малых лет был «своим человеком» в евлаховских лесах, знал здесь каждую тропинку, каждое дерево шелковицы, каждую лозу дикого винограда, каждое птичье гнездо и каждую звериную нору. Часами он мог бродить по лесу один, без товарищей, не испытывая одиночества или скуки. Огромный, неисчерпаемый мир природы манил его своим сказочным совершенством и неразгаданными тайнами.

Другой, ничуть не менее интересный и захватывающий мир — волшебного звучащего слова, людских страстей и мыслей — открывался перед Захидом в литературе. «В шестом классе с нами училась девочка по имени Юзлюк, — вспоминает он. — Мы все ее побаивались, поскольку она была очень крупная. Никто не посмел бы ей перечить. Однажды на перемене я с выражением читал «Нуширеван и беседа сов» Низами. Просто так, для себя. Я почувствовал, что кто-то из ребят хочет выбить книжку из моих рук. Громогласный окрик Юзлюк остановил его:

— Эге-гей, что ты делаешь?

Потом, обернувшись ко мне:

— Читай!

Я прочел. Весь класс меня слушал. Когда кончил, захопала. Наверное, неплохо прочел. После этого события я стал каждый день вслух читать поэму Низами «Хосров и Ширин». Четыре года подряд вот так читал. Когда окончил среднюю школу, выяснилось, что я знаю поэму наизусть от корки до корки»¹.

Любовь к поэзии еще в школьные годы пробудила у Захида Халила желание писать стихи. В седьмом классе он решил послать свое стихотворение в газету «Азербайджан пионеры». Спустя несколько дней пионервожатая, войдя в класс, сказала, что Захид очень способный, и вслух зачитала письмо, пришедшее юному стихотворцу на школьный адрес. «Поскольку Ваши стихи в художественном отношении оказались слабыми, — говорилось в письме, — мы их не смогли напечатать». Пионервожатая объяснила, что стихи хороши, им недостает всего лишь художественности, а это пустяк, дело наживное. Она предложила поздравить автора. И все дружно захопала в ладоши.

Радовался и Захид. «В то время я не понимал, — скажет он впоследствии, — что значит «художественность». Оказывается, судьбу произведения решает именно художественность. Если ее нет, то написанное тобой никогда не станет произведением, так же как портной не сошьет платья, не имея материала, хотя бы у него было сто иголок»².

Первое стихотворение Захида Халила было напечатано, когда он учился в десятом классе. В детстве и юности каждый мечтает скорее стать взрослым. Не удивительно, что и стихи начинающих поэтов почти всегда — «взрослые». Захид в этом смысле не представлял исключения. В ту пору его учителями в поэзии были Самед Вургун и Расул Рза. Стихи первого притягивали своей простотой и открытостью, в стихах второго угадывалась мудрость, всю глубину которой З. Халил постиг много позже.

¹ Захид Халил. Анкета «ДЛ». — «Детская литература», 1982, № 4, с. 38.

² Там же.

Окончив в родном Евлахе десятилетку, З. Халил поступил на журналистский факультет Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова. После университета работал литературным сотрудником в районных газетах в Евлахе и соседнем с ним Касум-Исмаилове. Был редактором многотиражной газеты «Гяндж муаллим» («Молодой учитель») в Азербайджанском государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина. А после того, как его приняли в Коммунистическую партию, работал на выборной должности заместителя секретаря парткома института.

В эти годы стихи его часто появляются на страницах различных периодических изданий. Однажды поэт Ильяс Тапдыг, заведовавший в то время отделом издательства «Гянджлик», предложил Халилу попробовать себя в детской литературе. «Есть такая необходимость», — сказал он. Слова друга упали на благоприятную почву. Многолетняя работа в педагогическом институте, работа над диссертацией по истории национальной детской литературы сблизил З. Халила с детьми, с проблемами воспитания и литературы для детей. К тому времени З. Халил уже основательно изучил русский язык. Читая произведения К. Чуковского, А. Гайдара, С. Маршака, Н. Носова, А. Барто, С. Михалкова, М. Прилежайевой, А. Алексина, он все более убеждался, что в наши дни потребность в сильном поэтическом слове у юных граждан страны ничуть не меньше, чем во времена Алекпера Сабира, Аббаса Сиххата, Рашида Бека Эфендиева, Султана Меджида Ганизаде. И он принял предложение И. Тапдыга.

В 1969 году вышла первая книга З. Халила. Это был сборник детских стихотворений «Летающие фонарики», тон которому задавало стихотворение «Светлячок», где «сказочный, летучий, в три луча зеленый свет» маленького живого существа уподоблен лесным снам — снам «деревьев и травинков, и ночного ветерка». Будто к близкому другу, товарищу по общей работе, обращался автор к своему крохе-герою:

Ты лети, лети, букашка,
Хорошо, что ты не спишь,
Ты свети, свети, букашка,
Ты живешь — пока горишь¹.

Нет, это не «мораль», не «сентенция», не призыв к читателю быть таким-то и поступать так-то. Это сама поэзия, становящаяся мудростью, и мудрость, переходящая в поэзию. Как четко выражена главная мысль: жизнь есть горение! Не «горишь — пока живешь», а именно живешь только до тех пор и в той мере, в какой отдаешь себя другим, служишь важному и любимому делу.

«Новым достижением нашего детского стиха» назвала книгу «Летающие фонарики» азербайджанская газета «Адабият ве инджасанат» («Литература и искусство»). И в этой чрезвычайно лестной для молодого автора характеристике не было преувеличения.

Новаторская сущность поэзии Захида Халила для детей особенно наглядно выразилась в последующих книгах поэта: «Муравьи», «Я различаю

¹ Здесь и далее стихи З. Халила приводятся в переводах Юрия Кушака. — *Ред.*

краски», «С неба упало три яблока», «Птицы, птицы...», «Жаворонки поют», «Вырастут подсолнушки»...

В рецензии на сборник стихотворений «Жаворонки поют» Ильяс Тапдыг писал, что «каждая новая книга Захида Халила для детей превращается в праздник». И в самом деле детские стихи Захида Халила *праздничны*.

Стало расхожим штампом называть чуть ли не каждую выходящую книжку для детей «подарком». Но давно известно, что мы нередко дарим ребятам не то, чего они от нас ждут. Про это хорошо сказано в стихотворении С. Михалкова «Несбывшиеся мечты»:

Я редко слышал слово: «Да!» —
А возражать не смел,
И мне дарили все всегда
Не то, что я хотел...
Как жаль, что взрослые подчас
Совсем не понимают нас.
А детство, сами говорят,
Бывает только раз!

Если говорить о книжках (будь они написаны стихами или прозой), то от них ребята ждут, конечно, не поучений и даже не полезных сведений о мире, а праздничной радости, удовольствия, наслаждения. Разумеется, это не снимает с детских писателей их первейшей и основной обязанности учить и воспитывать читателя. Однако давно известно и миллионы раз подтверждено практикой, что по-настоящему воспитывает только та книга, которая учит забавляя, когда сам читатель не подозревает, что его воспитывают. Еще В. Г. Белинский назвал всех талантливых воспитателей «детским праздником». Но хотя призыв великого критика: «Вот таких-то «детских праздников» нужно и для детской литературы»¹ — никогда не терял актуальности, на деле о нем и сегодня нередко забывают.

Безрадостность, унылость, скука не такие уж редкие гости в наших детских книгах. Случается и другая крайность, рожденная потугами развлекать читателя во что бы то ни стало. Такие авторы почему-то убеждены, что развлекать — значит смешить. И вот появляются книжки, напичканные «черным юмором» или глупой чепухой, смысловой абракадаброй.

Праздничность хорошей детской книжки слагается из многих компонентов, всегда одухотворенных большим гуманистическим смыслом. Быть может, особенность сочетания этих сообщающих детской книге праздничный характер слагаемых, так сказать, «молекула праздничности» и есть, в сущности, то, что мы называем творческой индивидуальностью детского писателя.

Для поэтического мироощущения З. Халила весьма характерно стихотворение «Орлы» из его книги о птицах.

¹ В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов о детской литературе. М., 1983, с. 96.

Со скалы
 Взмыли в небо орлы,
 Как два камня
 Гранитной скалы.
 Опустились в гнездо
 Два орла —
 Снова стала
 Чуть выше
 Скала.

Для детей стихотворение это привлекательно прежде всего своей краткостью. Это качество не случайно сродни таким книжкам о «братьях наших меньших», как «Что ни страница, то слон, то львица» В. Маяковского, «Детки в клетке» С. Маршака, «Кто на кого похож» Б. Заходера. Сжатое, как пружина, звучное стихотворение запоминается быстро и надолго, порой на всю жизнь. Вначале его смысл, может быть, и не весь доступен юным читателям — не беда. Оно засело в памяти — и это главное. Значит, оно не однажды вспомнится по случаю, всякий раз открывая растущему человеку прежде не замеченные или не почувствованные грани, обрастая связями с окружающей читателя действительностью, наполняясь смысловой значительностью.

Другое не менее привлекательное для ребенка качество — выраженная в стихотворении цельность, своеобразная синкретичность мироощущения, присущая только детству и поэзии. Живой и неживой миры явлены в их нераздельности. Метафорический образ, положенный в основу стихотворения, рожден не в голове поэта. Он растет непосредственно из души, уходя корнями в те немислимо далекие времена, когда наш предок не отделял себя от природы, физически ощущал себя частью всего неделимого сущего.

Однако этот исходный взгляд просветлен и обогащен опытом человека конца XX столетия. Когда орлы сравниваются с камнями, отколовшимися от скалы, мы думаем не только об утесе, на неприступной высоте которого птицы свили гнездо. Мы чувствуем и гранитную крепость их клювов, когтей, каменно напряженных крыльев и лап. Словно бы монолитная твердость скалы и впрямь передается гнездящимся на ней птицам.

Таково начало стихотворения: в его персонажах — орлах — мы видим некую «скальность». И тут же становимся свидетелями точного и стремительного, как орлиный полет, «обратного хода»: птицы опускаются в гнездо — скала становится «чуть выше». Со скалой происходит то, что на самом деле со скалами происходит не должно, если они случайно не оказываются в зоне вулканического извержения: скала... растет. Как живая. Будто орлы передали ей частицу собственной жизни, наделили способностью роста.

Всего девять коротких — в одно, два, три слова — строк. Но в них запечатлено великое таинство: взаимообмен между живой и неживой природой. Одно наделяется чертами другого, притом взаимно — вот что важно! Жизнь становится всепроникающей. В поэзии Захида Халила нет ничего статичного, мертвого, лишеного души. Все живет, дышит, растет, движет-

ся, развивается. Все созвучно человеку, его неумной жажде бытия. А жизнь — это радость, счастье.

Где жизнь — там солнце, свет. И где солнце — там жизнь, как в стихотворении «Солнечный день»:

В горы тянется дорога
Через все селенье.
Разветвляется дорога,
Как рога олени.
В золотые облака
Упираются рога.

Здесь не просто зорким глазом подмеченное сходство. Олени рога могут быть и декоративным предметом, служащим для украшения гостиной. У Захида Халила такого не бывает. Если упоминаются рога, то непременно должен явиться и их законный владелец: красавец олень. Не сраженный браконьерской пулей и не обезображенный пилот пантореза. А гордый, уверенный в своей безопасности. И он возникает в заключительном двустишии:

Как пятнистый олень,
Дремлет солнечный день.

Метафорический образ обретает поистине глобальное звучание. Сказочный — и живой! — олень заполняет собой все видимое читателю пространство. Его рога дотягиваются до облаков. А солнечные блики и тени на склонах зеленовато-рыжеватых гор — это пятнышки на его шкуре: ведь олень-то пятнистый!

Живым и надежным покоем веет от этой монументальной и мирной картины. А ведь это так важно в нашем сегодняшнем беспокойном, исполненном борьбы и тревог мире, атмосфера которого перенасыщена грозowymi разрядами ненависти, нетерпимости, террора и страха, дать ребенку сызмалу изначальный и мощный — на всю дальнейшую жизнь — импульс уверенности и жизнелюбия, прочно привязать к позитивным ценностям бытия. Только на таком фундаменте можно выстроить личность коммунистического типа: неутомимую в созидании, в творчестве добра, непримиримую в гражданственном противостоянии злу.

Мир в стихах Захида Халила изначально добр, светел, многокрасочен (недаром одна из его книг так и называется: «Я различаю краски»), звонкоголос, гармоничен. Все связано со всем, все служат всему. Вот пять бабочек подружались на лугу с пятью цветками, каждая — со своим («Бабочки»):

И стали они,
Как цветы луговые,
И веяли в сумерках
Крылья цветные,
Как будто
У каждого взяли цветка
Подружки на память
По два лепестка.

Вот грухлявый пень, который вовсе не пень, а огромный муравьиный дом (стихи так и называются — «Муравьиный дом»), слаженная, дружная коммуна, где с утра до вечера кипит неустанная работа, где умеют и радостно трудиться и радостно пользоваться плодами своего труда:

И в доме том спуют весь день
Кто с тряпкой, кто с ведром.
Там моют в спаленках полы
И сор выносят вон.
Накрыты в горнице столы
На тысячу персон.

А вот стихотворение «Белый шелест, белый снег», в котором, похоже, само небо заявилось в гости к земле:

Не узнать полей вчерашних, —
Видно, это облака
Прилегли на белых пашнях
На пушистые бока.

Солнце никогда не исчезает с небосвода поэзии Захида Халила. Оно «всходит желтою айвой над моею головой», его закаты «запечатаны... в краснокожие гранаты», оно «людям остается в золотых плодах земли» («Солнце людям остается»). Этот прекрасный, исполненный поистине ренессансной силы образ задорно и весело развивается в стихотворении «Вырастут подсолнушки»:

Вырастут подсолнушки —
Превратятся в солнышки.
Над землею —
Круг за кругом —
Закружатся
Друг за другом,
Поведут свой хоровод
Днем и ночью,
Круглый год.

В этом стихотворении все круглое: солнце, цветок подсолнуха, околоземная орбита, даже год — круглый. И это последнее не метафора. Ведь год — это полный оборот Земли вокруг Солнца. Круг всегда был и символом солнца, и символом бесконечности. Здесь он подчеркивает негасимость света и нескончаемость жизни. Смешная наивность ребячьей мечты (когда на небе появится сорок солнышек одновременно, то «никто тебе не скажет: «Солнце село. Спать пора») на деле оборачивается серьезной надеждой взрослого человека не допустить на планете даже временного торжества тьмы в социальном и духовном смысле.

Настоящий поэт отличается от ремесленника тем, что ремесленник мыслит словами, иногда придумывая из слов образы; а поэт мыслит образами. Если образы не придуманы, не составлены из слов, а родились в ду-

ше, они образуют в сцеплении как бы живой организм: индивидуальный поэтический мир, развивающийся по своим собственным законам.

Такова детская поэзия Захида Халила. По нескольким строчкам его стихотворения — даже в переводе — можно установить авторскую принадлежность, как по тонкому срезу ствола узнается порода дерева.

Для лирического героя, мечтающего о превращении шляпок подсолнуха в солнечные диски, вполне естественно, например, грезить у горячей печки о том, чтобы по струйке печного дыма подняться на небо и взять оттуда звезду («У печки»). Ведь и звезда — свет, и пышущая огнем печка — свет. Чем больше свету, тем лучше. Даже царство тьмы — ночь, даже она примечательна в стихах З. Халила светом:

И уже огни ночные
Зажигают постепенно
Мачты, вышки нефтяные
Для ночной рабочей смены.
Фонари зажег диспетчер
У ворот в портовом створе:
— Доброй смены! Доброй вечер! —
Это ночь приходит в море.

(«Ночь приходит в море»)

Именно так и должно быть у Захида Халила: главный признак наступающей ночи — огни, лампочки, фонари. Понятия «свет», «труд», «жизнь» осмысливаются почти как синонимы. Ночь приходит, будто новый наступает день, — заливая округу электрическим сиянием, в бодром, «дневном» ритме не останавливаемой ни на миг созидательной работы людей.

А сколько их еще, носителей света и солнца, в стихах поэта! Мы помним, что «летающий фонарик» — светлячок был одним из главных героев первой книжки З. Халила. И в стихотворении «Осень» читаем, как «айва затеплит свой фонарик», налившись спелостью. И «Старая арба», где создан чудесный образ старого человека, отдавшего жизнь простому, тяжкому, бездоходному, но такому нужному для людей труду возчика дров, в сущности, о том же:

...Везет старик тепло:
Чтоб мы не мерзли в холода,
Чтоб в каждом казане
Кипела весело еда
На плещущем огне.

Не прав будет, однако, тот, кто подумает, будто весь мир в стихах Захида Халила явлен читателю лишь в радужном блеске солнца и огней и будто его гармония возникает сама собой, независимо от человека. Совсем напротив! Весь этот пестрый, живой, трепетный, величественно-необъятный и полный неизведанных тайн мир хрупок и нежен, нуждается в постоянном внимании, заботе и защите.

Рассказывая в стихотворении «Лужайка» об уверенном хозяйничанье

весны в природе, рисуя шмеля, опрокинувшего своей тяжестью чашечку цветка, и ягнят, аппетитно хрустящих клеверной кашкой, поэт предупреждает:

Бегите из дома, взгляните —
 Прекрасна весною земля!
 Но только ягнят не вспугните,
 Но только не трожьте шмеля!

В традиции лучших произведений мировой классической детской литературы З. Халил укрепляет в маленьком читателе чувство собственной силы и значимости, а стало быть, и ответственности за дела в окружающем мире. Вспомним Мальчика с пальчик Ш. Перро, комарика, воробушка или Бибигона из сказок К. Чуковского: крохотный рост, физическая слабость никогда не были помехой смелому деянию, благородному подвигу. Ведь главное не сила мышц, а сила духа, добрая цель, гуманные побуждения. В стихотворении «Родничок» З. Халил убедительно рисует победу маленького над большим — победу родника над зимою:

Дрожит он от холода,
 Но не сдается,
 Макушкой льдинку
 Пробьет — и смеется.
 И нет у зимы
 Ни покоя, ни сна.
 И чудится ей,
 Что все ближе и ближе
 Скользит по сугробам
 На солнечных лыжах,
 Спешит к роднику
 На подмогу весна!

Хочу обратить внимание на совершенно обязательную для литературы реалистическую точность словесной живописи. Бьющая в ледяную стужу из-под земли струя, вызывающая рябь воды в источнике, и впрямь ассоциируется с холодной дрожью. А журчание воды в сочетании с легким звоном ломаемых струей льдинок напоминает задорный детский смех. И вот еще что важно подчеркнуть: родничок в своем противостоянии зиме не одинок. Весна ему спешит на подмогу.

Мотив помощи, дружбы, согласного и согласованного усилия у Захида Халила — неременное условие победы в добром деле, той радости и гармонии, какими, по убеждению поэта, прекрасна и велика жизнь. В стихотворении «Белка» четвероногая героиня «ростом с ноготок, в рыжий хвост зарылась, как в пушистый стог». Но вечно отогреваться под собственным хвостом невозможно даже белке.

Хрустнет снег — и снова
 В зыбкой высоте
 Полетит по лесу
 На своем хвосте.

Не боится, знает
 Маленький пилот —
 Я подставлю шапку,
 Если упадет.

Так поэт воспитывает маленьких читателей защитниками, помощниками, добрыми покровителями всех тех, кто еще более мал и безответен, чем они сами. Он вырабатывает в читателях черты рыцарства, благородства, гуманности. В стихотворении «Мой щенок» герой-мальчик укоряет своего щенка Вугара за то, что тот разбил горшок с цветами, но при этом юный хозяин обещает взять вину щенка на себя:

— Не скули ты с грустным видом,
 Эх, Вугар!
 Все равно тебя не выдам,
 Мой Вугар.

А герой стихотворения «Теленок пропал» готов, преодолевая страх и опасности, пойти даже в ночной лес, чтобы разыскать заблудившегося теленка.

Впрочем, отношения героя с окружающим миром отнюдь не примитивно однозначны и не сводятся к одностороннему сочувствию, жалости, покровительству. Мы уже говорили, что даже там, где у З. Халила живые существа показаны на фоне «неживой» природы, их отношения рисуются как взаимные. Момент обоюдности, «обратности» связи еще более очевиден, когда в отношения вступает живое с живым. В этих случаях персонажи всегда стремятся к взаимопониманию, проявляя терпимость по отношению друг к другу.

В стихотворении «Теленок пропал» герою не пришлось совершать храбрый поступок. Четвероногий друг сам отыскал дорогу домой. Казалось бы, вот и счастливый конец. Но поэт дописывает четыре строки:

Мой глупый теленок
 Стоит перед домом,
 И слышится: «Мооорр!» —
 В мычанье знакомом.

Это чрезвычайно важное добавление. Герой по-своему понял, зачем потребовалось теленку обрывать привязь и куда-то бежать. Оказывается, он о море тоскует, в дальние страны его влечет. Как это близко и понятно маленькому герою! Ведь это его собственное томление. И конечно, он сохранит свое «открытие» при себе, «не выдаст» своего четвероногого приятеля взрослым.

Хорошо понимают друг друга не только мальчик и теленок, мальчик и щенок. Поэт утверждает необходимость «взаимного понимания» между человеком и природой в широком смысле, хотя бы речь шла всего лишь о крапиве, которой обжегся некий малыш, а потом эту «крапиву ругал, махал кулачком и расправой пугал». Крапива ведет себя точь-в-точь как взрослый рассудительный человек, который может только пожалеть неразумного мальчишку за то, что он сам себя наказал.

Вздыхнула крапива:
— Ругай не ругай,
А все-таки волю
Рукам не давай!

Думается, речь тут не об одной необходимости быть осторожным в чисто механическом смысле. Как всегда, подтекст поэтического произведения З. Халила достаточно глубок. С непринужденным юмором, мягкой иронией автор говорит с малышом об уважении к объективной реальности, о необходимости считаться с ее собственными законами. Это стихотворение — предупреждение от эгоцентризма, от легкомысленного пренебрежения окружающим.

Юные и взрослые читатели и критика высоко оценили поэзию Захида Халила, — его лирико-философские стихи для детей, его стихотворные сказки «Сон чинары», «Хитрость мышей», «Семицветные бусы». Как отмечает Т. Махмуд, одна из причин этого успеха в том, что стихи З. Халила тесно связаны с классической и народной традицией, творчески вобрали «в себя народную песню, ее ритм, звучание» и при этом заставили «ее служить современному содержанию»¹.

Не оставляя поэзии, Захид Халил в последние годы обратился — и весьма удачно — к прозе. Сказочные повести и миниатюры писателя составили три большие книги — «Баллыджа», «Сказки бабушки Лампы» и «Здравствуй, Джыртдан!». Все они написаны человеком, влюбленным в азербайджанские народные сказки, воплотившие бессмертные образы Джыртдана и Мелила Мамеда, а так же влюбленным в творчество Андерсена и Джанни Родари.

«Я изумляюсь умению Х.-К. Андерсена высказывать в простых детских книгах глубокие философские мысли о человеческой жизни, восхищаюсь юмором и фантазией Дж. Родари, — говорит Захид Халил. — Быть может, это и не совсем скромно, но открою вам один секрет. Когда я пишу, то всегда соревнуюсь со своими учителями. Однако каждый раз оказываюсь побежденным»².

В литературе поражение в соперничестве с великими талантами (и об этом хорошо знает З. Халил) не равноценно творческой неудаче. Тут действует другой закон: только соревнуясь с гениями, стремясь подняться на достигнутые ими вершины без страха выбиться из сил, поскользнуться, сорваться в пропасть, можно создать что-то свое, внести в общечеловеческую сокровищницу духа собственный, пусть и скромный, вклад.

Пример Захида Халила подтверждает это правило.

В духе проверенной временем андерсеновской традиции персонажам его сказок в прозе становятся не только люди, животные, насекомые и растения, но вообще любые явления и предметы окружающего мира, вплоть до дырочек в сыре. Дело не в том, в каком внешнем облике выступает тот или иной персонаж. А в том, какое внутреннее, духовно-нравст-

¹ Гофик Махмуд. «Голубь» воспитывает орлов. — «Детская литература», 1982, № 4, с. 49.

² Захид Халил. Анкета «ДЛ». — «Детская литература», 1982, № 4, с. 40.

венное наполнение видится за этим внешним обликом читателю. Реализм прозаических сказок З. Халила обусловлен тем, что в них сливаются реальности двух родов: реальность нашего повседневного материального окружения и реальность извечной борьбы людей за торжество добра, правды, справедливости.

Многое в прозаических сказках З. Халила как бы продолжает и развивает тематику и проблематику его стихов. В «Баллыдже», например, муравьи побеждают могучего льва силой коллективизма и дружбы, готовностью самоотверженно отстаивать правое дело. О том, что между поэзией и прозой писателя есть органическое родство, говорит и вышедшая на русский язык книга «Здравствуй, Джыртдан!», во многих сказках которой («Как у козлика рожки чесались» и др.) стихи и проза, дополняя, оживляя, усиливая друг друга, сливаются в некое идейно-художественное единство.

При этом проза З. Халила — качественно новая ипостась его творчества.

Обратимся к сказке «Происшествие с Гальбинур». Всемогущий и богатый белый див отправляется с детьми в будущее. Но это будущее, в соответствии с законами исторического развития, является воплощением смелой и светлой ребячьей мечты. И на фоне его чванливый, эгоистичный див оказывается не более чем жалкой карикатурой.

А вот другая сказка — «Зеркальце». Про то, как нашел Заяц в лесу зеркало, увидел в нем себя и стал хохотать. Подошел к Заяцу Джейран, поинтересовался, в чем дело, заглянул в зеркало, увидел там другого джейрана и расхохотался. То же проделывают последовательно Медведь, Змея, Лиса и Волк. Каждый из них видит в зеркальце собственное отражение, но, будучи убежден, что это кто-то другой, отмечает в нем какую-то особенно забавляющую его уродливую черту: заяц — короткую губу, не закрывающую зубов; джейран — рога и т. п. А в совокупном зверином представлении возникает образ совсем уж фантастического, ни на кого не похожего зверя-урода, одновременно и пугливого, и агрессивного, и проказливого.

Так что, когда Волк в сердцах разбивает зеркало, чтобы не видеть эту «зверскую рожу», никто, кроме Заяца, о погибшем чудище не жалеет. Лишь он пытается собрать осколки, чтобы еще раз повнимательнее рассмотреть «того, кого в целой жизни встретить ему уже не довелось».

Но разве у детей да и у взрослых не бывает так, что привычное и нормальное в себе — в других кажется недостатками или пороками; что недоброжелательная молва создает порой фантомы, не имеющие аналога в действительности, и люди пугаются или ненавидят чудовищ, созданных их собственным воображением?

В сказке «Собачий город» говорится о том, как псы решили построить свой собственный город. Прежде чем начать строительство, стали придумывать ему название, перессорились и перегрызлись. Увидев это, мудрый человек объясняет псам, что при таком подходе к делу никакого толку не будет.

Сперва надо научиться ладить между собой.

Сказка «Заячье имя» начинается с того, что Заяц забыл, как его зовут. Спрашивает у Ежа, тот отвечает: Длинноух. Белка называет его Скок-

поскок. Медведь — Косым. Но Заяц знает, что это только прозвище, а имя у него «коротенькое, как его хвост, надежное, как свист в ушах, когда бежишь, и хрусткое, как капуста». Случайно он слышит спор шакалов, обвиняющих друг друга в трусости. «Разве ты шакал? — говорит один. — Заяц ты, а не шакал!» «От такого слышу! Сам ты заяц!» — огрызается другой. Так Заяц услышал свое настоящее имя, обрадовался, в восторге помчался по лесу...

Что характерно для этих сказок? Жизненность в широком смысле слова. Жизненна фактологическая основа сказок: все реалии взяты из обычного, знакомого каждому окружения. Жизненны конфликты, характеры персонажей, их речь, поведение. Иллюзию достоверности происходящего усиливают динамичность сказок, юмор, отсутствие плоскостных, примитивных решений. Сказки воспроизводят действительность в условных, порой фантастических, но всегда объемных, многомерных формах. За счет выписанных эпизодами встает сложная жизнь.

Короткая сказка, притча, анекдот — в древней традиции восточной литературы. На все времена образцом мудрого лаконизма останется гениальная азербайджанская притча про двух соседей. Один из них, обиженный другим, пришел к мудрецу за советом. «Сделай ему добро», — сказал мудрец. Но сколько ни делал этот человек добра, сосед неизменно платил ему злом. И обиженный снова пришел к мудрецу. Тот увидел в глазах человека отчаяние и спросил: «Если твой сосед не устал от зла, то почему же ты устал от добра?»

В этой миниатюре — опыт тысячелетий, актуальный и в наши дни. Даже и в своем социалистическом доме мы нередко встречаемся с неблагоприятностью, подлостью, предательством, другими проявлениями зла. Порой оно кажется неуничтожимым, а борьба с ним напрасной, не достигающей результата. И когда впору отчаяться, самое время вспомнить эту байку, спросить себя: «Если злые люди не устали от собственных мерзостей, то как же можно устать от добра, которое не просто помогает очищать мир от мерзостей, но которое одно — источник душевного мира, счастья, высокой радости?!»

Все сказки Захида Халила, при разнообразии сюжетов и коллизий, рожденных вольной и причудливой фантазией поэта-художника, — о добре и о необходимости (прежде всего для нас самих) противостоять злу добром. В большом и малом.

А для успешного и неустанного добротворчества надо не растерять, не растворить в мелочах и фантомах свою сущность, не забыть свое настоящее имя, всегда быть и оставаться самим собой, ибо единственный способ сохранить органическую причастность к действительной жизни мира — это быть естественным, простодушным, честным, не допустить в самом себе ничего суетного, искусственного. Иначе превратишься в карикатуру на самого себя, как белый див, или в собственное уродливое отражение.

Еще Белинский говорил, что лучшее произведение для детей — такое, которое нравится не только ребятам, но и взрослым, причем не как специально детское, а как сочинение, написанное для всех. Детские сказки З. Халила, опубликованные в «Литературной газете» и получившие «взрослую» премию «Золотой теленок», отвечают этому высокому требова-

нию. Недавно поэт завершил новый сказочный цикл под названием «Самый маленький человек в мире».

Не зря, однако, говорят: кому много дано, с того больше и спросится. Уже сама быстрота, с какой выходят из-под пера Захида Халила очередные, притом весьма объемные, книги коротких сказок, талантливых и, несомненно, нужных, обогащающих не одну азербайджанскую, а и всю советскую литературу для детей, — сама эта быстрота таит серьезную опасность для художника. Опасность самоповторения, эксплуатации удачно найденных форм. Опасность неприметного превращения вчерашних открытий в своего рода трафарет, по которому станут делаться новые книги, отвечающие на давно ясные вопросы и оставляющие в стороне те, что настоятельно ждут ответа.

Будучи доцентом Азербайджанского педагогического института имени В. И. Ленина, Захид Халил читает студентам курс детской литературы. На республиканском телевидении он более десяти лет ведет ежемесячные передачи для детей «Ваши любимые писатели». В них он рассказал многим тысячам ребят о творчестве М. А. Сабира, Дж. Родари, Аббаса Сиххата, Х.-К. Андерсена, Ш. Перро, Р. Киплинга, С. Маршака, А. Барто, братьев Гримм, К. Чуковского, А. Шаига... З. Халил — деятельный член Советов по детской и юношеской литературе Союза писателей СССР и Госкомиздата СССР. Как критик и литературовед он хорошо видит недостатки современной ему азербайджанской детской литературы и, что крайне важно, те участки жизненной целины, которые еще не подняты писательским плугом.

Созданное Захидом Халилом — поэтом и сказочником — убеждает, что ему под силу решение многих задач, какие он ставит перед литературой как критик. В частности, он может, не впадая в грубую вульгаризацию, обогатить актуальное нравственно-психологическое звучание своих сказок современным социально-историческим содержанием. От поэта З. Халила юные читатели вправе ждать динамичных сюжетных стихотворений, рассказов в стихах в духе А. Барто, раскрывающих характеры сегодняшних школьников, помогающих осознать проблемы, которые возникают или обостряются в ходе осуществления реформы школы.

Нуждается в современном осмыслении азербайджанской детской поэзией и тема пролетарского интернационализма. Для азербайджанской литературы особенно важно рассмотреть ее в свете сложных, во многом противоречивых событий, происходящих ныне в странах Ближнего и Среднего Востока, прежде всего в соседнем Иране.

У нас еще не полностью используются богатые возможности художественной литературы в атеистическом воспитании. Между тем сюжеты, которые поэту в изобилии подсказывает сегодняшняя действительность Ирана, Турции или Пакистана, — весьма наглядное и волнующее доказательство незыблемой марксистской истины: религиозный и националистический фанатизм, даже когда они выступают под революционным национально-освободительным флагом и опираются на законное недовольство масс, в действительности являются злейшими врагами народных революций. Особенным мракобесием отличаются идеологии, в которых национализм смыкается с религиозно-общинной нетерпимостью. Такие идеологии объективно всегда служат самой черной реакции, ибо не объединяют,

а разъединяют людей, разжигают в них ненависть, культивируют бесчеловечность и жестокость, затуманивают мозг, превращают в духовных рабов.

Только интернациональное классовое сознание трудящихся, не скованное религиозными и националистическими предрассудками, открывает народам путь к подлинной свободе, позволяет воплотить в реальность самые гуманные мечты и надежды человечества. Это подтверждено всей историей первой в мире страны социализма, историей Советского Азербайджана.

«Литература» — по-азербайджански «эдэбийят». Есть в азербайджанском языке и другое слово: «эдэб». Оно многозначно и включает такие понятия, как «мораль», «нравственность», «духовность», «культура». Корневая связь слов «литература» и «нравственность» восходит в Азербайджане к тем временам, когда озаны, ашуги, сказочники стремились служить своими творениями целям нравственного, духовного воспитания людей.

Захид Халил, подобно многим его собратьям по перу, чье творчество он внимательно и неравнодушно рассматривает в книге «Детская литература Азербайджана», участвует в духовной жизни своего народа, передавая детям пережитый и осмысленный народный, человеческий опыт — исторический и литературный. И это участие, убежден, может стать еще более целенаправленным и плодотворным.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббас Алиджан
Аббас Ашуг 11
Аббас шах 15
Аббасзаде Г. 118
Аббасзаде Г. 35, 121—122
Абдуллаев Н. 187
Абуль Аббас 20
Абу-ль-Ула Гянджеви
Авиценна 20
Авхеди Р. М. 27
Агаев Т. 155
Агаев Ф. 127, 186
Агаев Э. 105—106, 127
Агасафа 158
Азада Р. 4, 12
Азери Сабир 168, 185
Азероглы Б. 98
Азизбеков М.
Азимзаде Ю. 118, 122
Азимзаде Ю.
Айбек 139
Айлисли А. 168, 175, 186
Айтматов Ч. 180
Аким Я. 99, 142
Аксаков С. Т. 168
Александров В. 137, 166, 193
Александрова З. Н. 87
Алексеев С. П. 191
Алексин А. 87, 186, 191, 197
Алескер Ашуг 11
Алибейли Х. 94, 96, 127, 141, 155
Алибейли Э.
Алиев Г. А. 5, 76, 77, 78
Алиев Гусейн
Алиев М. 127, 143, 144, 146, 147, 155
Алиев С. 194
Алиева А. 170
Алиева С. 176, 177
Ализаде А. 155, 161
Алиоглу А. 155, 162
Алиоглы Ч.
Амир Хосров 4

- Амрах Деде 11
 Амрахов А. 115, 127, 167
 Анар 78, 168, 169, 194
 Андерсен Г.-Х. 205, 208
 Аникин В. П.
 Ариан З.
 Аристотель 85
 Ариф Ардебилли 25
 Аскеров Ф. 194
 Аслан М. 127, 152
 Асланов А.
 Астафьев В. П. 119
 Атропату
 Афга
 Ахмедов А.
 Ахмедова А. 189, 194
 Ахундов М. Ф. 22, 30, 31, 71—72, 76, 78, 104
 Ахундов С. С. 36, 56, 68—71, 74, 80, 81, 167
 Ахундова Ш. 143
 Ахундова А. 64, 65, 84, 89, 91, 127, 128, 133, 149, 154, 156, 159, 160, 164—
 166, 167
- Бабаева А. 118, 119—122, 127
 Бабек З.
 Багиров А. 106
 Байрам Т. 158
 Байрамов А. 60
 Бакиханов А. К. 4, 29, 78
 Балакирев М. А. 78
 Барто А. Л. 79, 87, 96, 127, 143, 149, 161, 191, 197, 208
 Баруздин С. А. 127
 Баруздина Р. 104, 121, 175, 194
 Бахманьяр ибн Марзбан 20
 Бахыш Э. 155, 163
 Бейларбекова С.
 Бейшеналиев Ш. 191
 Белинский В. Г. 58, 164, 198, 207
 Бёлль Г. 180
 Берестов В. 139
 Бернс Р. 139
 Бианки В. В. 79, 87, 188
 Бойко Г. 127
 Бровка П. 139

Булгарин Ф. В. 42
 Бухиред Дж.
 Бхарти Д. П. 191

Вагабзаде Б. 98, 100—101
 Вагиф М.-П. 65, 76, 104
 Вазех М. Ш. 4
 Василевская В. 107
 Вахид А. А. 148
 Везиров Г. 42
 Везиров Н. 32, 56, 78, 80
 Велибеков Т. 155
 Велиев А. 117, 128
 Велиев С. 106—111, 113
 Верещагин В. В. 78
 Видади 65
 Виеру Г. П. 96
 Вольтер Ф.
 Вороныко П. 96
 Вургун С. 25, 79, 80, 81—82, 128, 140, 196

Габига 167
 Габиль 153—154
 Гаджибеков У. 74, 89
 Гаджиев Айдын 194
 Гаджиев Аллахверди 141
 Гайдар А. П. 79, 108, 121, 128, 197
 Ганизаде С. М. 32, 35, 155, 197
 Гариб Деде 11
 Гарибальди Дж. 109
 Гарин-Михайловский Н. М. 168
 Гартман М. 57
 Гасанбек Ю. 155, 159, 160
 Гасанов Б. 114—115, 127, 167
 Гасан-оглы И. 4
 Гасилова Х. 118, 122—123, 127, 129, 194
 Гасым Деде 11
 Гатран Тебризи 20, 65
 Гейне Г. 85
 Геродот З.

- Гете И.-В. 57
Глинка М. И. 78
Гоголь Н. В. 122
Годжа Ф. 156
Голявкин В. В. 128
Гомер 87, 169
Горький А. М. 34, 57, 60, 78, 79, 114, 122, 168
Грибоедов А. С. 4
Гримм (братья) 208
Гулдузаде М. 155
Гумматов И. 189—190
Гурамишвили Д. 100
Гурбани Деде
Гусейн Ашуг 11
Гусейн М. 80, 101—102
Гусейн С. 107
Гусейнзаде М.
Гусейнов В. 139, 159, 160, 163, 164, 165, 194
Гусейнов Г. 167, 168
Гусейнова С. 88, 136, 194
Гусейноглу Г. 123
Гюго В. 57
Гюльгюн М. 161
- Дадаш-заде М. А. 32, 59, 79, 92, 93, 116
Дворецкий И. М. 110
Державин В. 28
Джабарлы Дж. 80—81, 128
Джаббарзаде З. 94, 127
Джамиль А. 94—96
Джафар М. 194
Джафарзаде А. 38, 39
Дильбази М. 80, 89—92, 110, 111, 127
Добролюбов Н. А. 58, 198
Достоевский Ф. М. 122
Драбкина Е. Я. 128
Драйзер Т. 114
- Еврипид 85
Евтушенко Е. 162
Едияр Деде 11
Ершов П. П. 88

Есенин С. А. 78, 79, 172

Житков Б. С. 79
Жуковский В. А. 88
Жуховицкий Л. А. 109

Забилла Н. 96
Закир К. 29, 33, 104
Заходер Б. В. 199
Зейналабдин М.
Зейналова Г. 118, 122, 127
Зощенко М. М. 139
Зульфия 139

Ибрагим С.
Ибрагимбеков М. 168, 181—185, 186, 194
Ибрагимов М. А. 80, 104, 129
Иззеддин Ширвани 20
Ильдрым Ч.
Ильин М. 79
Илькин Г. 105, 127
Исаакян А. 104
Исаев Е. А. 101, 163
Искандер К. 155
Исмаил М. 162
Исмаил Я. М. 20
Исмаилзаде И. 161

Казем-бек М. 4
Карабаглы Т. 190
Караев Я. 79, 126, 127
Кассиль Л. А.
Касум Деде 11
Касумов И. А. 112—113, 114
Касымов А. 35
Керим Али 129, 130—133
Киплинг Р. 208
Киров С. М. 112
Кольцов А. В. 34, 60
Коринец Ю. 191
Коркин В. 115, 194
Коркут Деде 11, 15

Короленко В. Г. 72, 121, 180
 Корчак Я. 130, 131
 Кочарли Ф. 29, 32, 35, 56, 81
 Красикова Е. 173, 174, 176
 Крылов И. А. 29, 34, 60, 78, 88, 142, 143
 Кузнецова А. А. 110
 Кулиев К. 96
 Кунанбаев Абай 139
 Кунгуров Г. Ф. 110
 Куприн А. И. 34, 60
 Куткашешский И. 78
 Кушак Ю. Н. 86
 Кызыл А. 21
 Кямярли А. 155

Ленин В. И. 79, 92, 93, 105, 127
 Лермонтов М. Ю. 34, 56, 60, 78, 100
 Лиханов А. 186, 191
 Луговской В. А. 79, 100
 Луначарский А. В. 76
 Лялин Н. 166

Магомаев М. 74
 Македонский Александр 3, 16, 45
 Малярешский П. 110
 Мамед Т. 155
 Мамедзаде С. 62, 63, 84, 127, 153, 154, 155, 165
 Мамедкулизаде М. Дж. 40, 47—53, 56, 74, 104, 116, 117, 128, 167, 169
 Мамедов А. 78, 79, 126, 127, 194
 Мамедов Дарсун 194
 Мамедов Джангир 127, 160, 161
 Мамедханлы Э. Г. 114
 Мамедьяров М. 106
 Мансурзаде А. 167
 Марков Г. М. 110
 Маркс К. 50
 Марченко А. 134, 135, 138, 145, 157, 158, 194
 Маршак С. Я. 79, 88, 127, 138, 143, 197, 199, 208
 Махджур Ширвани 65
 Махмудбеков М. 35, 74

Махмуд Т. 85, 86, 105, 127, 136, 137, 148, 155, 194, 205
 Махмудов Э. 118, 123, 124, 127, 167, 187
 Маяковский В. В. 79, 92, 93, 139, 199
 Мдивани Г. Д. 113
 Межелайтис Э. 139
 Мехсети Гянджеви 20
 Мир Джалал 102
 Мирза Т. 36, 155, 194
 Митин Г. А. 194
 Михайлов М. И.
 Михалков С. В. 57, 79, 127, 128, 142, 143, 191, 197
 Молчанов-Сибирский И. И. 110
 Мольер Ж.-Б.
 Мориц Ю. П. 101
 Мотяшов И. 186
 Мурадов Б. 194
 Мустафаев С. 161, 163, 164
 Муталлибов Т. М. 147
 Мухаммад Дж. П. 21
 Мушфиг М. 82—85
 Мюссе А. 57

Наби Хазри 98, 99
 Набиев Б. 167, 168, 194
 Навои Алишер 25
 Наджафов М.
 Надир Г. 141
 Надсон С. Я. 57
 Намаз М. 155, 161, 162
 Намазов К. 194
 Нариманов Н. 60, 74
 Насими И. 65, 76, 104
 Некрасов Н. А. 42, 57, 78
 Низами Гянджеви 4, 21, 22, 25, 26, 65, 76, 104, 112, 128, 139
 Никитин И. С. 34, 57
 Новруз Д. 158
 Носов Н. Н. 197

Оленич-Гнененко А. П. 89
 Омар Хайям 20, 88
 Орджоникидзе Г. К.
 Ордубади М. С. 111—112

Оруджев Т. 194
Осева В. А. 121
Островский А. Н. 57

Павлова Н. 169
Панова В. Ф. 122
Пантелеев Л. 79
Панченко П. Е. 5, 39
Парнис А. 100
Паустовский К. Г. 122, 180
Передреев А. К. 100
Перро Ш. 12, 83, 203, 208
Песталоцци И. Г.
Петефи Ш. 100
Платонов А. П.
Плиний З.
Полевой Б. 127
Потапова В. А. 88
Прилежаева М. П. 133, 134, 137, 191, 194, 197
Пришвин М. М. 71
Птоломей З.
Пушкин А. С. 29, 34, 56, 60, 76, 78, 85, 88, 100, 104, 114

Рагимов С. 116, 128
Райнис Я. 139
Распе Э. 145
Рафибейли Н. 98, 165, 168
Рашидов Р. 96
Расул Рза 80, 92—94, 128, 168, 173, 196
Рефик Зека 153, 155
Рза Халил 153, 154
Рзакулизде М. 61, 80, 85—87, 127, 155, 165
Родари Д. 205, 208
Рудаки 4
Руссо Ж.-Ж.
Рустамов С. 89
Рустамханлы С. 155

Саади 88

- Сабир М. А. 32, 38—47, 56, 58, 64, 87, 101, 104, 128, 142, 149—152, 155, 197, 208
 Садыг Ф. 127, 149
 Салахзаде А. 158
 Самедов А. 188
 Санаи 4
 Сары Ашуг 11
 Саят-Нова 11, 65, 139
 Сейдбейли Г. 112—113
 Сендзаде М. 87—90, 127, 165
 Сельвинский И. Л. 79
 Сетон-Томпсон Э. 71
 Сидги М. Г. 35, 111
 Симонов К. М. 122
 Симург Т. Ш. 103
 Сиххат А. М. 32, 34, 35, 36, 56—59, 64, 74, 78, 87, 128, 155, 197, 208
 Сотник Ю. 87, 121
 Стельмах М. 139
 Стивенсон Р.-Л. 121
 Страбон З.
 Сулейман Рустам 94
 Сулейманов Н. 127, 167, 188—189
 Султанлы А. 71
 Султанов Г. 106
- Тагиев Р. 78, 194
 Талыбзаде К. 74
 Тамерлан З.
 Тангрыкулиев К. 127, 191
 Тапдыг И. 127, 133—139, 155, 165, 166, 197, 198
 Таривердиев Ф. 187
 Твардовский А. Т. 100
 Теймур Эльчин
 Тельман Э. 110
 Тихонов Н. С. 79
 Токмакова И. 166, 194
 Толстой А. Н. 79, 107, 122, 168
 Толстой Л. Н. 34, 35, 45, 60, 78, 81, 114, 121, 122, 168
 Томарнатский В. 111
 Топчибашев М. Д. 4
 Трублаини М. 128
 Туманян О. 100
 Тураб Деде 11

Тургенев И. С. 34, 60, 122, 180

Уйгун 139

Украинка Л. 139

Ушинский К. Д. 10

Фадеев А. А. 79

Федоров Б. 55

Фелеки Ш. 20

Физули М. 4, 28, 40, 65, 76, 81, 88, 104, 128, 139

Фирдоуси 4, 24, 88

Флобер Г. 114

Хагани Гянджеви 4, 65, 76

Хагвердиев А. Б. 32, 53—55, 56, 80

Хагиги 65

Халил Захид 127, 193—209

Халил Рза

Халилов Ш. 155

Хатаи Шах Исмаил 4, 27, 65

Хикмет Зия 127, 139—143, 155

Ходжа Насреддин Туси 17

Чалый Б. 127

Чаренц Е. 139

Чернышевский Н. Г. 58, 104, 198

Чехов А. П. 34, 56, 57, 60, 78, 104, 122, 180

Чингисхан

Чуковский К. И. 62, 79, 88, 89, 96, 143, 197, 203, 208

Шагинян М. С. 49

Шаиг А. 29, 32, 34, 35, 36, 56, 57, 58, 59—68, 72—74, 80, 81, 87, 104, 140, 143, 155, 167, 208

Шамсаддин Э. 21

Шамшир Деде 11

Шаумян С.

Шевченко Т. Г. 85

Шейхзаде М. 139

Шекспир В. 104, 114

Ширвани Сеид Азим 5, 32, 33, 37, 64, 78, 87, 104

Шихлы И. 117

Шкловский Е. 176, 177, 179, 182, 184, 194

Шолохов М. 79

Шукшин В. 180

Эльчин Т. 36, 81, 94, 96—98, 127, 146, 155, 161, 164, 165, 168, 171—175, 186
190, 193, 194

Эфендиев Идаят 107

Эфендиев Ильяс 118—119

Эфендиев Р. Б. 35, 36, 55—56, 75, 80, 155, 197

Юсифоглу Р. 155

Ямпольская М. 194

Яшар Г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

3

ПЕСНЯ НАРОДНОЙ ДУШИ
(Детская литература и фольклор)

7

ГОЛОСА ВЕКОВ
(Детская литература и литературная классика)

20

НА РУБЕЖЕ ЭПОХ
(Становление азербайджанской
детской литературы)

37

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ
(Азербайджанская
детская литература 30—50-х годов)

76

В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ
(Азербайджанская
детская литература 60—80-х годов)

126

Игорь Мотяшов
СЛОВО ИЗ ПЕСНИ
(Необходимое дополнение
к книге Захида Халила)

193

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

210

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Захид Халил

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА АЗЕРБАЙДЖАНА

Очерки

Ответственный редактор
Л. И. Гаврилова
Художественный редактор
О. К. Кондакова
Технический редактор
М. В. Гагарина
Корректор *В. А. Иванова*

ИБ № 8008

Сдано в набор 15.08.86. Подписано к печати 05.05.87. А 05452.
Формат 60×84¹/₁₆. Бум. офс. № 1. Шрифт литературный. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 13,02. Усл. кр.-отг. 26,86. Уч.-изд. л. 15,22. Ти-
раж 10.000 экз. Заказ № 108. Цена 70 коп. Орденов Трудового
Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская
литература» Государственного комитета РСФСР по делам изда-
тельства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр,
М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглав-
полиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам изда-
тельства, полиграфии и книжной торговли. 193036, Ленинград,
2-я Советская, 7.

Халил Захид

X 17 Детская литература Азербайджана: Очерки/
Перевод И. П. Мотяшова; Оформл. Ю. С. Урманче-
ева. — М.: Дет. лит., 1987. — 221 с.

В пер.: 70 к.

Очерки об истории детской литературы Азербайджана.

X 4603010200—363 016—87
M101(03)87

ББК 83. 3Аз
8САз

70 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

*F.Köçərli ad. Respublika Uşaq Kitabxanasının
Elektron Kitabları*